

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2012

Содержание

1. ДИСПРОПОРЦИЯ
2. СКОЛЬКО В ПОЛЯКЕ НЕМЦА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКАЯ ВОЙНА
5. КРЕСТ
6. МИСТАГОГИЯ ЖИВОПИСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСПЯТИЯ ГОСПОДНЯ
7. МИСТАГОГИЯ ЖИВОПИСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСПЯТИЯ ГОСПОДНЯ
8. РЕПОРТАЖ ИЗ ПОСТЕЛИ
9. ПУШКИН В КИШИНЕВЕ
10. НЕСЕРЬЕЗНЫЙ ПОЭТ, КОТОРОМУ НЕ ДО ШУТОК
11. МОЯ ВСТРЕЧА С РАСПУТИНЫМ
12. СВИДЕТЕЛИ И СВИДЕТЕЛЬСТВА
13. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ПРОЧИЕ ЦВЕТочки
14. БЛАГОРОДНАЯ ИДЕАЛИСТКА И ПОДЛЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ
15. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
16. КОСТЮШКОВСКАЯ ДИВИЗИЯ
17. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
18. И СМЕШНО, И СТРАШНО
19. ЭТО ВСЁ
20. ПОДАЙ ЖЕ РУКУ КАЗАКУ

ДИСПРОПОРЦИЯ

— Два года назад, после смоленской катастрофы самолета с президентом Польши Лехом Качинским на борту, говорили, что есть возможность выстроить на руинах этой трагедии что-то хорошее. Казалось, что беспрецедентная трагедия сможет сблизить россиян и поляков. Между тем спустя два года в Польше набирает силу разочарование в расследовании смоленской катастрофы. Москву обвиняют в попытках замести следы, а часть оппозиции всё громче обвиняет Россию в террористическом акте. А что об этом говорят в России?

Алексей Миллер (историк, профессор Центральноевропейского университета в Будапеште): Говорят мало. Большинство людей если и уделяют этому внимание, то усматривают в подобных обвинениях внутреннюю польскую политическую борьбу.

Александр Довнар (юрист из Москвы, несколько лет прожил в Польше): В связи со второй годовщиной катастрофы появились упоминания в СМИ, но в качестве постоянной эта тема уже не фигурирует. В частности, по той причине, что после Смоленска в России, к сожалению, произошло ещё несколько серьёзных авиакатастроф. Наибольшее внимание привлекло к себе крушение, в котором погибла хоккейная команда. Поэтому внимание общества переключилось или рассредоточилось. Что же касается обвинений по поводу катастрофы с самолетом господина Качинского, то некоторые из них, возможно, и справедливы, но это не значит, что следует верить теории заговора и говорить о теракте. Неприязнь российских властей не направлена против Польши. Это, скорее, типичная российская психология по принципу «как бы чего не вышло». Тем более что над сознанием по-прежнему тяготеют советские времена. Чиновники думают: «Поляки — это всё же иностранцы, которым лучше ничего не говорить». А о некоторых вопросах российская сторона молчит, возможно, потому, что сама не знает ответа. Не были проведены экспертизы или не были опрошены свидетели.

Владимир Варламов (больше пяти лет живет в Польше): Даже в день второй годовщины эта тема не стала главной в российских СМИ. Сам я узнал о второй годовщине из передачи польского радио. В интернете, например, я тоже не встретил никаких дискуссий. В России, как правило, бывает так: обсуждают, когда что-то случилось, а потом уже нет.

— Смоленск — не единственная трудная тема, постоянно возвращающаяся в польско-российских отношениях. До катастрофы 10 апреля таким вопросом, остававшимся нерешенным и постоянно обсуждавшимся, было катынское дело. Правда, Россия предоставила многие документы, а российские власти осудили сталинское преступление. Однако семьи расстрелянных в 1940 г. офицеров по-прежнему не имеют доступа ко многим важным историческим сведениям. В прошлом месяце Европейский суд по правам человека рассмотрел это дело и констатировал, что в отношении некоторых семей современные российские власти поступили бесчеловечно. Речь идет именно об отсутствии доступа к документам по катынскому следствию. Что этот вердикт означает для России?

Алексей Миллер: Он означает, что следует возобновить нормальное сотрудничество с польской стороной, которое было прервано после 2004 г., когда российская прокуратура прекратила следствие. Надо открыть документы и сотрудничать с теми людьми с польской стороны, для которых важна нормализация отношений, а не эскалация напряженности.

— Десять лет назад была создана Польско-российская группа по сложным вопросам, сопредседателями которой стали Адам Ротфельд и Анатолий Торкунов. Полгода тому назад создан Центр польско-российского диалога и согласия. Влияет ли деятельность этих организаций на прагматику отношений между обоими государствами?

Алексей Миллер: За последние три года в этих отношениях действительно возникло нечто новое. И это новое состоит не в плохом отношении к катынским семьям и даже не в том, что разбился самолет, а в том, что мартирология и взаимное недоверие уже не преобладают полностью. Это и есть то самое новое, и интересно, как это произошло, насколько это изменение долговременно и почему до сих пор такая тенденция сохраняется, если на нее ведутся яростные нападки.

— В России об этом говорят? Это имеет какое-то значение для формирования представления у российских граждан о Польше?

Александр Довнар: Скорее, нет. Большинство людей в России вообще может не знать об этих проектах. В российских СМИ эта тема не затрагивается. Тем более что в сознании многих укоренилось представление о том, что катынское преступление было совершено немцами. Безусловно, и это необходимо

отметить, многое изменилось в том, что касается знаний на эту тему, однако людям, пожалуй, те события представляются малоинтересными.

— Один чешский журналист сказал мне недавно, что «поляки просто обожают бесконечно воскрешать в памяти историю». Насколько точна эта оценка? Как по-вашему, господин профессор?

Алексей Миллер: Это правда, а еще точнее — поляки часто используют мартирологический подход к истории для формирования своего самосознания, а также в целях текущей политической мобилизации. Я этого не приветствую ни в польском варианте, ни в российском.

— Лукаш Адамский из Центра польско-российского диалога и согласия, когда я спросил его о причинах подчас нервных и нехороших политических отношений между обеими странами, ответил мне, что это результат «диспропорции взаимной заинтересованности». В Польше о России много дискуссий, ибо это ключевой для Варшавы партнер. С точки зрения Москвы, Польша занимает в лучшем случае второстепенное место — а это вызывает пониженный уровень заинтересованности. Так ли это на самом деле?

Александр Довнар: К сожалению, я должен согласиться с таким выводом. Впрочем, современная Россия очень напоминает Россию царскую. Те же геополитические проблемы, имевшие место тогда, в том или ином виде существуют и сейчас. В отношениях с Польшей дело обстоит не так плохо, ибо подход российских властей нейтрален. Однако следует помнить, что для моей страны партнеры №1 в Европе — это прежде всего Германия, Франция и Италия. Среди соседей у нас лучше всего складываются отношения с финнами. Весьма большое значение для России имеют США и Китай. Польша остается страной вроде бы близкой, но по-прежнему малоизвестной. А у России есть свои проблемы и по-прежнему существуют большие имперские амбиции.

Алексей Миллер: Интерпретация, низводящая проблему к «диспропорции взаимной заинтересованности», неверна. Разница между Польшей и Россией состоит в том, что в Варшаве отношения с Россией — это предмет внутренних политических разборок, а в Москве — нет. Польша важна для России как партнер — если это партнер, нацеленный на сотрудничество. Ключевой вопрос, по-моему, звучит так: удастся ли обеим сторонам добиться доверия в том плане, что и

Варшава, и Москва хотят нормализации отношений, чтобы взаимно доверять друг другу в этой области.

— И как, по-вашему, такое доверие возможно? Возможны ли вообще добрые политические отношения между Польшей и Россией?

Алексей Миллер: Да, такие отношения возможны, и серьезные шаги в этом направлении уже сделаны за время пребывания у власти «Гражданской платформы».

— А если подойти к вопросу с другой стороны: какой вес, какое значение для российских политиков, российских властей имеют отношения с Польшей?

Алексей Миллер: Просто нормализация отношений с Польшей значительно облегчит наши взаимоотношения с Евросоюзом в целом, а для России это важно.

— Независимо от существующей политической системы всегда возникает некоторая напряженность между сознанием политиков и представлениями обычных граждан. Те, кто находится у власти, должны в большей или меньшей степени учитывать личные соображения рядовых граждан. Что в России думают о поляках? Вы прожили в Польше несколько лет; какова разница, если она существует, между восприятием поляками русских и русскими поляков?

Александр Довнар: Разница есть, причем огромная! Поляки лучше разбираются в политике и жизни современной России. В России, как правило, о Польше знают мало.

— Некоторые из тех, кто хорошо знает Россию, отмечают, что в России начинает проявляться так называемое общественное мнение, то есть звучат голоса, формируются убеждения, независимые от властей. Это правда?

Александр Довнар: Действительно, за последние несколько лет многое было сделано, чтобы сформировалось общественное или гражданское сознание. Я считаю, что народные демонстрации, проходившие в декабре, — это одно из достижений президента Медведева.

— Когда я обратился к вам с просьбой дать интервью, вы написали, что «политикой вообще-то не интересуетесь в связи с ее отсутствием в Российской Федерации». Можете ли вы сказать об этом немного больше? В Польше, во всяком случае, может возникнуть такое впечатление, что о политике рассуждают практически все...

Александр Довнар: Самая большая проблема современной России — это отсутствие самостоятельной оппозиции, пользующейся настоящей поддержкой со стороны общества. Отсутствие оппозиции делает бессмысленными все разговоры о политике. Разумеется, кроме сплетен об интригах в Кремле...

— А если вернуться к представлениям русских о поляках — вы сказали, что ваши соотечественники знают о Польше мало. Что может привлечь их внимание, сблизить с нами?

Александр Довнар: Единственный, на мой взгляд, позитивный момент, — это сфера культуры, благодаря которой в России можно познакомиться с Польшей и жизнью поляков. Мне кажется, что прекрасной возможностью станет Евро-2012. Российские граждане посетят Польшу и убедятся, что это страна больших возможностей.

Ульяна Закладная (из Уссурийска, живет в Польше, изучает проблемы польско-российских торговых отношений, Белостокский университет): Когда я в первый раз собиралась ехать в Польшу, люди в России предостерегали меня: «Будь осторожна — там, в Польше, русских не любят, будь осторожна». Но когда я сюда приехала, то не встретила людей, которые были бы плохо настроены по отношению ко мне, меня встретили очень радушно. Мне тут понравилось, и я считаю, что люди в Польше хорошие.

— Но то, что вы сказали, означает ли, что предубеждение в отношении поляков распространено в России повсеместно?

Ульяна Закладная: Нет. Уссурийск — это небольшой город на границе с Китаем, люди оттуда не ездят в Польшу. В больших городах, таких как Москва или Петербург, у жителей к полякам обычное отношение, такое же, как к людям из других стран.

Алена Палажченко из Федерального агентства по туризму: В Польшу чаще всего едут жители центральной части России, они выбирают обычно Варшаву, Краков или Гданьск. Однако пока что, по нашим данным, Польша не значится среди двадцати стран, чаще всего посещаемых россиянами. По моему мнению, потенциал Польши в сфере туризма и краеведения по сути не используется. Многие российские граждане, путешествуя по Европе, просто проезжают через Польшу и не посещают ее. Они считают, что там нет ничего интересного, этот стереотип бытует еще с советских времен. От себя добавлю, хотя никто мне в этом не верит... (смеется), что я обожаю Польшу. Собственно, не знаю почему, но в Польше есть что-то такое. Я пыталась даже учить польский язык, а своему сыну дала

польское имя Ян. Мои друзья шутят, что, мол, в прошлой жизни я, наверное, была полькой...

— Раз уж речь зашла о стереотипах, я знаю, что в прошлом в России было распространено убеждение в том, что Польша в давние века вела себя агрессивно, как империалист, и что ей была присуща тенденция захватывать «русские земли» (сегодняшних Украины и Белоруссии). Польшу упрекали в интенсивной колонизации и распространении католичества на занятых территориях. Считалось также, что среди поляков сильна русофобия. А как дело обстоит сегодня? Каковы типичные представления о поляках?

Александр Довнар: Я не встречал таких автоматически существующих и упрощенных мнений...

Владимир Варламов: Сложно говорить о конкретных стереотипах. У каждого человека, в России ли, в Польше ли, есть свой опыт. Есть еще и такие люди, как например, солдаты из советских частей в Польше, — у них как раз больше всего оснований для тех или иных представлений. И эти представления на чем-то основаны. А жители малых российских городов иногда могут даже и не знать, где находится Польша, или думать, например, что там тоже пишут кириллицей. Всё зависит от человека, готовых схем не бывает.

Ульяна Закладная: С другой стороны, вовсе нельзя сказать, что в маленьких городах люди ничего не знают — идет ли речь о стереотипах или о правдивой информации. Я сама, как уже сказала, родом именно из такого маленького городка. Но, когда случилась катастрофа под Смоленском, мы знали об этом. Мы слышали, что это могло произойти по вине пилота, но также и то, что, возможно, чего-то недоглядела российская сторона. Во всяком случае, мы очень много об этом говорили, размышляли, каким образом это могло произойти. А прежде всего мы очень переживали, люди действительно приняли это близко к сердцу.

СКОЛЬКО В ПОЛЯКЕ НЕМЦА

Это был двадцатый гол Роберта Левандовского в этом сезоне. 11 апреля польский нападающий пяткой отправил решающий гол в ворота противника во время матча дортмундской «Боруссии» с мюнхенским «Байерном» — и благодаря ему «Боруссия» оказалась в шаге от титула чемпиона бундеслиги. Тем более что через три дня «Боруссия» в очередном важном матче победила «Шальке» со счетом 2:1, а гол в ворота противника забил другой поляк, Лукаш Пищек. Немецкие газеты пишут о польских «королях Дортмунда». Польские футбольные болельщики тоже поначалу радовались, а потом опечалились: понятно, что необходимо иметь немецкого тренера и немецкую лигу, чтобы польские футболисты могли добиваться таких успехов.

Многие болельщики из Дортмунда вернулись в близлежащий Бохум с более серьезными причинами для тревоги. Экономика Германии процветает, а сердце индустриальной Германии, Рурский бассейн, кровоточит. Американские владельцы фирмы «Опель» только что объявили, что завод в Бохуме, второй после главного предприятия в Рюссельсхайме, будет закрыт, а производство предполагается перенести в польский город Гливице. Billigstandort — так называют Польшу рабочие из Рурского бассейна — обойдется для производства гораздо дешевле. Standort — для Германии свято, правда, Польша давно уже не настолько billig, чтобы одна лишь стоимость труда предопределяла решение о переносе предприятий. Сегодня гораздо важнее то, что культура труда у нас схожая, а страна хорошо известна.

Экономические связи с Германией видны в Польше на каждом шагу. Покупки мы совершаем в сетях «Лидл» и «Реал», телевизоры приобретаем в «Медиа Маркт» и «Сатурн», косметику покупаем в «Россмани», а инструменты — в «Практикере». В Польше действуют немецкие газетные концерны («Аксель Шпрингер» и «Бауэр»), химические (BASF и «Линде»), продовольственные («Эткер» и «Бальзен») и телекоммуникационные («ДеТеМобиль»), здесь же производятся детали для автомобилей («Магна») и авиадвигателей (MTU), не говоря уж о сотнях действующих здесь малых и средних фирм. Шесть тысяч польских предприятий имеет пайщиков за Одером, а суммарный объем немецких инвестиций превышает 20 млрд. евро. В 2010 г.

поступили очередные 1,6 млрд. — больше инвестировал в экономику Польши только Люксембург, через который перекачиваются капиталы со всего мира.

Политика в течение 20 лет не поспевала за экономикой. Но именно это сейчас меняется: Иоахим Гаук, вступив в должность президента Германии, первый свой визит нанес в Польшу, Дональд Туск развивает контакты с канцлером Германии, а у Радослава Сикорского было серьезное выступление в Берлине. В Варшаву почти каждую неделю приезжают делегации немецких чиновников и парламентариев, политические верха Германии изменили свое отношение к Польше. Поляки всегда хотели, чтобы к ним проявляли больше внимания и уважения, но у Германии были более серьезные партнеры в Европе и в мире. Они такими и остались, но Польша вдруг стала более близкой, более интересной и более знакомой.

— Немцы обратили на нас внимание, — говорит Цезарий Стыпулковский, президент Банка развития экспорта, дочерней компании немецкого «Коммерцбанка».

Да здравствует Schuldenbremse

Всего пять лет тому назад наши ментальные приоритеты находились в противоположных концах Европы. Ярослав Качинский успешно разрушил двусторонние отношения, ухудшила их еще и Эрика Штейнбах, неясным оставалось будущее Северного газопровода, а в 2007 г. даже христианские демократы в Германии не верили, что Туск сумеет победить на выборах. Тут и случилась первая неожиданность: мало того, что он выиграл выборы, так еще потихоньку протянул руку Меркель. Потихоньку, ибо он помнил о президентских выборах, проигранных из-за дедушки в Вермахте, а кроме того Лех Качинский охотно разыгрывал антинемецкую карту, чтобы блокировать европейскую политику правительства.

— Немцы заметили, что Туск похож на Меркель: он не стремится к чему-то грандиозному, он решает конкретные задачи, — говорит Олаф Бенке, возглавляющий бюро Европейского совета по международным отношениям в Берлине.

В 2008 г. разразился финансовый кризис, а вслед за ним последовала первая глобальная рецессия. Тут для Германии возникла вторая неожиданность: Польшу рецессия не захватила. В Германии никто не обращал особого внимания на то, что Польша развивалась непрерывно на протяжении 20 лет.

Но то, что ее экономика выросла и в 2009 г., когда экономики Чехии и Венгрии сокращались, — этот факт произвел впечатление на Германию.

— Посыпались приглашения с просьбой приехать и рассказать о польской экономике, — вспоминает Марек Правда, польский посол в Берлине.

Во второй половине 2009 г. сама Германия стремительно вернулась на путь роста, но остальная Европа оставалась далеко позади. В зоне евро оживление можно было назвать рахитичным, в новых странах-членах ЕС оно происходило гораздо медленнее, чем до кризиса. За одним исключением: Польша.

— Нами заинтересовались, а вернее удивились тому, что польская экономика действует, — говорит Стыпулковский.

Третью неожиданность преподнесла Греция. В 2010 г. начался кризис в еврозоне, а вместе с ним посыпались требования к Германии, чтобы она выкладывала средства на спасение банкротов. Когда Меркель отказалась подписывать векселя *in blanco*, она тут же оказалась в одиночестве — зазвучали обвинения в том, что в хорошие для себя времена Германия буквально заваливала южных соседей своим экспортом, а теперь отказывает им в помощи. И как раз Польша, от которой можно было ожидать, что она присоединится к хору требующих, заняла сторону Германии: у Туска не было права присутствовать на встречах представителей стран, входящих в зону евро, но во время встреч на высшем уровне всего Евросоюза он больше призывал сокращать и реформировать, чем сострадать грекам. Немцев можно было упрекнуть в том, что они скупаются и поучают, но когда подобные призывы раздавались со стороны поляков, то даже французам не хватало аргументов.

Немцы вдруг открыли для себя, что польская бюджетная политика строится на тех же принципах, что и немецкая. Когда пришло время составлять фискальный пакт, они предложили остальным странам ЕС то, что они сделали у себя в 2009 г., то есть ввести запрет на поощрение чрезмерного дефицита, — и тут они поняли, что у нас, в Польше, *Schuldenbremse* действует даже дольше, чем у них.

— Они не переставали удивляться, что у этой страны, которая только-только встает на ноги, с 1997 г. существует конституционная запись о торможении растущего долга, — говорит Марек Правда.

Председательство Польши в Совете ЕС совпало с периодом пиковой фазы кризиса евро, и премьер Туск стал естественным союзником Меркель в вопросе блокирования неразумных инициатив стран Юга Европы, которым нередко оказывал поддержку Николя Саркози. Для Германии поддержка была тем более важна, что внутри зоны евро она все чаще оказывалась забаллотированной, а для самой Польши в период ее председательства в Совете ЕС стало возможным продвигать собственные инициативы. «Польша из бедной побирушки, какой она выглядела сразу после перелома, происшедшего в стране, превратилась во влиятельного члена Евросоюза, авторитет которого постоянно растет», — писал недавно «Шпигель».

Wirtschaftswunder по-польски

20 лет тому назад Германия и пфеннига ломаного не дала бы за Польшу. После падения коммунизма ее любимчиками в Центральной Европе были Венгрия и Чехия — ставка делалась на постепенные перемены, а шоковую терапию они считали идеей неудачной, из-за которой рано или поздно у Польши возникнут трудности. А кроме прочего, разумеется, бытовал стереотип polnische Wirtschaft, отсталой и беспорядочно развивающейся экономики без склада и ладу, в лучшем случае Bazarwirtschaft, некоего локального варианта примитивной торговли. Для осторожных и богатых немцев подобного рода бизнес считался недостойным. По бытовавшему тогда мнению, полякам можно было доверить разве что сажать спаржу, да и то под контролем.

Предрассудки, существующие по обе стороны, не помешали немецким фирмам инвестировать в польскую экономику, а польским работникам ездить на заработки в Германию. У кого в начале 90-х была голова на плечах, тот понимал уникальность выпавшего шанса: развитая страна с крупным капиталом рядом с отсталой страной, обладающей дешевой рабочей силой, — у каждого ощущается нехватка того, что другому срочно требуется, и обе страны разделяет только Одра. Так что Польша экономически была связана с Германией задолго до того, как вступила в Евросоюз. Германия в этом союзе — более сильная сторона, но о доминировании говорить не следует: немцы создали в нашей стране значительную часть промышленности, а мы взяли от них производственные технологии и методы управления. Никто нас к этому не принуждал, и если этот трансферт удался, то по одной простой причине: наш экономический менталитет подобен немецкому.

— С профессиональной точки зрения поляки всегда хотели быть немцами, — говорит Анджей Олеховский, бывший министр иностранных дел. Мы неохотно в этом признаемся, но восхищаемся немецким порядком и очень хотели бы видеть нечто подобное у себя.

— У нас всегда больше импровизации, чем организации, а у них — с точностью наоборот, — говорит Стыпулковский. Немцы уважают нас за трудолюбие, но они открыли в поляках нечто такое, чего им, в свою очередь, недостает: полет мысли и креативность.

— Когда немцы находят проблему, то сидят и думают всю ночь, и наутро у них готов план, как эту проблему решить. Поляки работают всю ночь и наутро проблема устранена, — говорит Мария Монтовская, директор сервисного отдела Польско-немецкой торгово-промышленной палаты. — Они отмечают, что в Польше есть тот дух предпринимательства, который присутствовал и у них в ФРГ в 50-е годы и который им так и не удалось возродить в бывшей ГДР, несмотря на сотни миллиардов евро, «вкочанных» в новые земли.

— Для немцев стал неожиданностью уровень подготовленности наших работников. Средний поляк неплохо образован, проявляет гибкость и равнодушен к порученному делу, — говорит Стыпулковский.

Прошли времена, когда поляков не допускали на руководящие должности. Поляки руководят филиалами «Дойче банка» и «Коммерцбанка», поляк возглавляет отделение фирмы Роберта Боша, еще одна поляка внедряла в Польше марку кофе «Чибо», а сегодня она уже работает в правлении фирмы в Гамбурге и отвечает за Центральную Европу.

Строят у нас Fabriken

— Для моей фирмы Польша — вторая важнейшая страна после Германии, — говорит Йорг Моммерц, председатель правления фирмы «MAN Truck & Bus» в Польше, ведущего производителя автобусов и грузовиков. — У нас здесь действует три предприятия, один из лучших финансово-бухгалтерских центров, предоставляющих услуги нашим европейским компаниям. В Стараховицах, Познани и Неполомицах на предприятиях мюнхенского концерна работают 4 тыс. человек, при этом качество продукции не уступает качеству товара, произведенного в Баварии. Все городские автобусы марки «MAN», курсирующие по улицам немецких городов, произведены в Польше.

Если европейская экономика вращается сегодня вокруг Германии, то Польша выиграла на этом значительно больше, чем, например, Греция. Ибо при новом разделении труда мы оказались не беззаботными потребителями, а стали трудолюбивыми производителями. Ключевое значение имела специфика инвестиций: в то время как французы инвестировали в торговлю, а британцы — в сферу услуг, немецкий капитал направился в производство, которое активизирует экспорт и обеспечивает реальный экономический рост. А главное, надолго связывает инвестора с тем проектом, в который вкладываются его инвестиции.

— Имея предприятие, всегда сложнее уйти из данного бизнеса, чем в том случае, когда имеешь какое-то бюро, магазин или банк, — говорит Монтовская. — Во время кризиса отсюда никто не уходил, ибо польские филиалы, в отличие от действующих в других странах, попросту зарабатывали.

— Сегодня мы с Германией составляем де-факто единый экономический регион, — говорит Олеховский. — Польские фирмы поставляют детали и узлы для более продвинутого производства в Германии, но все чаще к нам перемещаются целые предприятия. В отличие от тех стран Центральной Европы, которые меньше Польши и которые чаще всего останавливались на процессе сборки автомашин, Польша привлекает немецкие инвестиции из разных отраслей. Одним из аргументов в пользу размещения производства на нашей территории является то, что Польша представляет собой сравнительно крупный рынок сбыта — 30 млн. потребителей поддержало экономический рост в период кризиса, и поляки охотно покупают немецкие товары. Что касается польских продуктов, то немцы не проявляют подобной заинтересованности, поэтому наши продовольственные товары переупаковываются прежде, чем попасть на полки немецких супермаркетов. Но и это положение вещей постепенно меняется.

Польская фирма «Солярис» соперничает с фирмой MAN в тендерах на немецкие автобусы. В тамошних торговых центрах появляются магазины польских фирм «Резервд» и «Апарт», в магазинах бытовой химии и аптеках присутствуют косметическая продукция фирмы «Лирене». Инвестиции идут также в промышленность и сферу услуг: «Орлен» располагает в Германии автозаправочными станциями, фирма «Тьех» купила предприятие по производству соды, а фирма «Азоры Тарнув» — предприятие по производству полимеров. По

некоторым оценкам объем польских инвестиций составляет 1 млрд. евро.

Где же гастарбайтеры?

Это экономическое сращивание порождает самые разные статистические нелепицы, например такой факт, что мы экспортируем в Германию больше автомашин, чем Германия в Польшу, причем второй по величине «польский» экспортер — «Фольксваген». Германия вот уже 20 лет занимает первое место как торговый партнер Польши, но зависимость от большого соседа постепенно сокращается, а экономический союз уже не столь односторонен, как в 90-е годы. Объем товарооборота между Польшей и Германией за 20 лет возрос в целых 14 раз, но доля Германии в польском экспорте уменьшается по мере того, как мы выходим на другие рынки — еще 10 лет тому назад она составляла 34%, а сегодня — уже 26%. Три года назад мы вошли в первую десятку торговых партнеров Германии, заняв место России. У ФРГ объем оборота с нами больше, чем с Японией или Испанией.

Приезжающие в Польшу предприниматели почти сразу избавляются от стереотипов и отмечают структурное сходство. Подобно Германии Польша выезжает за счет экспорта и держится благодаря малым и средним фирмам — аналогам знаменитого «Миттельштанда», индустриального костяка немецкой экономики. При этом не оправдалось наиболее волновавшее немцев опасение: что после прошлогоднего открытия рынка труда они столкнутся с наплывом польских «гастарбайтеров». Ничего подобного не случилось: кто собирался приехать на заработки, тот сделал это раньше, а новые предложения из Германии оказались недостаточно привлекательными. Интереснее всего, что Польша становится привлекательной для немцев, эмигрирующих с целью заработка: в рейтинге стран, где они желали бы работать, Польша заняла третье место, после США и Швейцарии, опередив Австрию.

— Многое из этого позитивного удивления немцев происходит из-за низкого уровня их ожиданий и первоначально возникшей незаинтересованности в отношении Польши, — говорит Стыпулковский.

Кризис стал для нас судьбоносным, ибо не только способствовал успеху именно Польши, но и продемонстрировал на его фоне провал Венгрии и бестолковость Греции. Однако следует помнить, что энтузиазм ограничивается по-прежнему средой предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в

Польше, а интерес политиков — всего лишь исключение. Но надо сказать, что произошло значительное качественное изменение, ибо прежде доминировало пренебрежение, хотя по-прежнему широкая общественность почти ничего не знает о Польше. Болельщики дортмундской команды «Боруссия» не задумываются над тем, кто по национальности Левандовский, а 60% немцев никогда не бывали за Одером.

Не совсем уж deutsch

Польские правые пугают немецко-российским кондоминиумом и доминированием Берлина над Варшавой, но достаточно выйти за рамки мира бизнеса, чтобы увидеть, что онемечивание нам не грозит.

— Если сравнивать стандарты, согласно которым осуществляют свою деятельность наши административные органы, то здесь у нас катастрофа. В области соблюдения и принятия законов нам также еще можно многому поучиться у немцев, — говорит Монтовская.

При очевидном успехе польских преобразований мы всё еще отстаем от соседей в социально-экономических реформах. Пока мы пожинаем плоды своего роста, они успели повысить возраст выхода на пенсию, сократить социальные расходы государства и смягчить трудовой кодекс.

— Без реформ Герхарда Шредера где бы была теперь Германия? — говорит Стыпулковский. Премьер Туск не демонстрирует ни подобной реформаторской дисциплины, ни готовности рисковать собственным рейтингом во имя будущего страны. — Германия будет в выигрыше на протяжении следующих 25 лет.

Большие восходящие экономики ожидает бум потребления, а вместе с ним возрастет и спрос на всякого рода машины — промышленное оборудование, которое производит Германия. Немцы не избавлялись от промышленности в таком масштабе, как французы или англичане, поэтому заказы потекут к немецким фирмам, а следовательно что-то перепадет и польским филиалам и субподрядчикам.

— Их технологии будут развиваться, ибо они практичны и применяются повсеместно, — добавляет Стыпулковский.

Так что Польше гарантировано время для дальнейшего экономического развития, но ей следует подготовиться, чтобы не упустить такой шанс. Ей предстоит подтвердить не только то, что она способна производить, но и то, что она способна к

развитию и к научным исследованиям. Ведь так легко разочароваться, когда ожидания оказываются завышенными.

Ближайшее испытание уже не за горами: и им станет Евро-2012. Польские стадионы не вызывают у немцев восторга, хотя три из четырех были спроектированы немецкими архитектурными организациями. Будучи фанатами футбола, немцы очень внимательно следят за подготовительными работами.

Они будут с издевкой воспринимать каждое проявление беспорядка, но порядок оценят тем больше, чем удачнее окажется мероприятие. Со спортивной точки зрения мы сможем блеснуть лишь польскими футболистами, постоянно выступающими за немецкие клубы, в том числе тремя спортсменами, играющими за дортмундскую «Боруссию», а также теми нашими соотечественниками, которые играют сегодня в сборной Германии, — Лукашем Подольским и Мирославом Кlose. Футболисты лучше чем кто-либо демонстрируют сочетание славянской души и немецкой техники.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «4 июня, в День свободы, сквер перед бывшим управлением цензуры на варшавской ул. Мысьей был переименован в сквер Свободного Слова. Президент Бронислав Коморовский сообщил, что там будет установлен памятник Свободному Слову. По словам Коморовского, «в начале было свободное слово, а вслед за ним появилась и свободная Польша». Празднование Дня свободы в 23-ю годовщину июньских выборов было гражданской инициативой (...) Вечером на пл. Конституции, где в 1989 г. размещался избирательный штаб «Солидарности», первый некоммунистический премьер-министр Тадеуш Мазовецкий произнес тост. У президента Коморовского вчера был и еще один праздник — ему исполнилось 60 лет». («Газета wyborcza», 5 июня)

• «4 июня 1989 г. (...) состав нового Сейма предопределило избирательное законодательство: 65% мест было зарезервировано для коммунистов и т.н. партий-союзников, и лишь за 35% мандатов можно было побороться (...) Явка составила 62% (...) Результаты выборов стали шоком для тогдашних властей, а лагерь «Солидарности» ощутил себя хозяином положения. Нельзя забывать, что Сенат был избран честно [99 мандатов получила «Солидарность», 1 — независимый кандидат, а сторонникам власти не досталось ни одного. — В.К.], да и сами выборы вполне можно назвать свободными (...) Для оценки событий 4 июня важно не то, каким было тогдашнее положение о выборах, а то, как повели себя избиратели. Они же впервые после 1945 г. не испугались. В этот день мы услышали голос суверенного народа (...) 4 июня 1989 г. (...) стало неожиданностью для политиков и, как оказалось, для всего мира», — Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного суда. («Дзенник — Газета правна», 4 июня)

• «Казалось, опыт «Солидарности» и учение Папы-поляка создадут основу для новых межчеловеческих отношений, в которых доброжелательность, взаимопомощь и сотрудничество вытеснят вражду и недоверие. Однако нам не удалось избежать жестокой политической борьбы, ненависти, взаимных обвинений (...) Смоленская катастрофа была

использована для создания новой революционной идеологии с ее классической уверенностью, что всё вокруг плохо, поэтому на руинах старого порядка надо построить новый. Идеология переворота определяет конкурента как врага, которому приписываются происки, заговоры и предательство», — Ян Литынский. («Газета wyborcza», 9-10 июня)

• «Теракт — вот концепция, которая всё объясняет (...) Смоленск стал для нас испытанием (...) Радио «Мария», ТВ «Трвам» и «Наш дзенник» сыграли огромную роль — благодаря им Смоленск не забыт, а ложь не осталась без ответа», — Ярослав Качинский, председатель «Права и справедливости» (ПиС). («Жечпосполита», 26-27 мая)

• Польша была единственной европейской страной, избежавшей рецессии в 2009 году. Еще в 1997 г. мы вписали в конституцию потолок государственного долга на уровне 60% ВВП. По качеству жизни Польша занимает 29-е место в мире. По уровню коррупции — 41-е. В классификации экономической свободы мы опережаем французов на 3 очка, а итальянцев — на целых 28. За 22 года наш ВВП вырос в 3,5 раза. В прошлом году ООН включила нас в список развитых стран. Польша стала 20-й экономикой мира. По объему ВВП мы опередили Бельгию, Швецию и Голландию. А ведь еще 25 лет назад мы были банкротами. («Ньюсуик-Польша», 4-10 июня)

• «В первом квартале наш ВВП вырос на 3,5% (...) Инфляция съедает зарплаты, государство заканчивает строительство инфраструктуры, фирмы не инвестируют, потому что боятся кризиса. Вот причины, по которым в этом году наша экономика может вырасти всего на 2,8%». («Жечпосполита», 1 июня)

• «Расходы на содержание государственного аппарата всё меньше обременяют бюджет. Это происходит благодаря тому, что два года назад были заморожены зарплаты и остановлен рост числа чиновников (...) В прошлом году расходы на содержание аппарата составили в пересчете на одного поляка 7,2 тыс. злотых. На фоне других стран ЕС это довольно незначительная сумма. По данным Евростата, у нас она составляет 1,7 тыс. евро на душу населения, в то время как в Дании — около 12,5 тыс., а в Швеции — 10,9 тысяч. (...) Больше всего экономия заметна на примере текущих расходов на учреждения и институции, а также на содержание государственного имущества. За прошлый год они сократились на 0,6%», — Анна Цесляк-Врублевская. («Жечпосполита», 23 мая)

- «По данным министерства финансов, к концу мая 2012 г. внутренний долг Польши составил 526,1 млрд. злотых. В конце 2011 г. он составлял 507,2 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 5 июня)

- «Министр финансов Яцек Ростовский хвалится снижением польского государственного долга (...) Ведомство Ростовского утверждает, что госдолг Польши лишь недавно перевалил за 52% ВВП. Однако Евросоюз (...) сообщает, что наш госдолг уже превысил 56% ВВП (...) «Творческая бухгалтерия» Яцека Ростовского — это очередные действия из серии «ублажения сегодняшних избирателей за счет завтрашних налогоплательщиков» (...) Это игра с нашим благосостоянием (...) Государства, обремененные чрезмерным госдолгом (...) медленнее развиваются и чаще становятся банкротами», — Павел Добровольский. («Впрост, 4-10 апр.)

- «Вчера президент подписал закон о повышении пенсионного возраста мужчин и женщин до 67 лет». («Газета wyborcza», 2-3 июня)

- «Уже несколько месяцев подряд снижается уровень безработицы. В конце мая он составил 12,6%. Это означает, что уровень безработицы в Польше ниже, чем в апреле, но на 0,2% выше, чем год назад (...) У нас по-прежнему более 2 млн. безработных (...) Работодатели сообщили в центры занятости о наличии 76,3 тыс. свободных рабочих мест (на 2,1 тыс. меньше, чем в апреле)». («Жечпосполита», 8 июня)

- «Вчера Еврокомиссия представила подробный анализ конкурентоспособности 27 стран-челнов ЕС (...) В Польше проблемой остается безработица молодежи, вытекающая из неприспособленности системы образования к нуждам рынка. Слишком мала профессиональная активность женщин, что можно изменить, улучшив сеть детских садов (в настоящее время она худшая в Евросоюзе). Недостаточно развито новаторство в экономике, слишком слабы связи науки с бизнесом. По-прежнему слаба инфраструктура, устаревшей и неконкурентоспособной остается польская энергетика. Серьезное препятствие для экономического роста представляет бюрократия. Польша занимает второе место в ЕС (после Кипра) по высоте административных налоговых расходов и третье (после Чехии и Болгарии) по времени, необходимому для заполнения налоговых деклараций». (Анна Слоевская, «Жечпосполита», 31 мая)

- Вчера польский посол при ЕС Ян Томбинский был назначен новым послом Евросоюза в Киеве. Одновременно посол Польши

в Эр Рияде получил назначение на должность посла ЕС в Саудовской Аравии. Помимо этого, наши дипломаты руководят посольствами Евросоюза в Сеуле (Южная Корея) и Аммане (Иордания). («Газета выборча», 17 мая)

- «Поляки массово создают частные предприятия на левом берегу Одера. По данным Центрального союза немецких ремесленников, в 2011 г. в Германии было свыше 28 тыс. польских фирм, 94% которых были зарегистрированы в Берлине и восточных землях». (Эва Весоловская, «Дзенник — Газета правна», 18–20 мая)

- «В 2011 г. иммиграция в Германию была самой массовой за последние 15 лет (...) В прошлом году туда приехали с намерением остаться 958 тыс. человек (...) Среди них было 163,4 тыс. поляков — на 40% больше, чем за год до этого». («Пшеглэнд», 10 июня)

- «Только в 2010 г. белорусские пограничники задержали около 12 тыс. нелегальных иммигрантов (...) Многие из них пытались попасть через Белоруссию в Польшу и далее на Запад». («Пшеглэнд православный», май)

- «Впервые за последние шесть лет увеличилось число людей, живущих за чертой бедности (...) Похожая ситуация сложилась и с доходами. В прошлом году впервые за шесть лет их рост не опередил роста цен. Об этом свидетельствуют последние данные Главного статистического управления (ГСУ) (...) В прошлом году среднемесячный личный располагаемый доход (т.е. деньги, доступные для расходования) составил 1227 злотых. Реально (после вычета инфляции) он был на 1,4% ниже, чем за год до этого. Выросло также число людей, живущих в крайней нужде. Их уже 6,7% — на 1% больше, чем год назад». (Иоанна Цвек, Александра Фандреевская, «Жечпосполита», 1 июня)

- «Качество ветчины ухудшается (...) из-за впрыскивания воды. В ветчину добавляют полифосфаты, которые поглощают воду. Килограмм такой субстанции способен удержать 10 литров воды», — Станислав Ковальчик, главный инспектор торгового качества продовольственных товаров. («Газета выборча», 25 мая)

- «В 2006 г. главный инспектор торгового качества продовольственных товаров предъявил претензии к качеству 10% изделий мясной промышленности из-за несоответствия физико-химическим параметрам. В прошлом году таких изделий было уже 16% (...) Килограмм свинины с костями и

кожей стоит около 5 злотых. Что, в таком случае, содержится в колбасе за 4,89? «Очень много МОМ», — говорит инспектор. МОМ (механически отделенное мясо) — это масса из жира и костей. После отделения мяса остается скелет животного. Его пропускают через разной величины сита под высоким давлением или подогревают и перемалывают. К полученной массе добавляют свиную кожу, жир и всё, что годится в пищу в свиной голове. Плюс приправы и химические соединения, поглощающие воду. Точно так же изготавливают дешевые сосиски и паштеты. Дешевые мясoproductы составляют половину нашего рынка». (Петр Мончинский, Лешек Костшевский, «Газета wyborcza», 24 мая)

• «За последние четыре года зарплаты в органах местного самоуправления выросли на 11–18%, а штаты в некоторых учреждениях увеличились на 60% (...) Средние начисленные зарплаты в гминах выросли на целых 17%. К концу прошлого года гминный чиновник зарабатывал в среднем более 3881 зл., а еще в 2008 г. — только 3320 (...) Несколько медленнее росли зарплаты в городских и воеводских органах самоуправления (...) Параллельно росту зарплат раздувались штаты, особенно в воеводских учреждениях — на 60% по сравнению с 2008 годом (...) Для сравнения: в органах государственного управления к концу 2011 г. зарплаты были на 8% выше, чем в 2008 г., а число сотрудников увеличилось на два с небольшим процента (...) В свою очередь, в национальной экономике средние зарплаты выросли с 2008 г. на 15%». (Томаш Жульцяк, «Дзенник — Газета правна», 10 мая)

• «Органы местного самоуправления удвоили расходы на содержание зданий и зарплаты (...) За последние четыре года расходы местных самоуправлений в пересчете на одного жителя выросли на целых 100%. Причин несколько, начиная с растущих счетов за коммунальные услуги и кончая закупкой новых компьютеров». (Артур Радван, «Дзенник — Газета правна», 28 мая)

• «Последние опросы главных свидетелей обвинения говорят о значительном росте коррупции в органах местного самоуправления (...) «В самоуправлениях проводятся тендеры на огромные суммы, осуществляются масштабные инвестиции. Здесь покупают земельные участки, изменяют их назначение, выдают разрешения на строительство. Кроме того, самоуправления получают всё больше дотаций из ЕС. Здесь можно проворачивать по-настоящему крупные дела. Преступный мир видит это», — говорит Збигнев Рау, бывший замминистра внутренних дел и администрации (...) 80%

преступных группировок хотя бы однажды подкупили полицейского, 58% — таможенника, 50% — сотрудника органов местного самоуправления». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 28 мая)

• «За последние три года ни один подсудимый, обвинявшийся во взяточничестве, не был приговорен к максимальному сроку, предусмотренному Уголовным кодексом, т.е. к 12 годам лишения свободы. Только в одном случае взяточник получил 5 лет. Чаще всего коррупционеры вообще не попадают за решетку — в 60% случаев суды выносят условные приговоры». («Жечпосполита», 22 мая)

• «Из 77 тыс. проверок, проведенных налоговыми управлениями в 2011 г., 47 тыс. завершились выявлением нарушений в отчетности. Это дало государственной казне дополнительный миллиард злотых дохода. Еще 800 млн. принесли действия налогового контроля». (Эва Матышевская, «Дзенник — Газета правна», 15 мая)

• Всего 3 млн. злотых компенсаций выплатило государство в 2011 г. за ошибочные решения начальников налоговых управлений (...) В 2009 г. эта сумма составляла 6 млн. злотых. Крупные фирмы находятся под надзором управлений налогового контроля. За их ошибки три года назад государство заплатило 60 тыс. злотых, два года назад — 350 тысяч, а в 2011 г. — 28,9 млн. злотых. («Газета wyborcza», 5 июня)

• «240 тыс. злотых компенсации получит комендант полиции из Вышкува, просидевший два года в следственном изоляторе. Суд признал его невиновным в передаче информации преступникам». («Жечпосполита», 1 июня)

• «В Варшаву на конгресс общественного движения «Непокоренные-2012» прибыло свыше тысячи человек. Это люди, чьи фирмы обанкротились; многие из них лишились всех своих сбережений, сидели по несколько лет в следственных изоляторах, считались преступниками. Они утверждают, что государственные органы нарушили их права, что обвинения основывались на клевете и лжесвидетельствах. Непокоренные — потому что многие из них уже добились оправдательных приговоров, вступивших в законную силу. Многие по пять и более лет продолжают отстаивать свои права во всё новых инстанциях. Но лишь очень немногие смогли добиться от государства компенсаций за необоснованное заключение и ошибочные приговоры (...) Комиссия Сейма по вопросам юстиции уже два года отвергает все просьбы о встрече, на которой члены движения хотят объяснить, как в

Польше подделывают протоколы следствия, документы прокуратуры и судов». (Анджей Лешик, «Пшеглэнд», 10 июня)

• «На конгресс были приглашены президент, премьер, члены правительства. Никто из них даже не появился (...) Требования движения «Непокоренные-2012» сводятся к следующему: 1. Введение принципа презумпции невиновности для налоговых преступлений. В настоящее время предприниматель должен доказывать, что не нарушил закон, и убеждать в легальности своей деятельности. 2. Введение и соблюдение принципа равенства сторон (прокуратуры и защиты) на предварительном следствии. В частности, предоставление защите права допрашивать свидетелей и назначать экспертизы. 3. Разработка и утверждение таблицы компенсаций для жертв чиновничьих или судебных ошибок». (Войцех Выбрановский, Камила Барановская, «Жечпосполита», 1 июня)

• Согласно опросу ЦИОМа, «43% поляков заявляют об отрицательном отношении к правительству, 23% поддерживают его, а 27% относятся нейтрально. Премьер-министра поддерживает 31% респондентов, против него высказываются 56%. Работой его кабинета недовольны 66% опрошенных, а удовлетворены 23%». («Жечпосполита», 23 мая)

• «Дональду Туску не доверяют 47% поляков, опрошенных в мае ЦИОМом. Худшие показатели только у Ярослава Качинского (52%) и Януша Паликота (48%). Самым большим доверием пользуется президент Бронислав Коморовский (69%)». («Жечпосполита», 25 мая)

• «Согласно майскому опросу ЦИОМа, 61% поляков одобрительно отзывается о деятельности президента Бронислава Коморовского; 22% недовольны ею. Работу Сейма отрицательно оценивают 67% опрошенных, Сената — 50%». («Жечпосполита», 22 мая)

• Согласно опросу TNS-Польша, проведенному 24-27 мая, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 28% поляков, ПиС — 24%, Союз демократических левых сил — 9%, Движение Паликота — 8%, крестьянскую партию ПСЛ — 3%. Не определились с ответом 24% опрошенных. («Газета выборча». 31 мая)

• «Маршал Сената Богдан Борусевич не разрешил активистам «Солидарности» и Всепольского соглашения профсоюзов (ВСП) присутствовать на дебатах по закону о повышении пенсионного возраста до 67 лет. «Я сделал выводы из того, что творилось две недели назад перед Сеймом», — сказал

Борусевич. Тогда профсоюзных деятелей не пустила в зал заседаний парламента маршал Эва Копач. В ответ «Солидарность» на несколько часов заблокировала Сейм (...) «Поведение некоторых профсоюзных активистов полностью оправдывает решения маршалов Сейма и Сената (...), — сказал еще в среду премьер-министр Дональд Туск. (...) — Я понимаю маршалов обеих палат: они заботятся о том, чтобы заседания не нарушались такими формами давления, которые могли бы повлиять на законодательный процесс»». («Газета wyborcza», 24 мая)

• «В ходе пятничной манифестации «Солидарности» перед Сеймом был совершен (...) ряд преступлений, описанных в Уголовном кодексе (...) Серьезности происшедшему придает тот факт, что среди депутатов, лишенных (...) возможности свободно покинуть Сейм, были премьер, вице-премьер и министры. Если бы в это время произошло (...) событие, требующее немедленной реакции, Польша была бы лишена возможности защищаться. Депутата от ГП Павла Суского ударили древком от транспаранта (...) Когда он шел по улице вместе с бывшим вице-маршалом Сейма Стефаном Несёловским, профсоюзные активисты следовали за ними, не переставая осыпать депутатов бранью и оплевывать их (...) Депутата от Движения Паликота Войцеха Пенкальского ударили по лицу. Несколько других депутатов толкали и оскорбляли (...) Вся Польша видела, как депутатов унижали, некоторых даже били, однако, по официальным данным, ничего не произошло. Это опасный прецедент». (Петр Пытляковский, «Политика», 16–25 мая)

• «Отсутствие реакции полицейских на поведение собравшейся перед Сеймом толпы — пожалуй, еще более пугающее явление, чем сами плевки в сторону представителей польского парламента (...) Я продолжаю настаивать, что внезапный кризис вполне реален. У нас есть среда, которая успешно мобилизует своих сторонников на массовые выступления. Пис — это не нормальная партия, а группа, подрывающая принципы и основы польской демократии», — проф. Радослав Марковский. («Пшеглэнд», 27 мая)

• «Активисты «Солидарности», которые в пятницу не выпускали депутатов из здания Сейма, совершили преступление, незаконно лишая их свободы передвижения, — такое заявление подал в Районную прокуратуру Варшава — Центр директор канцелярии Сейма Лех Чапля. Еще одно заявление он подал на профсоюзных деятелей, которые

ударили палкой депутата от ГП Павла Суского, когда тот пытался прорвать блокаду». («Газета wyborcza», 16 мая)

- «В среду президент Бронислав Коморовский заявил, что активисты «Солидарности» нарушили закон, заблокировав в пятницу Сейм. Президент призвал исполнительную власть к «решительным действиям». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 17 мая)

- «Лех Валенса в интервью радио «Зет» сказал, что на месте премьера приказал бы разогнать манифестацию перед Сеймом дубинками, потому что «власть нужно уважать, выбирать с умом». («Тыгодник повшехный», 27 мая)

- «Вчера премьер-министр Дональд Туск получил в Берлине немецкую премию им. Вальтера Ратенау за заслуги в деле углубления европейской интеграции». («Польша», 1 июня)

- «Я опасаюсь медленной эрозии демократии и Евросоюза. В нашем всё более тесном мире найдутся люди, которые годами смогут жить в довольстве и безопасности, но, вероятно, их будет всё меньше (...) Общая валюта заменяла политику интеграции, создавая удобную иллюзию, будто сами рынки сделают то, на что политикам не хватало воли, смелости и дальновидности, — построят европейский организм (...) Результат был поистине дьявольским. Рынки окрепли и теперь конкурируют с демократией, общественными ожиданиями и Евросоюзом (...) Кризис не только создает действительность, но и обнажает ее глубинные механизмы. В частности, он открыл нам забытую истину: демократия смертна», — Марек Бейлин. («Газета wyborcza», 19–20 мая)

- «Всё указывает на то, что мы, европейцы, начинаем вымирать. В этом нет ничего нового. На свете уже были народы, которые вымерли. Жители перенаселенных стран — как правило, бедных — по-прежнему будут стремиться в Европу (...) Придет время, и место вымирающих племен займут другие (...) И, хотя мы такие замечательные, человечество без нас как-нибудь обойдется», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повшехный», 3 июня)

- «В своей речи по случаю посмертного награждения Яна Карского Медалью Свободы (высшей наградой США для гражданских лиц) президент Барак Обама употребил выражение «польский лагерь смерти». От имени покойного курьера польского подполья, рассказавшего Западу о Катастрофе евреев, медаль получил (и первым выразил протест) бывший министр иностранных дел Адам Даниэль

Ротфельд. Впоследствии протест выразили также президент Бронислав Коморовский (...) премьер-министр Дональд Туск (...) и министр иностранных дел Радослав Сикорский (...) Барак Обама ответил письмом президенту Польши, в котором выразил сожаление в связи с «ошибочно» употребленным выражением». («Тыгодник повсехный», 10 июня)

- В 1942 г. Ян Карский сумел пробраться в варшавское гетто. Переодевшись эстонским надзирателем, он проник на территорию лагеря смерти в Белжеце. То, что он там увидел, изменило его навсегда. Он должен был передать союзникам документы и официальный доклад об уничтожении евреев. В Великобритании он встретился с Энтони Иденом, в Вашингтоне — с Франклином Рузвельтом. До конца жизни Карский досадовал, что союзники слишком мало сделали для предотвращения геноцида. Он был истинным патриотом, человеком глубоко верующим и безрассудно смелым. В нем была внутренняя сила, которая позволила ему выстоять, действовать без колебаний и не сомневаться в сделанном выборе. Но у него была гневная душа. И до самой смерти он не погасил в себе этот гнев. (Бен Макинтайр, «Польска», 1–3 июня)

- Помимо Яна Карского Медалью Свободы были награждены лишь несколько поляков: Папа Иоанн Павел II (2004), президент Лех Валенса (1989), Ян Новак-Езёранский (1996) и Артур Рубинштейн (1976). («Жечпосполита», 30 мая)

- «В последнее время у нас появилась огромная потребность в пересмотре отношения к истории. Мы хотим не только рассказывать о героизме, но и честно признаваться в своих грехах», — Барбара Холлендер. «А что было бы, если бы я родился до войны в Дортмунде? Может быть, убивал бы шесть лет подряд евреев? Я не знаю ответа на этот вопрос. Важно, что я способен его себе задать», — Мацей Штур. («Жечпосполита», 12–13 мая)

- «Миколай Гринберг, «Спасенные из XX века», изд. «Свят ксёнжки», Варшава 2012. (...) Гринберг отправился в Израиль и выслушал 25 рассказов людей, переживших Катастрофу (...) Читатель должен быть особенно благодарен ему и его собеседникам за то, что они без самоцензуры говорят об участии в Катастрофе поляков (...) Книга Гринберга рассчитана на широкий круг читателей. Хотелось бы, чтобы эти читатели смогли принять к сведению, что поляки массово доносили на своих еврейских соседей, шантажировали их, заставляли откупаться, убивали. Как говорит один из уцелевших, по-человечески они бывали хуже немцев (...) Мы страдаем от

недостатка знаний и дискуссий о том, в чем Польша и поляки виноваты перед евреями. Не потому, что эти знания недоступны, а потому, что большинство не хочет о них слышать», — Артур Домославский. («Политика», 16–22 мая)

• «Со вчерашнего дня у Осипа Мандельштама, великого поэта и уроженца Варшавы, есть в нашей столице первая в мире улица его имени. Она находится на территории старого университетского кампуса на Краковском предместье (...) Где именно родился Мандельштам, сын еврейского торговца кожаными изделиями, до сих пор остается загадкой». (Ежи С. Маевский, «Газета wyborcza», 19–20 мая)

• «Необычное событие в варшавском районе Воля. В школе Лаудер–Мораша сыграли ортодоксальную еврейскую свадьбу. За церемонией, проходившей перед зданием школы, наблюдали из окон и с балконов окрестные жители (...) Вел церемонию главный раввин Польши Михаэль Шудрих (...) Ортодоксальные свадьбы случаются очень редко. В Варшаве предыдущая такая свадьба была в прошлом году». (Томаш Ужиковский, «Газета wyborcza», 25 мая)

• «270 млн. злотых потратит в этом году министерство национального образования на обучение 53 тыс. учащихся в школах национальных меньшинств. Это на 20% больше, чем в 2011 году. Больше всего получают школы немецкого и кашубского меньшинств (соответственно 120 и 100 млн. злотых), меньше всего — школы еврейского и армянского меньшинств (738 и 227 тыс. злотых)». («Газета wyborcza», 28 мая)

• «Из года в год продолжается вытеснение польского языка из белорусской государственной системы образования. В начале столетия число молодых поляков, изучавших в Белоруссии родной язык в рамках школьных занятий, достигало 21 тыс. человек. Спустя десять лет оно уменьшилось в два раза». (Анджей Писальник, «Жечпосполита», 7 мая)

• «Менее 23 баллов из 40 возможных набрали в этом году шестиклассники при сдаче обязательного теста в конце начальной школы. Это на 3 балла меньше, чем год назад, и на 2 — меньше, чем в 2010 году (...) Хуже всего ученики справились с заданиями, где надо было применить на практике полученные знания и продемонстрировать способность к рассуждению. Легче всего им давалось использование информации. По чтению и письму шестиклассники получили около 60% возможных баллов». (Артур Грабек, «Жечпосполита», 29 мая)

- «Разница в оценках по итоговым экзаменам в гимназиях одного и того же города может достигать 43%. Эксперты по образованию говорят о всё более явственном разделении гимназий на хорошие и плохие». (Артур Грабек, «Жечпосполита», 26–27 мая)

- «Все больше вузов проверяет на плагиат научные работы своих выпускников и сотрудников. Уже 179 высших школ сотрудничают с сайтом Plagiat.pl. В общей сложности за 10 лет существования сайта было проверено свыше 370 тыс. дипломных работ». (Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 18–20 мая)

- «Вчера в автокатастрофе погиб Борис Возницкий (1926–2012), украинский историк искусства, почетный доктор варшавской Академии художеств и краковского Педагогического университета, кавалер командорского креста ордена Возрождения Польши и золотой медали За заслуги перед культурой «Gloria Artis» (...) «Он не проводил различий между польской и украинской культурой. Для него важно было любое культурное наследие. Он пытался спасти все, что только можно», — говорит проф. Ян Островский, директор Вавельского королевского замка». (Михал Плотинский, «Газета wyborcza», 24 мая)

- В прошлом году пьяные водители стали причиной 2717 несчастных случаев, в результате которых 300 человек погибли, а 3,7 тыс. получили ранения и травмы. За последние пять дней было задержано 2823 пьяных водителя. Согласно опросу социологического центра «Номо Номини», 57,3% респондентов утверждают, что ни разу не отговаривали садиться за руль водителя, употребившего алкоголь. 84% из них говорят, что не видели в этом потребности. («Жечпосполита», 12 июня)

- «Согласно опросу ЦИОМа, 66% жителей Польши считают ее безопасной страной. Противоположного мнения придерживается 31% опрошенных. За последний год доля респондентов, удовлетворенных состоянием безопасности, уменьшилась на 9%. Чаще других в безопасности чувствуют себя жители села, реже — жители больших городов и крупных агломераций». («Жечпосполита», 11 мая)

- «Согласно докладу популярного интернет-турбюро eSky.pl, в этом году многие поляки решили отправиться в заграничные отпуска еще в июне. Вдобавок большинство выбирает двухнедельный отдых вместо недельного (...) Вероятно, причиной июньских отпусков стала перспектива приезда в Польшу по меньшей мере полумиллиона болельщиков (...)

Тенденция бегства от Евро-2012 лучше всего прослеживается в Варшаве». (Адам Возняк, «Жечпосполита», 18 мая)

- «В связи с Евро-2012 временно возобновляется контроль на границах Польши с Чехией, Германией, Литвой и Словакией (...) Пограничный контроль будет осуществляться с 4 июня по 1 июля». («Жечпосполита», 4 июня)

- «“Начинается усиленное наблюдение за болельщиками”, — говорит инспектор Мариуш Соколовский из Главного комиссариата полиции. Наблюдением занимаются специальные подразделения при воеводских комиссариатах полиции. Благодаря их действиям полицейские уже задержали за уголовные преступления 600 человек». («Впрост», 11-17 июня)

- «Для болельщиков подготовлен электронный путеводитель по правобережной Варшаве. Однако его польская и английская версии отличаются от русской, где нет упоминаний о пражской резне во время восстания Костюшко (...) Фрагмент о кровавых событиях 218-летней давности (...) был изъят из путеводителя после вмешательства посольства Российской Федерации (...) По мнению представителей России, изображать Александра Суворова главным палачом Праги несправедливо (...) Российские историки возлагают ответственность за пражскую резню на шедших с войсками Суворова казаков и прусских солдат». (Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 11 июня)

- «Вчера представители сборной России по футболу возложили цветы к мемориальной доске в честь жертв смоленской катастрофы на стене Президентского дворца. Футболисты почтили память жертв минутой молчания». («Газета выборча», 11 июня)

- «Мы смотрим друг на друга с разных сторон одной подозрительной трубы. В результате мы видим Россию значительно большей, чем она есть на самом деле. Она кажется нам огромным уродливым медведем с длинными когтями. А они смотрят с другой стороны — и труба нас уменьшает. Они видят нечто маленькое, недостойное внимания. Смотреть в эту трубу не имеет смысла. Лучше всего было бы, если бы мы могли смотреть друг на друга вблизи (...) Я сторонник отмены виз. Мы будем ездить туда, они приедут сюда, и все увидят, кто как выглядит по-настоящему (...) Мне бы хотелось, чтобы матч Польша—Россия закончился со счетом 1:1 и обе команды вышли в следующий этап чемпионата», — Станислав Цёсек, бывший посол Польши в России. («Впрост», 11-17 июня)

- «В пятницу в Варшаве на заполненном до краев Национальном стадионе начался чемпионат Европы по футболу (...) На церемонию открытия пришли 55 тыс. человек». («Жечпосполита», 9-10 июня)

- «Нужно всегда болеть за наших — что бы ни случилось. А если поляки не играют, мы должны болеть за команды католических стран (...) Даже если большинство игроков — мусульмане или неверующие. Это не имеет значения. Все равно они играют за католическую Францию (...) Прежде всего мы должны болеть за поляков, потом за католические страны и, наконец, за христианские. И здесь мы отдаем предпочтение православным, а не еретикам. Если не играют христиане, будем болеть за монотеистов», — Мариан Пилка, политик партии «Правые Речи Посполитой», бывший председатель Христианско-национального объединения. («Жечпосполита», 9-10 июня)

- «Раньше команды (...) выбегали на стадион по очереди — сначала гости, а после них хозяева. И гостей встречали аплодисментами (...) Я не в состоянии объяснить, почему эйфория, сопутствующая футболу, перерождается в бандитизм (...) Я говорил об аплодисментах команде противников во многих школах, и везде на меня смотрели как на наивного простофилю. Никогда не забуду недоросля, который слушал меня, развалившись на стуле, и видно было, что я сильно действую ему на нервы. Наконец он не выдержал и спросил: «Так что же вы были за болельщики?» «Сынок, — ответил я ему, — как раз мы-то и были настоящими болельщиками»», — проф. Ян Мёдек. («Газета wyborcza», 26-27 мая)

- «Напряженный матч Польша—Россия закончился вничью 1:1 (...) Не обошлось без стычек между польскими и российскими хулиганами и столкновений с полицией (...) Полицейским пришлось несколько раз применить гладкоствольное оружие и водометы», — Мариуш Станишевский. «В драках участвовали несколько сот человек, а на стадионе и улицах Варшавы прекрасно проводили время 200 тысяч болельщиков», — Войцех Выбрановский, Ярослав Стружик. «Атмосфера обещала быть напряженной, провокационной. Марш тысяч россиян через центр Варшавы — это вам не шествие радостных хорватов по улицам Познани (...) Организации польских болельщиков призывали к спокойствию и предостерегали от провокаций. В свою очередь, их российские коллеги отказались от политических лозунгов (...) У более чем трех тысяч участников марша был, кажется, лишь один красный флаг и портрет Сталина. Хулиганы с обеих сторон, которые, несмотря

ни на что, пытались развязать крупномасштабную драку, остались в изоляции (...) Великолепно сработала полиция», — Анджей Талага. («Жечпосполита», 13 июня)

- 184 человека задержаны (156 поляков, 25 русских, испанец, венгр и алжирец), 140 получили ранения и травмы (в т.ч. санитар и женщина-волонтер, оказывавшие помощь раненому, а также 17 полицейских). Повреждено 13 полицейских машин. Порядок поддерживали 6 тыс. сотрудников полиции. Матч на Национальном стадионе посмотрели 55 тыс. болельщиков, в т.ч. 29 528 поляков и 9852 россиянина. По каналам Польского телевидения матч посмотрели почти 14,7 млн. человек. После матча Польша — Россия на 15% вырос дневной доход собирателей банок из-под пива, продающих их в пунктах сдачи металлолома. Килограмм алюминиевых банок стоит 4,10 злотых. («Газета wyborcza», «Дзенник — Газета правна» и «Жечпосполита», 14 июня)

- «Вчера о беспорядках разговаривали по телефону премьер-министр Дональд Туск и президент России Владимир Путин. «Организаторы турнира несут полную ответственность за обеспечение безопасности болельщиков», — заметил Путин. Туск подчеркнул, что подавляющее большинство поляков и российских граждан получали удовольствие от футбольного праздника в дружелюбной атмосфере, а инциденты касались незначительной части болельщиков». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 14 июня)

- Михаил Федотов, советник президента России, глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (отрывки из интервью): «Эти хулиганы не имеют ничего общего с любителями спорта — ни с польскими, ни с какими-либо другими. Польская полиция, на мой взгляд, была хорошо подготовлена и действовала слаженно и эффективно (...) Я знаю, что очень многие поляки относятся к русским доброжелательно и с симпатией. Поэтому я предложил министру [внутренних дел Яцеку] Цихоцкому, чтобы 12 июня вошло в нашу общую историю не как день хулигана, а как день спорта, который мы ежегодно будем отмечать товарищеским матчем наших сборных». («Газета wyborcza», 14 июня)

- Решением УЕФА Российский футбольный союз оштрафован на 120 тыс. евро за поведение российских болельщиков во время прошедшего во Вроцлаве матча с Чехией (4:1 в пользу России). Видеозаписи подтвердили, что россияне бросали на поле файеры (из-за чего матч пришлось прервать), пронесли на стадион баннеры недозволенного содержания, а также избили стюардов. («Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 14 июня)

• «Жиранфы. Две особи из трех, живших в лодзинском зоопарке, уже умерли. Сначала погибла Сури — собственно говоря, практически сразу. Разрыв сердца от испуга. Точнее, сердечного клапана. У жирафов тоже есть сердечные клапаны. В ночь с субботы на воскресенье неустановленные человеческие скоты в количестве полутора десятков штук ворвались на территорию зоопарка, совершенно стихийно и бескорыстно громя всё, что подворачивалось им под руку (...) Вторую жертву ночных шалостей звали Хана — она распрощалась с жизнью через несколько десятков часов после Сури. Выжил только Малкольм». (Ян Клята, «Тыгодник повшехный», 20 марта)

• «Машина, которую вела женщина, сбила косулю. Авария не представляла серьезной опасности — машина ехала медленно. Один из свидетелей подошел к животному, сначала погладил его, а затем мгновенно свернул ему шею (...) Полицейские нашли мертвую косулю у 40-летнего Михала С. (...) Она была беременна». («Газета выборча», 11 мая)

• «В тюрьмах и следственных изоляторах сидят 180 человек, приговоренных к лишению свободы за издевательство над животными. 34 из них принимают участие в добровольной программе по ресоциализации, в рамках которой заключенные работают, в частности, в приютах для животных». («Газета выборча», 4 июня)

• «Первой в Польше тюрьмой, открывшей двери для собак из приюта, стал следственный изолятор в Хайнувке. Несмотря на многочисленные препятствия, директор СИЗО майор Роман Пашко (...) начал осуществлять программу «Друзья, или Собака в камере» (...) И собаки, и люди возвращаются в нормальный мир. Измученные собаки из близлежащего приюта вновь обретают веру в человека (...) А бандиты становятся восприимчивее к невзгодам и страданиям». (Дорота Суминская, «Котье справы», май)

• «Части 1 и 2 ст. 35 закона о защите животных предусматривают в качестве высшей меры наказания за (...) убийство животного два года лишения свободы (...) Ст. 288 УК гласит, что виновный в уничтожении чужого имущества может быть приговорен к пяти годам лишения свободы (...) Установленная законодательными органами пропорция не позволяет сказать, что польские законы обеспечивают гуманное отношение к животным». (Яцек Чарногорский, «Жечпосполита», 30 мая)

ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Отрывок из книги

Польские антисемиты убеждены, что евреи проявляют к Польше особый интерес, и доля правды в этом есть. Всё потому, что большая часть евреев родом из Польши. Включая тех, кто заявляет, что они из России или Австрии, и даже тех, кому представляется, что они из Германии или Франции. Поскреби русского, и там окажется татарин, поскреби еврея — Польша (с Кресами), если не в первом поколении, то во втором или третьем. У Польши могло бы быть много друзей в мире, если бы она захотела. Но она не захотела, как не захотела, чтобы у нее была своя «колония» в Израиле. Напротив, она делала всё, чтобы их оттолкнуть, настроить против себя. Так было до войны, и сейчас так.

В Лос-Анджелесе проживало полмиллиона евреев, и я раз в неделю выступал в какой-нибудь организации, клубе или синагоге. Всем хотелось знать. Каждый в Польше кого-то оставил, кого-то во множественном числе — часто в сильно множественном, — и потерял навсегда. Каждый хранил в горькой памяти ключ от сожженного дома, гораздо более тяжелый, чем тот из «Испании, Испании»^[1]. Приглашали меня к себе в основном те, кто родился в Польше, у них были свои воспоминания. Внешне невозмутимые американские мещане в удобных американских квартирах, но каждый помнил что-то плохое и удивлялся, что я так долго не уезжаю из Польши.

В богатой реформатской синагоге на окраине Беверли-Хиллз, где сидели с непокрытой головой, как в церкви, среди собравшихся оказался истый коммунист, о чем никто не догадывался. Мы узнали об этом только из «Моргн — Фрайхайд» («Завтра — Свобода»), коммунистической газеты, которая выходила в Нью-Йорке на идише. Там он написал, что я пересказывал «ложь о Народной Польше, ложь за ложью». Это было в январе.

В феврале у меня была лекция в Сан-Франциско, в Bay Council for Soviet Jewry, благотворительной организации, помогавшей советским евреям. Большой зал, множество ораторов, масса организационных вопросов. Я сидел в сторонке и ждал, когда меня позовут на сцену. И тут ко мне с двух сторон подсаживаются двое — оба в пальто, вроде зашли сюда на

минутку, в шляпах, хотя головные уборы не обязательны, и с чрезмерно загнутыми носами, какие не часто увидишь даже у евреев, — и начинают у меня выпытывать: где живу, когда прилетел, к кому, на сколько, чем занимаюсь, на что живу? Я почувствовал раздражение и попробовал встать, но они придвинулись ближе, и я оказался просто зажат так, что не мог двинуться с места. Наконец с кафедры произнесли мое имя, все головы повернулись в нашу сторону, и им пришлось меня отпустить. На сцене я спросил председательствующего, что это за типы, но, когда мы обернулись взглянуть, тех уже и след простыл. Я вспомнил о них месяц спустя, когда в печати появились сообщения, что в Праге из Влтавы извлекли тело американца — сотрудника еврейской благотворительной организации.

На ночь я остановился у вице-председателя, который в частной жизни был владельцем предприятия по производству содовой. Мы ужинали за большим столом, откуда открывался прекрасный вид на залив Сан-Франциско. Я сидел напротив его сына, который носил длинные волосы и бородку, как у Иисуса Христа, и потертое тряпье в стиле хиппи, чтобы все видели: ему не нужны деньги отца, он на них не претендует. Я сразу с ним поругался. Он утверждал, что в Америке плохо, а я — что хорошо, даже слишком. Он считал американскую интервенцию во Вьетнаме преступлением, а я — защитой цивилизации. Он воображал себя революционером, а я его — бездельником. Последнее мнение я изменил после того, как он вышел и его мать сказала, что он ездил на Юг и, рискуя собой, выступал там с требованиями избирательного права для чернокожих и уничтожения расовой сегрегации.

На следующий день гостеприимный хозяин возил меня по «зыбким холмам, которые скатывались в море», среди «шатких домов, которые скатывались с холмов». Моросило, и промокшие острова окутывал туман. «Что нам надо под этим дождем, что мы делаем в этом тумане?» — недоумевал я, глядя на сотрудника еврейской организации в тирольской шляпчонке с узкими полями и фигуру святого Франциска, простершего над заливом руки, как крест, что не вызывало у меня ни малейшего доверия, и мне чудилось, что «острова смотрят на нас исподлобья, холмы хотят столкнуть нас в море». Я попросил высадить меня у кампуса и пошел по старой платановой аллее, мощеной красным клинкером, как шоссе под Ловичем. Я подождал Чеслава Милоша у двери класса. А в его кабинете встретил Яна Котта. У него был контракт с Беркли на место Александра Вата, умершего в прошлом году, и он сказал, что после этого семестра вернется в Польшу.

— Вы подождите, вы не торопитесь, — попросил я.

— Ах, мы люди другого поколения, мы с вами по-разному смотрим на вещи, — ответил он.

Я ощутил свое бессилие. Ужасно знать, что есть и что будет, когда не можешь ничего предотвратить.

Пан Чеслав привез меня в свой красивый дом у Медвежьей Горы^[2], над туманом залива. Пани Янина приготовила лазанью, мы запивали ее красным калифорнийским вином. Котт должен был прийти на ужин, но не пришел. Потом пан Чеслав вез меня на своем шведском автомобиле по очень длинному и очень высокому мосту, а я мысленно говорил ему: «Что мы делаем на мостах, которые взбираются на самое небо... в меланхолии шатких домов, скатывающихся в море холмов, в брызгах островов, которых не знают корабли нашей надежды...». Мне казалось, что мы «цепляемся друг за друга, как цепляются за соломинку», а говорим так, будто «вяжем, лепим плот из польских слов...». Вернувшись домой, я сразу отправил это стихотворение в Париж, и оно было опубликовано в апрельском номере «Культуры» с посвящением «Полякам из Сан-Франциско».

Тем временем в Польше Гомулка снял со сцены национальную драму по классической поэме «Дзяды»^[3], которая показалась ему, и не напрасно, еще более провокационной, чем наше наивное «По просту»^[4] десятилетие назад. Снова начались протесты варшавских студентов. И снова Гомулка выставил против них полицейских с дубинками, которые на этот раз избивали участников даже на территории университета. Тут уж взбунтовались студенты и из других городов, но у Гомулки имелся свой туз в рукаве: это вовсе не народ, это результат подрывной деятельности пятой колонны — и началась открытая война.

Артиллерийскую подготовку поручили, как обычно, прессе. «В чьих это интересах»? — вопрошали заголовки. — Кому это выгодно? Кто за этим стоит? Чье влияние?». На подобные риторические вопросы отвечали транспаранты на митингах: «Долой сионизм!», «Долой пятую колонну!». Гомулка вышел на трибуну, над которой висел лозунг: «Родина у каждого только одна», и, подняв вверх палец, заявил, что в мартовских событиях «активное участие приняла учащаяся молодежь еврейского происхождения». Он выразил убежденность, что «никто никому не может навязать национального чувства», но «такие люди, однако, должны избегать тех областей

деятельности, в которых признание своей общности с народом является необходимостью».

Эти тонкие намеки мгновенно были переведены на более конкретный язык резолюций, в которых общественные организации и трудовые коллективы со всей страны требовали «очистить государственный аппарат и органы управления культурой», «полностью очистить от сионистских элементов административные органы, в том числе в сфере науки», «изолировать их (эти элементы) от честных трудящихся», а также «сурово наказать врагов Народной Польши». Раздался боевой клич: «Вывести виновных на чистую воду!», «Сорвать маски с врагов тайных и явных!», «До конца искоренить зло». Фразеология была не нова. Достаточно заменить одно слово в лозунге: «Международный сионизм и его ставленники внутри страны не могут рассчитывать на снисхождение», чтобы вернуть нас в прошлое на тридцать лет назад.

Ида Каминская приняла в тот день успокоительное и заснула в кресле. И вдруг услышала хорошо знакомые крики: «Sieg Heil! Sieg Heil! Sieg Heil!». Она встала, заглянула в соседнюю комнату, а там муж смотрит прямую трансляцию выступления Гомулки перед партийным активом, и слушатели одобрительно скандируют «Ве-слав! Ве-слав! Ве-слав!». Ошибка оказалась невелика, ибо в ту же самую ночь какие-то юнцы с криками: «Juden raus!» ломились к Йоанне Мунк, вдове режиссера, создавшего лучший фильм об Освенциме. У нее случился инфаркт, и на следующий день она умерла в больнице.

Эля Чижевская прилетела в январе в Варшаву, чтобы сняться в фильме Вайды «Всё на продажу». Со вкусом одетая, худенькая, точно нью-йоркская модель; таможенники в аэропорту улыбались ей, просили автограф. Но уже тогда перед входом в отель она заметила типов в пальто от госбезопасности и слышала в свой адрес громкие замечания:

— Глянь, какая худая.

— Смотри-ка, что он с ней сделал, этот Ицек.

Натурные съемки должны были проходить на фоне выпавшего снега, а Эле неожиданно принесли приглашение во Дворец Мостовских^[5]. Она пыталась отложить визит под предлогом, что погода может в любой день измениться. Вмешался и Вайда, ведь фильм снимался на государственные деньги, жаль выбрасывать их на ветер. Нет, отложить нельзя. Полдня, т.е. весь съемочный день, ее расспрашивали о Тырманде и обстоятельствах нашего бегства. Знала ли она, слышала ли она,

не говорили ли мы, кто нам помогал, был ли кто-нибудь в курсе?

— Как вы думаете, они сбежали из меркантильных или политических соображений?

— Конечно же, меркантильных, вы что, евреев не знаете? — не задумываясь, ответила Эля.

Знала, что гордость нужно спрятать, ведь надо фильм снимать, поэтому проявила ангельское терпение, применив все свои актерские способности.

А сразу после мартовских скандалов было опубликовано открытое письмо Вайде в газете «Валька молодых», с вопросом, почему он взял на роль «госпожу Хальберстам», чей муж, будучи корреспондентом «Нью-Йорк таймс», чернил Польшу в американской печати? Разве нет в Польше других актрис? Эле пришлось прервать съемки и уехать. В аэропорту ей приказали открыть чемодан.

— Ах, вы на постоянное место жительства, тогда попрошу представить полный список вывозимых вещей.

Ей пришлось записать каждую пару трусов, каждый бюстгальтер, гигиенический пояс. Они открывали тюбики с губной помадой, тыкали пальцем в крем, распороли меховую шапку.

— Вы эмигрируете, так что пройдемте в комнатку.

И стриптиз, первый в ее карьере. С пальцем в интимные места, что не позволено и в самом разнузданном западном стриптизе. Хуже всего, что это были те же самые люди, которые раньше улыбались ей и просили дать автограф. Вылет задержали на час. Она сидела, зябко съежившись, в пустом зале ожидания. Подошла буфетчица.

— Пани Эля, вы хотели чаю, — произнесла она, подавая чашку с виски.

«Ваш конец близок, пакуйте чемоданы!», — требовал «Глос молодых», издание для рабочей молодежи. И ежедневно выбрасывали евреев (и всех, кого сочли таковыми) не только из вузов, органов управления, учреждений культуры, но и с производственных предприятий. Даже из еврейских ремесленных кооперативов, открытых на деньги евреев из-за рубежа. Лишали работы врачей, даже в небольших городках, где их особенно не хватало. Для гитлеровцев главной была раса, а у

«мочаровцев»^[6] всё решала фамилия. Старшего ассистента кафедры на физико-математическом факультете приняли обратно, когда выяснилось, что фамилия у него не еврейская, а настоящая немецкая. Но секретаршу из кооператива бытового обслуживания, носившую еврейскую фамилию своего отчима, назад не взяли, даже когда ей удалось доказать, что она чистокровная русская.

Польская печать щеголяла фамилиями людей, лишившихся должностей, при этом обнародовала их «настоящие» фамилии. Иностранцы корреспонденты усердно их переписывали и уже на следующий день эти откровения появлялись в «Лос-Анджелес таймс». Моя жена не верила своим глазам:

— Что же они с Польшей делают?

А я каждое утро, едва проснувшись, радовался, что нахожусь не в Польше. Теперь война Народной Польши с евреями стала очевидна для всех. У того коммуниста с Беверли-Хиллз случился инфаркт, и он умер. Котт, конечно же, изменил свои планы и стал беженцем, как и мы.

После мартовских событий меня пригласили в Центр восточноевропейских исследований Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Во время публичной лекции на тему «Polish Writing Today» я говорил главным образом о том, что на Западе недооценивают польскую литературу, но отвечать мне пришлось на те же вопросы, что в еврейских организациях, и задавали их такие же — если не те же самые — евреи.

*

Генрих Гринберг (1936 г.р.), поэт и прозаик. Работал актером Еврейского Театра в Варшаве. В 1965 г. опубликовал роман Еврейская война. С 1967 г. в эмиграции. Сотрудничал с радио «Голос Америки» и с парижским журналом «Культура». Автор мемуаров и многочисленных книг, затрагивающих тему Катастрофы и польско-еврейских отношений.

1. Видимо, имеется в виду антифашистская книга французского писателя Ж. Р.Блока «Испания, Испания!» (1936), в основу которой легли впечатления автора от поездки в Испанию в начале франкистского мятежа. — Здесь и далее прим. пер.
2. Дом у Медвежьей Горы (Grizzly Peak) в Беркли, штат

Калифорния.

3. Спектакль по поэме А. Мицкевича «Дзяды» был запрещен в январе 1968 года.
4. Популярное молодежное издание, в 1955–1957 гг. выступавшее за перемены в Польше.
5. Варшавская Лубянка.
6. Неформальное наименование сторонников генерала Мечислава Мочара (1913–1986), тогдашнего министра внутренних дел ПНР.

Петр Матывецкий

КРЕСТ

Памяти Яна Спевака

Есть среди стояний Крестного пути одно, заключающее в себе все остальные, — Распятие Христа.

Размышления о нем мне бы хотелось начать с обманчивого образа, относящегося к началу земного пути Иисуса, — а путь этот, как и всё в Его жизни, ведет к кресту. Я называю этот образ обманчивым, поскольку он почерпнут из апокрифа: когда родился Христос, звезды остановились на небосводе, птицы замерли на лету, люди окаменели, не успев сделать шаг. Это красиво, эффектно, но совершенно неверно! С помощью этого вымышленного чуда автор апокрифа хотел показать насилие вечности над мчащимся человеческим временем, обозначить приход Бога в мир — а обозначить его невозможно, ибо, независимо от Своего воплощения, Бог присутствует в мире изначально и всегда. А вечность — не насилие!..

Однако в конце жизни мы познаём это чудо в его истинном и страшном проявлении — таком будничном, как популярная фраза «начало конца». Самое ужасное в приближающейся смерти — что она уже настает! И вот начинается агония — смертная мука. Три созвучных по смыслу слова: неизбежность, мука, конец. Обыкновенное и истинное чудо состоит в том, что вечность — не насилие; она является нам в замедляющемся ходе жизни, пока для умирающего мир не кончается, не замирает навсегда в агонии чувств. А для остающихся жить мир замирает, увековеченный в смерти близкого человека, который, сопутствуя нам, обозначал начало и конец наших встреч, придавал смысл касавшимся нас обоим событиям, и вот теперь, умерев, некоторым образом закрепил, зафиксировал этот смысл.

Ученики могли говорить между собой: после распятия Иисуса мир для нас остановился, осиротел, потерял смысл. А мы, поздние ученики, можем вопрошать: возможно ли насилие людей над Человеком, который есть Вечность?

Его привели на место казни. Мы участвуем в этом.

Но и Он Сам привел Себя туда. На это могут отважиться лишь очень немногие из нас.

К кресту Иисус пришел не только из хорошо знакомого нам мира, но и из глубины Себя, которая остается для нас тайной. Здесь завершился Его путь через этот мир, а уже совсем скоро завершится и путь через глубины Его человеческой природы. О Его дальнейшем пути мы не знаем ничего, кроме того, что он продолжился.

По-человечески мы должны признать (и в этом насилие разума над надеждой), что крестный путь закончился здесь, на Голгофе. Здесь же кончается и путь людей ко кресту — каждый знает или узнает свое место и время. Мы должны так думать, ибо до этого граничного момента всё известно. Начиная с этого момента мы ожидаем Неведомого. Путь становится границей.

Когда мы размышляем о неизбежности собственной смерти, этот путь-граница ведет нас назад, прочь от креста, разделяет пополам наше настоящее, уводит еще дальше и вносит разлад даже в самые давние наши воспоминания, рассекая их надвое: идиллическое бессознательное и страждущее сознание.

Мы знаем лишь внешнюю сторону детства Иисуса: умиление пастухов и волхвов беззащитным и невинным достоинством Младенца, неомраченной предчувствиями надеждой. Мы знаем об опеке, которой окружили Его Мария и Иосиф, чтобы преследования не коснулись Сына, чтобы Он рос в покое, за который оплатит мудростью и добром.

Не знаем мы и собственного детства: в первом движении наша память склоняется к тому, чтобы отнести его к сфере сентиментальных воспоминаний. Чтобы оценить свое детство, нам приходится прилагать значительные усилия. Это так трудно, что чаще всего мы бросаем его на произвол чуждых детям критериев добра и зла, приобретенных нами гораздо позже, в решительные минуты. А такая оценка причиняет страдания.

Мы ничего не знаем о юношеских годах Иисуса. Можно лишь предполагать, что, будучи Богом, Он божественной силой обуздывал человеческий восторг Своего тела, а как Человек страдал, испытывая бессилие среди других слабых людей.

Мы можем строить такие предположения, потому что сами извели несовершенство нашего прежнего представления о себе. Нам не разобраться в собственной юности, так как у нас не получается быть беспристрастными в споре мечты с

действительностью. Действительность требует
пристрастности, что уязвляет юношеский идеализм.

Мы знаем зрелые годы Иисуса и человечества, знаем
установленную, не менявшуюся веками горькую пропорцию: с
одной стороны, божественная свобода, с другой — человеческая
неволя и мир, терзаемый страданиями, причина которых зло.
Нам стыдно за эту пропорцию — ведь все мы несем вину за ее
несоразмерность... Именно из-за этого стыда, из-за этой вины
мы в томлении ожидаем Спасения.

Мы знаем о муках крестного пути и о пытке креста, но не
знаем, как поведем себя в конце.

На конец пути, на агонию можно взглянуть с двух точек
зрения.

На первый взгляд страдание сгущается, замедляет наши
действия от младенчества до смерти и затрудняет этическую
оценку этих действий. Сначала это страдание нас не касается,
остается пустотой воображения, ответственность за нас несут
взрослые. Затем мы страдаем из-за вымыслов, из-за слабости
юношеских мечтаний. Зрелый возраст заставляет нас
взглянуть в лицо нравственному страданию. Приближение
смерти берет нас в клещи духовной и физической боли, в
смерти духовная боль становится физической. С самого
рождения человека страдание нарастает, приучает нас к себе,
дозирует каждую следующую пытку «на фоне» более слабой
предыдущей, готовит нас к смерти. Оно вырабатывает в нас
привычку, прибавляет к кресту неизбежности.

Но можно взглянуть на это и по-другому — как на смерть без
подготовки, внезапное вхождение в смерть из самого сердца
убежденной в своих силах жизни, из повседневных дел.
Окончательная и бесповоротная связанность и вечный конец
поражают. Взятие Иисуса под стражу, суд, казнь — всё это
случилось так внезапно... Так же внезапно, как и
несправедливо. Эти события предстали перед учениками во
всей своей ужасающей бессмысленности — несмотря на
мудрость, явленную им в словах Христа, в иносказательных
притчах, несмотря на пример Его жизни. Нельзя винить их в
этом. Они оказались не столько перед лицом трагического
контраста между медленно приближающейся и внезапной
смертью, сколько перед непостижимой (хотя рано или поздно
открывающейся перед каждым) пропастью между свободой
детей Божиих и всякой человеческой смертью. Даже самая
лучшая подготовка не делает эту пропасть менее страшной.

Христа распяла на кресте необходимость, подготовленная историей человечества и полностью раскрытая Его освобождающей жизнью: люди убивают Праведника, а Он должен это принять, дабы засвидетельствовать, что, несмотря на кровожадность, в людях все же есть добро и праведность.

В этом была нарушающая всякий нравственный порядок внезапность преступления, но в то же время излившаяся благодаря Распятому незаслуженная внезапность добра и праведности, искупающая всякое преступление в Нем — гармонии и совести мира.

Этот окончательный парадокс решается в двух плоскостях — жизни в этом мире и Жизни вечной. На земле этот парадокс решается вне грубой монотонности смерти, ибо его решение требует многообразных действий на протяжении всей жизни и столь же многообразной работы сознания. В невообразимом «там», за пределами «здесь и сейчас» решение парадокса не уместается в рамках частичного добра и временного зла.

Смерть парализует, но посмертно Человек-Слово сияет значениями.

Однако, пока Иисус еще не умер, пока Он не преобразил Свой крест в знак космической гармонии, обращенной к человечеству, которое уподобится единому слушателю единого послания, пока Царствие еще не настало, каждый из нас стоит отдельно как зритель самой публичной из всех казней. Публичной, ибо все мы смотрим. Ибо на крест вознесена в сущности такая же смерть, какая ждет всех нас, — всегда безвременная и жестокая. Но, несмотря на эту всеобщность, наша совесть знает: наше собственное, сидящее в нас зло превращает крест в знак дисгармонии, в знак неравенства Страждущего и тех, кто смотрит на Его страдания. Крест — знак величайшего разделения совестей: равнодушие либо служит палачам, либо перестает быть равнодушием, и тогда нужно принять чужое страдание.

Как его принять? Никто из стоящих при кресте или взирающих на него из отдаленного времени и пространства уже не могут помочь Иисусу. Мы кормим алчущего, даем кров страннику, одеваем нагого, посещаем больного или узника. Вот и всё, что мы можем сделать для ближнего и Христа. Но перед лицом Христа распятого, который вот-вот испустит дух, нельзя ни делать, ни оставаться бездеятельным, ни говорить, ни молчать, ни в полной мере сострадать Его страданиям, ибо со страдать Ему могут только умирающие... Если мы полны жизни, то нам остается лишь быть с Ним и преобразовывать это бытие в

этическую категорию, которая важнее сострадания — в со бытиé.

Иисус являет Себя в жизни меж людей и в Своих словах, записанных в Благовествовании. Преодолевая смерть, Он встречается с тем, что в нас непостижимо, пока мы не переступим смертный порог, для чего у нас не хватает слов и для чего они нам не понадобятся. Поэтому о таком посмертном со бытии мы молчим.

Но сейчас, за минуту до смерти, в предсмертном со бытии Человека и людей, мы обращаемся к крайности разговора, к крайности общения людей с Тайной. Словами: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» — Его одиночество усугубляет наши одиночества. Общность одиночества с Иисусом превращает одиночество моего «я» в одиночество всего рода человеческого. Такое одиночество осмысленно — и тем более мучительно.

Смысл заключается в этическом наблюдении: взглянув в глаза собственного одиночества, мы видим в них одиночество других. И хотя такая солидарность одиноких могла бы нас утешить, мы не избежим самого скорбного взгляда.

При кресте стоит Мать Иисуса. Он вышел из Ее тела, телом принадлежал только Ей и через Ее материнство воспринял человеческую природу, став Сыном Человеческим. Смерть Сына становится для Матери Ее собственной смертью, смертью Ее тела. Вот жесточайшее страдание: видеть боль собственного тела, не будучи в состоянии чувствовать ее, видеть собственную смерть, не будучи в состоянии умереть, переживать смерть Сущего — плоть от моей плоти, но не меня. Это все равно как если бы все люди умирали, оставляя после себя чистое одиночество — одиночество без всего рода человеческого.

Анна Ахматова, одна из матерей прошлого столетия, прошедшая самые тяжкие испытания в ожидании смерти своего сына, написала:

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

Стоя при кресте, каждый из нас — учеников, палачей, осужденных — боится взглянуть на Нее, даже если смотрит с безопасного расстояния двух тысячелетий. И в этом страхе каждый из нас вмещает в себе присутствие Матери, присутствие тела и боли, существования и бессмысленности, чуждости Одинокого на кресте — и приемлет присутствие с Одиноким. Только так мы, сыны людей, можем со быть с Сыном Человеческим. Нельзя быть ближе к Его смерти и жизни, не умерев и еще не имея Жизни вечной. Это невозможно понять. Это наше с Ним общение: присутствие и чуждость. И этой болью мы, вззирающие на крест, живем до той поры, пока крест не примет нас.

Из книги «Dwa oddechy. Szkice o świadomości żydowskiej i chrześcijańskiej», «Więź» 2010.

*

Петр Матывецкий (1943 г.р.), поэт, эссеист. Автор многочисленных сборников стихотворений, монографии «Лицо Тувима» и книги о Катастрофе «Пограничный камень».

МИСТАГОГИЯ ЖИВОПИСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСПЯТИЯ ГОСПОДНЯ

С красоты начинается ужас. Выдержать это начало еще мы способны.

Райнер Мария Рильке. Дуинские элегии.

(Пер. Владимира Микушевича)

Ни к одному живописному или скульптурному изображению человеческого тела искусство не обращалось так часто, как к образу распятого Христа. Связано это с тем, что на протяжении известной нам истории живописи и скульптуры образ этот формировался невероятно многопланово, под влиянием огромного числа философских, религиозных и этических течений. В нем отразились самые крайние тенденции — от совершенно условного представления торжествующего Христа в драгоценной тунике до ужасающего в своей «несторианской» трактовке «Распятия» Грюневальда. Однако лучший синтез и соединение этих противоположностей представляет собой Распятие, выдержанное в манере зрелой византийской иконы в разных ее вариантах. В едином образе и целостном художественном миросозерцании соединяются спокойствие и драма, торжество и трепет, крах и победа, униженное бессилие и величие всемогущества, позор наготы и слава преображенного человеческого тела, смерть и Воскресение. Поэтому-то православные так почитают эту икону — и в Страстную пятницу, памятуя о смерти Христа, и в Пасхальную ночь, радуясь Его воскресению.

Древние христиане праздновали только одну Пасху — в день Распятия. Для них это была одновременно и Пасха Креста, и Пасха радости. Потом, когда эти два аспекта одной мистерии были разделены в соответствии с хронологией евангельского повествования, образ Распятого Господа остался — ему на смену не пришел образ восстания из гроба, появившийся значительно позже. Основным мистагогическим изображением радостной Пасхи продолжало быть изображение распятого на кресте тела, которое несли впереди крестного хода.

Этот образ стал также средоточием всей церковной живописи и краеугольным камнем догматического учения об иконе Богочеловека, о ее харизматических свойствах. К иконе Распятия прямо обращается тропарь на праздник Торжества православия: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы врагу. Темже благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир».

Художественная форма этого изображения вытекает из опыта эллинского реализма, подкрепленного гуманистическим и в то же время чувственным преклонением перед телом, и из спиритуализма восточных религий с их иератическим мирозерцанием. Затем она прошла испытание манихейской враждебностью ко всему телесному и аскетическим отречением от всякого зрительного наслаждения — испытание поистине огненное. Так изображение распятого Христа приобрело свой нынешний вид. Оно очищает и преображает нашу чувственность, понимаемую как грешное преклонение перед биологической действительностью. Очищает, но не разрушает. Художественная форма этого изображения представляет падение и уничижение таким образом, что беззащитность и поражение буквально «нагой» биологической экзистенции видятся нам чем-то неописуемо прекрасным. Икона показывает, как муки и страдания человеческого тела преображаются в исполненный священного трепета и тайны образ славы Божией. Раздвоенность нашего сознания исцеляется, живущие в ее глубинах чудовища умирятся, а наша короткая жизнь вновь обретает смысл, когда мы видим, как Дух Святой — Свидетель страстей Христовых — преображает драму разрушения и телесной смерти в славу бессмертного тела.

Размышляя о тайне креста, живописцы удостоились благодати созерцать целостный образ — с точки зрения спасения и преображения рода человеческого, равно как и эволюции нашего тела. Тело — такое, каким мы его видим и ощущаем, — словно остается незавершенным и безобразным в некоей неопределенности формы, в сомнении природы, как и сама идея человеческих очертаний воплотилась в неподходящем, невосприимчивом к импульсам материале, лишь с трудом и смутно складывающемся в образ и подобие Божие. Однако художественное сознание людей преодолело эту неуместность не в иератических геометрических фигурах древних культур, не в радостном, хотя и не лишенном меланхолии

миросозерцании эллинов, не в жаркой и таинственной чувственности росписей Аджанты, но в том образе Распятого, в котором (мы чувствуем это вместе с Рильке) красота — лишь начало ужаса, а ужас превращается в радостную красоту жизни.

Величайшая тайна изображения Распятого состоит в том, что оно показывает нам очевидность этого превращения и напоминает, что начаток воскресения тела заключен в его бесчестии и смерти.

На всех настоящих иконах видно, как смертное тело человека участвует в бессмертной славе Божией, но иконы эти представляют человеческое тело лишь частично, в то время как Распятие приковывает наше внимание к тому, что в живописи называется «актом». Только этот образ показывает нам, как может быть спасен весь человек. Существование такого взгляда на тайну креста для православных столь важно, что те из них, кто в результате определенных исторических обстоятельств остался без евхаристии и причастия (староверы, беспоповцы), видят в поклонении кресту акт, замещающий причастие: постоянное созерцание изображенного таким образом распятого Тела Господня становится своего рода принятием этого Тела не духовно, но физически. Такое принятие преображает нашу чувственность, оказывает влияние на восприятие действительности, очищает взгляд и дает залог воскресения тела и жизни вечной.

А для всего культурного человечества икона Распятия означает апогей гуманистических устремлений в искусстве. В ней образ человека становится катарсисом, равных которому нет в истории известной нам живописи.

1964

Jerzy Nowosielski, «Inność prawosławia», Orthdruk 1998.

МИСТАГОГИЯ ЖИВОПИСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСПЯТИЯ ГОСПОДНЯ

С красоты начинается ужас. Выдержать это начало еще мы способны.

Райнер Мария Рильке. Дуинские элегии.

(Пер. Владимира Микушевича)

Ни к одному живописному или скульптурному изображению человеческого тела искусство не обращалось так часто, как к образу распятого Христа. Связано это с тем, что на протяжении известной нам истории живописи и скульптуры образ этот формировался невероятно многопланово, под влиянием огромного числа философских, религиозных и этических течений. В нем отразились самые крайние тенденции — от совершенно условного представления торжествующего Христа в драгоценной тунике до ужасающего в своей «несторианской» трактовке «Распятия» Грюневальда. Однако лучший синтез и соединение этих противоположностей представляет собой Распятие, выдержанное в манере зрелой византийской иконы в разных ее вариантах. В едином образе и целостном художественном мирозерцании соединяются спокойствие и драма, торжество и трепет, крах и победа, униженное бессилие и величие всемогущества, позор наготы и слава преображенного человеческого тела, смерть и Воскресение. Поэтому-то православные так почитают эту икону — и в Страстную пятницу, памятуя о смерти Христа, и в Пасхальную ночь, радуясь Его воскресению.

Древние христиане праздновали только одну Пасху — в день Распятия. Для них это была одновременно и Пасха Креста, и Пасха радости. Потом, когда эти два аспекта одной мистерии были разделены в соответствии с хронологией евангельского повествования, образ Распятого Господа остался — ему на смену не пришел образ восстания из гроба, появившийся значительно позже. Основным мистагогическим изображением радостной Пасхи продолжало быть изображение распятого на кресте тела, которое несли впереди крестного хода.

Этот образ стал также средоточием всей церковной живописи и краеугольным камнем догматического учения об иконе Богочеловека, о ее харизматических свойствах. К иконе Распятия прямо обращается тропарь на праздник Торжества православия: «Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы врагу. Темже благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир».

Художественная форма этого изображения вытекает из опыта эллинского реализма, подкрепленного гуманистическим и в то же время чувственным преклонением перед телом, и из спиритуализма восточных религий с их иератическим мирозерцанием. Затем она прошла испытание манихейской враждебностью ко всему телесному и аскетическим отречением от всякого зрительного наслаждения — испытание поистине огненное. Так изображение распятого Христа приобрело свой нынешний вид. Оно очищает и преображает нашу чувственность, понимаемую как грешное преклонение перед биологической действительностью. Очищает, но не разрушает. Художественная форма этого изображения представляет падение и уничтожение таким образом, что беззащитность и поражение буквально «нагой» биологической экзистенции видятся нам чем-то неописуемо прекрасным. Икона показывает, как муки и страдания человеческого тела преображаются в исполненный священного трепета и тайны образ славы Божией. Раздвоенность нашего сознания исцеляется, живущие в ее глубинах чудовища умирятся, а наша короткая жизнь вновь обретает смысл, когда мы видим, как Дух Святой — Свидетель страстей Христовых — преображает драму разрушения и телесной смерти в славу бессмертного тела.

Размышляя о тайне креста, живописцы удостоились благодати созерцать целостный образ — с точки зрения спасения и преображения рода человеческого, равно как и эволюции нашего тела. Тело — такое, каким мы его видим и ощущаем, — словно остается незавершенным и безобразным в некоей неопределенности формы, в сомнении природы, как и сама идея человеческих очертаний воплотилась в неподходящем, невосприимчивом к импульсам материале, лишь с трудом и смутно складывающемся в образ и подобие Божие. Однако художественное сознание людей преодолело эту неуместность не в иератических геометрических фигурах древних культур, не в радостном, хотя и не лишенном меланхолии

миросозерцании эллинов, не в жаркой и таинственной чувственности росписей Аджанты, но в том образе Распятого, в котором (мы чувствуем это вместе с Рильке) красота — лишь начало ужаса, а ужас превращается в радостную красоту жизни.

Величайшая тайна изображения Распятого состоит в том, что оно показывает нам очевидность этого превращения и напоминает, что начаток воскресения тела заключен в его бесчестии и смерти.

На всех настоящих иконах видно, как смертное тело человека участвует в бессмертной славе Божией, но иконы эти представляют человеческое тело лишь частично, в то время как Распятие приковывает наше внимание к тому, что в живописи называется «актом». Только этот образ показывает нам, как может быть спасен весь человек. Существование такого взгляда на тайну креста для православных столь важно, что те из них, кто в результате определенных исторических обстоятельств остался без евхаристии и причастия (староверы, беспоповцы), видят в поклонении кресту акт, замещающий причастие: постоянное созерцание изображенного таким образом распятого Тела Господня становится своего рода принятием этого Тела не духовно, но физически. Такое принятие преображает нашу чувственность, оказывает влияние на восприятие действительности, очищает взгляд и дает залог воскресения тела и жизни вечной.

А для всего культурного человечества икона Распятия означает апогей гуманистических устремлений в искусстве. В ней образ человека становится катарсисом, равных которому нет в истории известной нам живописи.

1964

Jerzy Nowosielski, «Inność prawosławia», Orthdruk 1998.

РЕПОРТАЖ ИЗ ПОСТЕЛИ

— Как поживает секс?

— Поляки им довольны.

— У них хороший секс или же они мало чего ожидают?

— Больших ожиданий у них по преимуществу нет. Когда из выборки, включающей 3200 наших респондентов, я извлекаю одну конкретную личность, заявляющую, что она довольна, и рассматриваю ее сексуальную биографию, то по большей части задумываюсь: Боже мой, чем же этот человек доволен?

— Почему?

— Мало, редко, монотонно.

— Лгут?

— Скорее получают то, чего ожидают. Только 2% мужчин и 4% женщин оценивают свою сексуальную жизнь низко, хотя лишь менее 60% занималось сексом в течение последней недели.

— Больше им не требуется?

— Они себя ограничивают. Особенно мужчины. Только 17% мужчин занимаются оральным сексом, хотя любят это 30% (среди женщин его любят и занимаются им около 13%). 4% мужчин занимаются анальным сексом, хотя любят его 9% (среди женщин 2% заявляют, что любят и занимаются).

Возможно, им не приходит в голову, что они могут предложить партнерам подобные вещи. А возможно, у них просто не укладывается в голове, что можно это делать. Только 20% меняют позиции, занимаясь сексом, хотя 30% это любят. Половина целуется в губы, хотя 70% женщин и 60% мужчин не испытывают такого желания. 60% любят, когда партнер ласкает их груди, а реально испытывают это ощущение лишь немногим более 40%. Далее, 6% любят смотреть порнографию, но делают это менее 2%, и 3% любят секс с вибратором, но занимаются им лишь чуть более 1%.

— Это плохо?

— Я не оцениваю чужой секс. Важно, что люди счастливы. Может быть, нет ничего плохого в том, что мы не слишком эротизированы и ждем от секса меньшего, чем основная часть европейцев. Но эта ситуация меняется. Особенно среди пользователей интернета.

— Иначе говоря, среди молодежи.

— Возраст имеет меньшее значение, нежели интернет. В сексуальном смысле его пользователи отличаются от остальной популяции. И те пользователи, которые постарше, — тоже.

— Сеть эротизирует?

— Она — удобный инструмент для приобретения знаний и контактов. В интернете легче удастся находить сексуальных партнеров. С помощью чатов, с помощью порталов. Сначала просто болтают в чатах, потом флиртуют... А некоторые сразу пишут, что их интересует встреча для секса.

— И что же?

— В 2010 г. 30% опрошенных пользователей занимались сексом с людьми, встреченными в интернете. Эта группа быстро растет. Особенно в нашем поколении — иными словами, среди тех, кому 50 с лишним.

— «Профессор познакомится со студенткой»?

— Необязательно. Знакомятся люди очень разных возрастов. Большое воздействие оказывают так называемые университеты третьего возраста. Многим немолодым людям они дают пропуск в мир интернета и создают удобные случаи для налаживания новых отношений.

— Несколько лет назад в ваших исследованиях появились данные, что во время пребывания в санатории каждый третий курортник занимался сексом с партнершей, с которой познакомился на отдыхе. Выходит, интернет — это версия 2.0 той последней надежды на скорую сексуальную помощь, какой до сих пор служили санатории?

— Интернет — самое распространенное и повсеместное лекарство против одиночества. Не только для тех, у кого нет партнера, но и для людей, которые чувствуют себя одинокими в постоянных союзах. Всё чаще и быстрее постоянные союзы перестают давать не только страсть и подлинную увлеченность, но даже чувство близости и счастья. Для большой группы наших ровесников интернет — это способ возмещения тех

недоборов, которые они испытывают в реале, а особенно в семье. В том числе и сексуальных.

— Потому что он облегчает измену?

— Мы задали вопрос, что именно люди считают изменой. Оказывается, флирт — нет. Поиски нового партнера — нет. Многоразовые контакты — тоже нет. Но тот факт, что они делают это втайне от постоянного партнера, — уже да. Изменой считается не сама деятельность, а скрытность.

— Можно ли сказать, что рождается сексуальная интернет-мораль?

— Рождается. Но требования растут быстрее. Всё чаще мои пациентки средних лет говорят: «Муж снова начал мной интересоваться. Снова я стала для него сексуально привлекательной». Либо пациенты говорят: «Целые годы бывали у нас сексуально мертвыми, а теперь жена в этом смысле полностью проснулась. Входит в спальню — и уже накручена. Я снова стал ее возбуждать».

— Это требование?

— В том-то и загвоздка, что возбуждены такие партнеры вовсе не друг другом. Перед тем, как войти в спальню, они чатились с кем-то в сети. Именно этот чат и выстраивает их сексуальное напряжение. Потом они занимаются сексом с мужем или женой, думая о ком-то совсем другом. Женщины знакомятся в сети с мужчинами, которые пишут им комплименты, говорят, что они красивы и сексуальны. Употребляют эротически возбуждающие слова, которых эти дамы уже давно не слышали от собственного мужа. Много лет они занимались сексом по привычке, а теперь благодаря знакомствам, завязавшимся в сети, к ним возвращается страсть, которая из виртуала переносится в реал.

— Выходит, секс в интернете спасает браки?

— Бывает по-разному. Это зависит от отношений, которые сложились в том или ином супружеском союзе. Интернет-секс может помочь, если он не переходит некоторых границ. Поскольку, когда в жене заново рождается страстная увлеченность, в муже пробуждается «мачо».

— Эротическое воскрешение в сети — это женская специализация?

— Мужчин в данной группе больше. Но в обоих случаях это явление уже приобретает социально существенные масштабы. В исследованиях 2004 г., которые описываются в моей книге, каждому третьему из тех, кто вел игривые сексуальные диалоги в интернете, случилось почувствовать прилив возбуждения, вызванный подобным разговором. В исследованиях, датированных 2010 г., мы имеем уже почти 80% таких людей. При этом вторая сторона не знает, что происходит с ее партнером.

— Это не кажется особенно странным, если вспомнить результаты проведенных ранее исследований, из которых вытекало, что 16% поляков изменяют своим партнерам, но только 4% думают, что им изменяют. Традиционно мы в массовом порядке склонны к самообману.

— Изменяют 28% мужчин и 16% женщин. Но обычно мы изменяем очень искусно.

— Прирожденные конспираторы.

— Тем более что среди тех 4% людей, которые считают, что им изменяют, много таких, чьи партнеры на самом деле сохраняют им верность. Таким образом, решительное большинство тех, кому действительно изменяют, не имеют об этом ни малейшего понятия.

— Но все-таки сцены супружеской ревности — это в нашей культуре модные сюжеты.

— Взаимоотношения между людьми зачастую и не логичны, и не рациональны. А постоянный союз — это всегда вызов. И связанная с этим проблема будет становиться все более серьезной. Потому что люди не только живут всё дольше, но также дольше сохраняют ясность ума и всяческую эффективность. В том числе и сексуальную. Когда-то пятидесятилетие брака было целым событием. Однако в том обществе, где люди живут по 90 лет и больше, удачные союзы будут сохраняться по 70 лет или даже продолжительнее. Иначе говоря, нам следует еще больше заботиться о наших супружеских союзах. А также о страсти в этих союзах. Таковую «прыть», какая бывает в начале совместной жизни, невозможно поддерживать бесконечно. Но, если кто-либо хочет иметь союз, рассчитанный на всю жизнь, надо сильнее стараться. Перед поколениями, вступающими ныне во взрослую жизнь, стоит перспектива совсем иной биографии. В том числе и сексуальной.

— Уже не 15 лет созревания, 40 лет взрослости и 15 лет старения, а, к примеру, 15-60-15...

— Это создает совершенно иной ритм биографии, полностью меняющий логику нашего поведения. Если после 10 или 20 лет совместной жизни мы видим, что в нынешнем союзе нам хотелось совсем не этого, то чаще есть смысл отказаться от него и уйти, так как в нашем распоряжении имеется еще достаточно времени, чтобы начать с нуля.

— Потому что мы получили вторую жизнь?

— По меньшей мере вторую зрелость. Предшествующие поколения не имели в своем распоряжении столько времени. А те, которые входят в зрелость сейчас, — имеют. Но ведь нет ничего более грустного, чем шестидесятилетняя пациентка, которая сидит в моем кабинете и говорит, что ее жизнь — это поражение. В свое время она не хотела развода из-за детей. Но они ушли, а у нее осталось еще 20 или 30 лет жизни с чувством полного проигрыша. Глубоко верующие люди хотя бы знают, во имя чего они соглашались на подобные жертвы и лишения. Но в Польше их численность быстро убывает. Когда соберешь все исследования воедино, то видно, перед какими требованиями мы стоим и за что теперь боремся как общество.

— За что же?

— За качество жизни. В том числе и сексуальной. Она оказывает очень большое влияние на все прочие сферы.

— Но и очень разное.

— Потому что для разных людей важны разные вещи. Каждый седьмой взрослый — это абстинент, который вообще воздерживается от секса. Каждый четвертый сексуально пассивен. Обе указанные группы состоят, главным образом, из молодых людей. В общей сложности они составляют свыше 40% взрослых. Пассивные не считают секс чем-то существенным. Занимаются им редко и монотонно. Целуются чаще, чем другие, но только каждый пятый из них меняет позиции во время секса. Из моих исследований вытекает, что анальным сексом занимался каждый пятидесятый. Только 1% когда-нибудь видел секс вживую или употреблял вибратор. В Польше немногим меньше, чем пассивных (они составляют 27% опрошенных), таких людей, которые имеют к сексу партнерское отношение (их 25%): для них секс безусловно (18%) или довольно (52%) важен, но главным образом из-за того союза, в котором они имеют возможность жить. Почти все

они придерживаются мнения, что хороший секс требует любви. В их сексе много поцелуев и ласк, но секс у таких людей редко бывает оральным. Никто из данной группы не занимается ни анальным, ни групповым сексом.

— По религиозным соображениям?

— Эти лица необязательно религиозны. Попросту в их сексе речь идет скорее о близости и связи с партнером, чем об удовлетворении. Вера регулирует сексуальную жизнь приблизительно одной пятой части взрослых, которых я в своей книге назвал пуританами. Это лица, систематически ходящие в церковь, навязывающие себе суровый сексуальный ригоризм, отвергающие контрацепцию, мало чего ожидающие от секса, мало требующие в сексуальных взаимоотношениях от самих себя, мало терпимые по отношению к разнообразным отличиям и диковинам. Их секс обычно прост. Даже целуются они решительно реже (15%), нежели другие.

— Но ведь целоваться — это же не грех.

— Однако две трети из них этого не любят. Из моих исследований вытекает, что 15% тех, кто принадлежит к данной группе, любят прикасаться к груди партнера, но только 5% это делают. Каждый десятый любит, когда партнер притрагивается к его половым органам, но реально это испытывают только 6%. Оральный секс в данной группе нравится каждому тридцатому респонденту, а занимается им лишь каждый сотый. 3% пуритан меняют позицию во время секса, а 8% желали бы этого.

— Другими словами, одна пятая поляков любит друг друга только «по-божески»?

— Исключительно. Но, с другой стороны, у нас имеется быстро растущая группа гедонистов. Уже каждый седьмой поляк относится к этой группе. Религия для гедонистов менее важна — так же, как и партнеры, — зато намного сильнее их склонность предпринимать в сексе такие формы поведения, которые признаются рискованными. Они часто меняют партнеров, занимаются разными формами секса, ищут в сексе самореализации, а не только удовлетворения своего полового влечения. В этой группе наименьшие различия между тем, что люди любят или о чем мечтают, и тем, что они реально делают в спальне. Каждый пятый гедонист занимался групповым сексом, переодевался, играл разные роли, видел секс вживую.

40% тех, кто входит в указанную группу, любят смотреть порнографические фильмы, и каждый пятый обычно это делает. Две трети любят оральный секс и почти половина занимается им постоянно. Почти половина занималась анальным сексом. Пуритане и гедонисты — это абсолютно разные миры.

— Откуда берется эта разница?

— Трудно сказать, потому что в течение жизни положение меняется. Есть глубоко религиозные люди, в чьей жизни секс тоже играет весьма важную роль. Одни в какой-то момент дают трещину и, сохраняя веру и набожность, вступают в открытый конфликт с собственной религиозной позицией. Другие по этой причине вообще порывают с Церковью. Но в решительном большинстве случаев у людей, считающих себя верующими, после попадания в кровать секс идет в свою сторону, а вера — в свою.

— Получается, что они оставляют религиозность на пороге спальни, как в свое время Анджей Дравич оставлял партбилет перед тем, как войти на телевидение?

— Религия явно всё меньше учитывается в вопросах секса. Снижается количество людей, верящих, что секс предназначен исключительно для деторождения, и растет численность тех, кто считает, что речь идет об удовольствии. Уже 40% испытало оральный секс. А недавно таких было еще только 15%

— Иными словами, секс становится более свободным.

— Но еще не очень уверенно. Недавно я спросил у студентов, как с точки зрения медицинской нормы мы оцениваем сегодня оральный секс. Глухая тишина. Ступор. Растерянность и смущение.

— Нерешительность...

— Но ведь на дворе-то XXI век. Все смотрят на меня. Кто-то робко говорит: перверсия. Кто-то шепчет себе под нос: патология. Большинство молчит. Я выдержал изрядную паузу — минут пять. «Задумайтесь, господа». Трудная ситуация. Наконец, я говорю, что с точки зрения медицинских норм оральный секс — это норма. И на большинстве лиц вижу глубокое облегчение. Уф ф ф. Они делают это или хотели бы делать, но стесняются сказать, что в этом нет ничего плохого. Даже молодые люди лишают себя какой-то части радости от такой формы секса. А с точки зрения современной сексологии

развития и становления оральный секс важен. Он дает шанс сблизиться с другим человеком и лучше узнать его. Доставляет удовольствие, позволяет расслабиться. Дает радость. Но даже молодые люди постоянно испытывают с ним аксиологическую проблему.

— Душат?

— Занимаются им, но не уверены, насколько это о-кей.

— Вы их раскрепощаете?

— Я даю им знания, опирающиеся на научные источники. Но не подвергаю никаких форм сексуального поведения мировоззренческой оценке. Они сами должны найти баланс между научным знанием и собственной системой религиозных ценностей.

— А вы можете сказать, нормально ли это, вернее, хорошо ли это?

— Не знаю, каким образом следовало бы научно оценить, хорошо ли, что через несколько лет после широкого распространения интернета об опыте орального секса заявляют уже 80% пользователей. В два раза больше, чем во всем обществе. А это означает, что пользователи интернета занимаются оральным сексом примерно в четыре раза чаще, нежели те, кто интернетом не пользуется. Разница радикальная, причем во всех возрастных группах. Вроде бы и здесь поляки, и там тоже поляки, но культурная дистанция между ними огромна. По крайней мере, в вопросах секса. Для взаимоотношений между партнерами такое разнообразие в сексе имеет огромное значение. Поскольку оно означает, что в этих делах между партнерами существует своего рода диалог. А ведь поляки мало разговаривают между собой. Особенно о сексе. Мы почти ничего не знаем о своей сексуальности, о сексуальности друг друга. Даже в наших близких союзах. И это нехорошо. Это обрекает людей на одиночество.

— Насколько велико наше незнание, я убедился, читая результаты ваших исследований за прошлый год. Проблема, имеет ли значение размер, является почти вездесущей не только в мужских разговорах, но даже в польской рекламе. Вы задали вопрос об этом, и ответ оказался шокирующим. Не только потому, что, как выяснилось, мужчины считают размер фаллоса гораздо более важным, чем женщины. Прежде всего по той причине, что как для женщин, так и для мужчин размер вагины имеет большее значение, нежели размер

фаллоса. Размер фаллоса имеет значение по мнению 24% женщин и 33% мужчин, тогда как размер вагины — по мнению 29% женщин и 45% мужчин. То есть дело обстоит совсем иначе, чем в популярном дискурсе, где речь всегда идет о состязании фаллосов.

— Поскольку традиционно разговор о сексуальности концентрируется на мужском пенисе. Особенно это относится к мужчинам — они думают, будто все крутится вокруг пениса.

— В феминистической философии и антропологии фаллическая символика патриархальной культуры тоже занимает значимое место.

— И существенных перемен здесь не видно. Общество всё больше воспитывается на эротических и порнографических материалах. Это очевидно, но такие источники нельзя назвать хорошими — особенно в случае молодых людей — для построения нужных представлений о сексе. Многие из молодых мужчин испытывают смущение и замешательство, когда сравнивают то, что видят, с тем, что испытывают. Это занижает чувство собственной ценности и имеет для них неблагоприятные последствия. Например, склоняет к сексуальным опытам с теми, кого они хорошо не знают. Поскольку они боятся компрометации в том случае, если у них что-то не получится или выйдет слабовато. Но сегодня это уже не только мужская проблема. К нам приходит все больше пациентов, недовольных своими органами.

Возрастает и количество таких мужчин, в чьих постоянных союзах присутствуют подобного рода проблемы. Они говорят: «Сверху всё в порядке, а вот внизу что-то не складывается». Раньше мужчины не считали подобные вещи столь существенными. Важными были совместная жизнь и оргазм.

— Теперь меньше озабочены фактом, а больше качеством?

— Значение стало придаваться не только величине, но и внешнему виду. Еще совсем недавно не существовало понятия интимной прически. А теперь это стандартная услуга. Приходит в консультацию молодой мужчина и говорит: «Раньше мне казалось, что палка у меня в полном порядке, а тут оказалось, что у меня там сплошная деревня. Вся заросшая». У него не было депиляции, а теперь он отказался от прежнего решения и пошел на попятную.

— Откуда это берется? По причине цивилизационного ослабления мужского влечения?

— Влечение и впрямь несколько ослабевает — видимо, под воздействием стресса, — но здесь проблема в другом. Меняются эстетические образцы. Это видно даже при сравнении порнографических фильмов. Когда-то актрисы были натуральными. Теперь лобковые волосы у них исчезли.

— И из порнушек это переходит в жизнь?

— И из интернета тоже. В сети у женщин бывает сделана самая разная депиляция — в сердечки, полоски, кружки или кольца. Даже в интернет-профилях парни пишут, что ищут женщину с депиляцией, а женщины описывают свою интимную прическу. Здесь тоже есть тренды и моды.

— А нет ли в этом более глубокого смысла?

— Это мода. Перенесение образцов. Все больше мужчин тоже так делает. Когда-то некоторые делали это по гигиеническим соображениям, а теперь так делается по соображениям эстетическим. Некоторые считают это нормой. Все больше девушек, глядя на волосатого парня, скажут, что он негигиеничен.

— Недавно считалось, что волосы должны торчать из-под рубашки.

— Для некоторых полек это уже сегодня выглядит совершенно неприемлемым. А на Западе в этом зашли намного дальше. Женщины постарше даже жалуются, что куда-то поехали и не могли найти там мужчину с нормальной волосатостью.

— Не является ли это результатом гедонизации секса, который стал разновидностью удовольствия и отошел от чистого влечения?

— Растет группа людей, для которых секс стал чем-то самым в себе.

— Эротоманская культура?

— В какой-то степени. Хотя, говоря о любви, 70% молодых людей утверждают, что хотели бы жить в одном постоянном союзе. Это явление положительное, так как оно показывает, какой ценностью является любовь в жизни сегодняшнего поколения. Но в тех же самых возрастных группах почти 40% считают, что можно заниматься сексом с человеком, к которому вообще не испытываешь чувства любви. Здесь наблюдается огромный прирост. Всё больше и больше любовь — это любовь, а секс — это секс.

— Может ли между женщиной и мужчиной продолжаться любовь, несмотря на то, что кто-либо из них занимается сексом с кем-то другим? Можно ли выносить секс за пределы брака, не вредя семье, — точно так же, как мы переносим приготовление пищи в столовые и рестораны, стирку — в прачечные или уход за малышами — в детские сады?

— Имеется группа людей, которые в течение последнего года не занимались сексом в своем союзе, а занимались им где-то в другом месте. Но это всё маргинальные явления. Местом для занятий сексом по-прежнему остается брак, хотя увеличивается число супружеских союзов, которым хватает интернета. Причем занятие киберсексом вовсе не обязательно ведет к встрече в реале. Часто это кончается мастурбацией. Таких лиц в опросах пользователей интернета, датируемых 2010 г., наблюдалось 48%. И часто им так вполне хорошо. Они довольны.

— Довольны или удовлетворены?

— Довольны. Некоторые из них говорят мне: «Я не веду сексуальную жизнь». И задумываются над тем, всё ли с ними в порядке. Но оказывается, что это утверждение означает лишь следующее: я не занимаюсь сексом с женой или с партнершей. Оказывается, у такого человека достаточно обширная сексуальная жизнь в интернете. Более того, мастурбация доставляет ему массу удовольствия.

— Можно ли говорить, что это практически те же самые люди, которые всегда просматривали порнографические журналы?

— Их численность намного выше. Растет группа людей, заявляющих, что они утомлены, задержаны, ощущают постоянный стресс, подавлены и не испытывают никакой тяги к сексу. На общую усталость и стресс в сексуальной жизни указывают 13,7% опрошенных мужчин, а также 14,7% женщин. Мастурбация позволяет им разгрузиться и снять напряжение. Не только сексуальное. При этом растет группа мужчин, которые длительное время испытывали такое ощущение, будто в своем союзе они должны просить о сексе. Пока дело не дошло до того, что в конечном итоге они потеряли всякое желание.

— Потому что разница в сексуальных потребностях у женщин и мужчин велика...

— Но при этом многие женщины традиционно считают, что секс — это форма вознаграждения для мужа. Если он не

вынесет мусор, если не сходит в магазин за продуктами, если не купит подарка или цветов, то не получит секса. Мужчины всё чаще вырываются из этой схемы. «Не буду я просить». Это их тоже каким-то образом освобождает. Они говорят: «Я думал, что если не буду заниматься с ней сексом, то у меня станет заниженное чувство собственной ценности. А сейчас у меня такое ощущение, что всё в порядке. Мне вовсе не надо ее просить». Такие люди почувствовали, что это стремление добиться женщины, борьба за награду, выпрашивание секса их унижало. Особенно с учетом того, что при подобных взаимоотношениях партнерша часто не была в их сексуальных контактах активной стороной. Просто присутствовала.

— **Была доступной.**

— А ему полагалось чувствовать себя счастливым уже от самой этой доступности. Но в какой-то момент он перестал быть счастливым.

— **У этого явления значительные масштабы?**

— Оно уже наблюдается в исследованиях. Указанный феномен, наверно, имел место всегда, но в слишком малых масштабах, чтобы статистически улавливать его.

— На эту тему есть один из самых симпатичных для меня казарменных анекдотов. Муж возвращается ночью домой. Расталкивает жену. «Голубушка, дорогуша, у меня есть для тебя порошок от головной боли». Она на это: «Зачем ты меня будишь, у меня вовсе не болит голова». Он торжествующе: «Вот я тебя и подловил!»

— Из наших исследований вытекает, что сегодня все чаще это кричала бы женщина: «Вот я тебя и подловила!» Потому что именно у мужчин начинает нынче болеть голова. Появляется группа мужчин, в том числе и совсем молодых, у которых нет желания заниматься сексом. Они переутомлены: выходят из дому на рассвете, возвращаются ближе к ночи и мечтают только об одном — поужинать, завалиться в постель и поспать.

— **Тогда она отправляется в интернет?**

— Или же начинает ругаться и скандалить, думает, что партнер ей изменяет, чувствует себя сексуально непривлекательной. Здесь снова проявляется проблема польского неумения разговаривать о сексе. Было бы намного лучше, если бы мужчина сказал, что устал, что не вылезает из стресса и у него нет сил на секс.

— Может быть, он и сам не знает, почему ему не хочется. Если человек бывает уставшим семь дней в неделю, то он уже не знает, что устал.

— В Польше такая ситуация все чаще становится реальной действительностью. Но поляки не умеют разговаривать об этом между собой.

— С той лишь разницей, что раньше в классическом браке это, возможно, так уж сильно и не мешало. А теперь, когда всё окружение становится менее благоприятным для сексуальной жизни в семье: интернет, сексуализация культуры, стресс, утомление, — этот дефицит начинает порождать серьезные проблемы.

— Думаю, если мы посмотрим вперед, то не увидим там мира, в котором мы будем жить более гигиенично.

Збигнев Издебский (род. в 1956) — профессор и декан факультета педагогики, социологии и науки о здоровье Зеленогурского университета, а также руководитель последипломных курсов сексуального воспитания Варшавского университета. Уже два года он — единственный польский сотрудник американского Института Кинси — наиболее важного сексологического центра в мире. 10 лет назад был одним из основателей объединения по борьбе с детской проституцией и порнографией «Pro-Escpat».

«В мировой литературе не встречаются столь обширные научные разработки, принадлежащие перу одного автора», — написал недавно скончавшийся отец польской сексологии проф. Казимеж Имелинский во «Вступительном слове» к монографии «Сексуальность поляков в начале XXI века» (издательство Ягеллонского университета, 2012). Но не обстоятельность и объем (свыше 800 страниц) — главные достоинства этой книги, которая в середине апреля появилась в книжных магазинах. Суть в том, что в своих исследованиях, проводившихся на протяжении последних десяти с лишним лет, Збигнев Издебский уловил момент радикальной перемены, которая происходит в сексуальности поляков. То соображение, что подобного рода перемены обязательно должны иметь место под воздействием трансформации всей системы, открытия нашей страны остальному миру, наконец, под влиянием интернета, — довольно очевидно. Но их масштаб и сфера воздействия, выявленные в указанных исследованиях, неожиданны и поразительны даже для ученых и специалистов.

ПУШКИН В КИШИНЕВЕ

Немного жило поэтов
в глуши бессарабской этой,
любуюсь окрестной глушью
по принуждению, как Пушкин.
Степью в повозке летящий,
без бакенбард пока еще,
из-за стихов антицарских
оказался в степях бессарабских,
ибо о вольности строчки
царя довели до точки,
и тот, стихами задетый,
сослал в Кишинев поэта.
А Пушкин тогда, если честно,
кудрями, вертлявым телом
был вылитый Майкл Джексон
(пока тот не сделался белым).
Еще в царскосельском лицее
всеобщим он был кумиром
и слово достигло цели,
попав прямиком в порфиру.
Царь был далеко не любитель
этих вольностей слога
и отдал приказ тогда он,

чтоб Пушкин наказан был строго.

И оказался Пушкин

изганныком поневоле

там, где когда-то Овидий

жил, словно перст в чистом поле.

По сравнению с ним

Пушкин был еще юный

и лучше намного сносил

такие капризы фортуны.

Он собирался недолго,

взял с собою немного –

трости, сундук с одеждой,

трубки и книги в дорогу.

А также пару-тройку

безделушек невинных.

Друзья прослезились даже –

он же держался стойко.

Среди чиновничьей братии

рангом поэт не вышел,

ехал перекладными

и без прислуги лишней.

Кишинев был тогда дырою

на самых дальних кордонах —

шестнадцать лачуг крест-накрест,

храм и всего-то навсего

четыре кирпичных дома.

Откуда в глуши подобной
забавы для молодежи?
А хуже, что нет перспективы
карьерного роста тоже.
Не получалось даже
с девушкой поразвлечься.
Жил он скромно — каморка
с маленькой белой печью —
полторы комнаты, в общем,
как у Бродского позже,
трудно назвать всё это
благоприятной почвой
для стихов. Но поэт здесь
был под опекой Божьей,
не тяготился надзором
начальников-супостатов,
добившись в поэзии скоро
неслыханных результатов.
Любимым его поэтом
лорд Байрон был в это время,
а уж страстям подобным
Пушкин всегда был верен.
Трудно теперь поверить,
что в этой глуши раскаленной,
на самом краю империи,
вдали от столичных салонов,

встретился Пушкин случайно
с настоящей гречанкой.

Веселая и простая,
серьезная и неглупая,
когда-то поэту Байрону
она подставляла губы.

Звали ее Калипсо...

Черным по белому выписал
Пушкин ее дивный облик —
не было лучше портрета.

Лоб необычно высокий
был у гречанки этой.

И, повязав его лентой,
локоны забирала
цвета ночного причала.
Пером, в избе своей белой,
Пушкин набросок делал,
на стенах плясали тени.

Много в жизни поэтов
непростых совпадений,
но все они — не случайны.

Что Калипсо в Молдавии
делала — неизвестно.

Чьей-то была подругой
или даже невестой?

Или в здешних болотах

под безжалостным солнцем
Калипсо искала что-то?
Кто теперь разберется?
Может, была шпионкой?
Музой с талией узкой,
что одарила любовью
солнце поэзии русской?
Или нимфой гомеровской,
остров оставившей временно
и жертвуя его блеском
ради скитальца с севера?
Так же ли, как и Байрон,
Пушкин к устам гречанки
приникал до рассвета?
Ах, дорогой читатель,
мы не знаем про это.
Это бы мне подошло
для лирической атмосферы.
Поэт умолчал об этом —
была ли на то причина —
но вел он себя, я верю,
как настоящий мужчина,
а также истый романтик,
человек слова и дела,
что факел святой эстафеты
готов подхватывать смело.

И пусть перед ним открывалась
туманная перспектива,
однако народная мудрость
звездой путеводной светила:
что нет без добра худа.

Сто пятьдесят — или больше —
разных стихотворений
поэт написал за три года
молдавских своих лишений
(в том числе что-то вроде
детской литературы).

А также в духе Байрона
поэму о цыганах,
что в тех широтах южных
в то время кочевали
и вдохновляли поэта
песней своей звенящей,
ворожкой по руке
и свободой манящей.

Пушкин воспел цыганок,
косы, глаза и брови,
их любовные драмы
с острым привкусом крови.

В этой любовной теме
открылись ему глубины —
пьянила она не меньше

чем молдавские вина.

И «Евгений Онегин»

в Кишиневе был начат –

над страницами книги

даже в Конго заплачут.

Как видите, книга эта

даровала бессмертье поэту.

Я тоже был в Кишиневе,

тронут был не на шутку

тем, что здесь я увидел

из окошка маршрутки.

Вдоль уродливых улиц

постсоветской эпохи

по обломкам империи

я бродил одиноко.

Перед самым отъездом,

на город глаза,

я оказался под крышей

пушкинского музея.

И что я там увидел

и что там услышал —

я сел и в честь поэта

как смог, так записал.

НЕСЕРЬЕЗНЫЙ ПОЭТ, КОТОРОМУ НЕ ДО ШУТОК

Збигнев Махей (род. в 1958), чья жизнь тесно связана с расположенным на чешско-польской границе городом Тешин, дебютировал в 1984 г. книгой «Гурманы, любовники и наемные убийцы», а два его следующих сборника были опубликованы в самиздате. Вовлеченный в деятельность независимого студенческого движения, позднее снискавшего известность и признание как «Польско-чехословацкая солидарность», Махей — уже после смены общественного строя — начал дипломатическую карьеру, возглавляя польские культурные центры в Чехословакии, а затем в Чехии и Словакии.

В 2008 г. Махей выпустил книгу «Зима в приграничном городке», для которой характерен творческий метод, редко встречаемый в нашей поэзии: мы имеем дело со стихами... ну, вот именно: какими? Во-первых, несерьезными. Во-вторых, абсурдистскими. В третьих... Как в стихотворении «На крыше»:

снег, лежа на крыше, стоял и сидел,
а дом щекотал его нежно и грел,
бесстыдно, навывлет, сквозь дыры и щели,
сосульками лился, аж весь кипятился,
чтоб в воздухе капли висели

И возникает проблема: к таким стихам у нас не принято относиться как к настоящей поэзии, о чем в свое время писал Баранчак в предисловии к антологии англо-американской поэзии абсурда «Фиолетовая корова». Рифмачество такой пробы, которую предлагает Махей, — в виде детального описания зимы «от Рождества 2004-го до Пасхи 2005-го» (как гласит подзаголовок книги), для нас — что-то из ряда вон, хотя бы принимая во внимание те сомнения, которые одолевают автора в завершающем книгу тексте «Что за рифмой?»: «Что за рифмой в час напрасный, / когда мир свой план ужасный / воплощает в жизнь?»

Безусловно, диагноз, поставленный стихами Махея положению дел в современном мире, трудно назвать оптимистичным — в

качестве основной подоплёки человеческого бытия здесь выступают абсурд и гротеск. И вместе с тем: после рифм нет ничего, и за ними же — всё. Как-то ведь надо пережить эту зиму, особенно если дело происходит в приграничном городке — глядя в телевизор, ремонтируя квартиру, становясь свидетелем и непосредственным участником вступления в Евросоюз, которое меняет абсолютно все, не меняя при этом ничего: «На мосту Свободы / отбивные в тесте, / нет уже таможни, / только двое местных» — речь, ясное дело, о том, что родной город автора, разделенный границей на чешскую и польскую части, соединен при этом мостом, переброшенным с одного берега пограничной реки на другой. Тот же опыт имеется у жителей Згожельца и Слубиц — городов на двух берегах Одры, разделяющей Польшу и Германию. Так все и идет: по-новому, но как встарь. Так оно и зарифмовано: как бы демонстративно провинциальными, местечковыми рифмами, свободными от пафоса и сентиментальной поэтичности.

По сути, литературная деятельность Махей представляет собой своеобразный противопольскопоэтический манифест — так было и в предыдущих книгах: «Мемуары о современной поэзии», а также «Стихи против налогообложения поэзии». Есть во всем этом любопытный полемический замысел, своего рода провокация, которую я считаю истинной ценностью. Мало кого из пишущих стихи смешит сама мысль о том, что он поэт. Збигнев Махей принадлежит к тем немногим, кто может себе это позволить. Более того — в простых, на первый взгляд, «стишках» сквозит абсурдность самой установки «быть поэтом». Его это веселит — и одновременно приводит в ужас.

МОЯ ВСТРЕЧА С РАСПУТИНЫМ

Был у меня в Петербурге один хороший знакомый, врач. Помимо личной симпатии, нас связывал еще один, что называется, общий знаменатель — совместное пристрастие к антиквариату.

У этого врача был брат, скульптор высокого класса, пользовавшийся в Петербурге большой известностью благодаря целому ряду бюстов самых разных знаменитостей из придворной, да и вообще светской жизни.

Работал он у себя в большой мастерской, при которой было несколько красиво обставленных комнаток.

Однажды этот врач сказал мне, что его брат ваяет бюст Распутина.

Распутин пребывал тогда на самой вершине своей диковинной славы. Говорили, что он лечит царевича, рассказывали о его влиятельности при царском дворе, добивались его протекции, указывали на женщин, которые не жалели хлопот в погоне за его милостивой благосклонностью и расположением, и т. д. Молва делала из него фигуру загадочную и интересную. Распутин становился «историческим» лицом, поскольку, как выразился один из русских писателей, «где он, там почти наверняка была какая-нибудь... история».

Посему нет ничего странного, что я решил воспользоваться случаем, дабы познакомиться с Распутиным.

Условившись с этим скульптором, я пришел в его мастерскую как раз в то время, когда там позировал Распутин.

Выглядел он привычным типом русского крестьянина — настолько заурядным и средним, что при случайной встрече я не обратил бы на него особого внимания; может, только глаза у него были побольше, более живые и подвижные. Бороду он по русскому обычаю носил обрзанную ровно, как лопата («борода лопатой»^[1]).

Одежда у него представляла собой некую непонятную смесь. На нем были длинные, по колено, сапоги с лаковым блеском, выше них — широкие шальвары («шаровары шире Черного моря»),

кроме того, стянутая пояском рубаха с застегивающимся сбоку воротником, а на ней — короткая русская куртка. Костюму этому странным образом не соответствовали две бриллиантовые пуговицы, на которые был застегнут воротник. Они и его тоже явно смущали, потому что, когда в ходе дальнейшего разговора я обратил на них внимание, Распутин нахмурился, помрачнел и сказал:

— А ты на такие вещи не гляди. Мне подарили, вот я их и ношу.

Когда я вошел, он приветствовал меня очень вежливо, доказывая тем самым, что слышал обо мне как о защитнике по политическим делам.

Спустя какое-то время мы уселись в комнате по соседству с мастерской, чтобы позавтракать. Это происходило уже во время войны, когда с выпивкой было очень тяжело. Запасливый хозяин поставил перед нами бутылку превосходной русской водки и несколько бутылок вина. Каждый из нас охотно выпил по рюмке, но, когда бутылка дошла до Распутина, тот уже не выпустил ее. Держа рюмку в одной руке, а бутылку во второй, он поминутно наполнял рюмку и медленно осушал ее до дна.

По мере питья Распутин становился разговорчивее. Пользуясь этим, я начал задавать ему всевозможные вопросы.

— Отец Григорий, ты там все время при дворе. Постоянно общаешься с царем. Скажи мне, каков он в частной жизни?..

— «Офицеришка».

— Почему так?

— Вообрази себе: ежели он в хорошем настроении, то, когда подает тебе руку, одновременно щелкает шпорами. Такое не пристало особе государя.

— Ну, а она, царица?

Распутин сжал руку в кулак и ударил им по столу.

— Она? Кремень!

— Почему?

— Немецкое воспитание, и всё.

От царя и царицы мы перешли к характеристике других известных в Петербурге личностей. Затем переключились на

текущие дела, которые возбуждали всеобщее любопытство и о которых Распутин говорил охотно, словно болтливый ребенок, повторяя всё, о чем когда-либо слышал в придворной среде. В этой части разговора меня занимала не его фигура, а сплетни, которые он мне повторял и которые были весьма интересными.

Ближе к концу завтрака послышался звонок, и вошла племянница нашего хозяина, дочь врача, о котором я уже говорил. Поскольку она была знакома с Распутиным, разговор стал носить более общий характер и сделался несколько веселее. Но, когда девушка обратилась к Распутину с просьбой о протекции для своего жениха, тот наморщил брови и сказал невежливым тоном:

— Так оно завсегда и кончается... завсегда кто-нибудь должен меня о чем-либо попросить.

Лишь впоследствии, когда мы продолжили наши разговоры, а племянница хозяина с грустным видом присела в сторонке, не принимая в них участия, Распутин вдруг повернулся к ней и спросил:

— А сильно ли ты его любишь?

— Как же мне его не любить — ведь это мой жених.

— Ну, так перестань хмуриться. Дам я тебе для него записочку к министру.

После чего вырвал листок из своего блокнота и карандашом написал на нем: «Ваше Превосходительство! Убедительно прошу принять на службу в министерство подателя сей записки. Этим Вы обяжете весьма преданного Вам — Распутина».

Вот каким образом устраивались подобные дела в тогдашние времена.

Видя, что я присматриваюсь к его почерку и манере письма, Распутин обратился ко мне с вопросом:

— Ежели хочешь, так я и тебе парочку слов черкану...

И, взявши маленькую записную книжицу, которая лежала подле меня, вписал туда: «Ищущий успокоидзя», — и подписал: «отец Григорий». Это походило на цитату из Священного Писания. Слова эти примерно означают: «Тот, который ищет, найдет успокоение» или же «Кто ищет, тот найдет».

Утверждение было далеко не самым худшим, но в одном слове он сделал сразу две ошибки, потому что последнее слово надо писать «успокоится», а Распутин написал «успокоидзя».

Рекомендательная записка привела юную девушку в необычайно хорошее настроение, и вскоре она села за стоявшее рядом пианино и начала наигрывать какую-то красивую мелодию.

— Э, то, что ты играешь, — это для меня слишком уж ученое, — воскликнул Распутин, которому вино слегка ударило в голову.
— А не умеешь ли ты сыграть чего-нибудь повеселее?

— Ну, например?

— А хотя бы нашего «камаринского».

Девушка от всего сердца рассмеялась, и мгновение спустя послышались звуки этой плясовой песни, которую русские мужики поют во время танца. Распутин сорвался со стула, стал посреди комнаты и начал нервно подпрыгивать и напевать.

Напрасно я хотел позднее втянуть его в разговор. Распутин совсем расшалился и плясал без устали, а когда, утомившись, рухнул в кресло, со лба у него стекал пот.

Было неприятно смотреть на этого уже отнюдь не молодого мужчину, подвыпившего и красного, который, развалясь в глубоком кресле, сидел перед нами, тяжело дыша и исторгая всяческие миазмы.

Странно было подумать, что человек подобного типа мог в России играть серьезную роль в высоких сферах.

Вскоре он мне уже изрядно надоел. Потихоньку я шепнул хозяину, что покину собравшихся, не прощаясь, так как приближается время, когда у меня имеются другие обязательства.

С порога я еще раз бросил взгляд на раскинувшегося в кресле Распутина — захмелевшего, багрового и обливающегося потом. Таким он и остался в моих глазах и в воспоминаниях.

«Ведомости литературе», 1936, №47

Станислав Патек (1866–1944) — юрист, дипломат, адвокат. Был близок к социалистам. С 1905 г. выступал перед российскими судами в качестве защитника на политических процессах. В 1910 в результате спровоцированного царскими властями дисциплинарного разбирательства его вычеркнули из списка присяжных адвокатов. В независимой Польше стал организатором судебной системы. Участник Парижской мирной конференции. В 1920 — министр иностранных дел, далее — посланник в Японии (1921–1926) и СССР (1926–1932), посол в США (1933–1935), сенатор (1936–1939). В 1938 опубликовал книгу воспоминаний.

- 1.
2. Здесь и далее автор берет в кавычки слова, транскрибированные с русского.

СВИДЕТЕЛИ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Мейерхольд посетил Польшу только однажды и проездом. На рубеже марта и апреля 1907 г. он остановился в Лодзи^[1], а дальше через Сосновец и Катовице направился в Берлин. Зато до Первой Мировой войны гостил в Варшаве театр Комиссаржевской. В тот период вполне естественными были и гастрольные выступления в Варшаве различных театров из Москвы или Петербурга, и появляющиеся в прессе — в том числе и на польском языке — информационные материалы, посвященные театральной жизни в России. Корреспондент польского журнала «Сцена и штука» («Сцена и искусство») в начале января 1908 г. сообщал из Петербурга варшавским читателям о конфликте между Комиссаржевской и Мейерхольдом. Писал о поддержке Мейерхольда, демонстрируемой некоторыми актерами этого театра, а также какой-то частью публики, и вместе с тем о нападках на него в прессе, которые перерастали в настоящую травлю^[2]. Тогда-то в Варшаву и пожаловал театр Комиссаржевской. В репертуаре его выступлений значились три представления в постановке Мейерхольда: «Сестра Беатриса» и «Чудо святого Антония» Метерлинка, а также «Вечная сказка» Пшибышевского. Все спектакли были показаны в первые дни февраля 1908 г. в театре, расположенном в Саксонском саду^[3]. Необходимо, однако, отметить, что значительная часть польской интеллигенции бойкотировала выступления русских артистов, причем всех, а не только труппы Комиссаржевской (бойкот происходил и во время гастролей Московского Художественного театра), выражая таким способом протест против оккупации Польши — так рассматривались три ее раздела. Поэтому эти спектакли не запомнились польским театральным деятелям.

После восстановления независимости Польши (1918) напряженность во взаимных официальных отношениях не содействовала приглашению известных русских артистов и театральных деятелей, хотя случались и исключения, например, приезд популярного и ставившегося в Польше Николая Евреинова, выступления Михаила Чехова или группы актеров МХТ под руководством Качалова; зачастую, однако, это были визиты по пути в эмиграцию — на Запад. Что же касается спектаклей Мейерхольда, то их в межвоенном двадцатилетии в Польше не показывали. Это не означает, что интерес к его

творчеству отсутствовал. Как раз напротив, существовал настоящий информационный голод, особенно в артистических кругах левой ориентации, хотя и не только там. Отсюда — довольно многочисленные публикации статей, посвященных творчеству Мейерхольда, а также переводы текстов его авторства, несколько интервью с ним и, наконец, радиопередачи. Уже в январе 1923 г. Вилям Хожица, режиссер, писатель и театральный директор, опубликовал в журнале «Сцена польска» переведенную им с немецкого статью о постановке «Великодушного рогоносца»^[4]. В 1925 г. журнал «Жиче театру» («Жизнь театра») поместил в пяти номерах обширное исследование Витольда Вандурского «Эволюция творчества Мейерхольда».

Если говорить об издании текстов самого Мейерхольда, то их было немного, всего лишь три (во всяком случае, столько удалось найти). Первый из них — это «Мой творческий путь» в так называемом советском номере еженедельника «Вядомости литерацке» от 29 октября 1933 года^[5]. Этот текст, представляющий собой сокращенное изложение художественной программы Мейерхольда (отношение к драматическому тексту, функции режиссера, традиции, биомеханика, роль музыки и света, организация сценического пространства, наконец, архитектура нового здания театра), был дополнен значительно более обширной статьей Николая Волкова «Творческий путь Мейерхольда», а также снабжен фотографиями с его спектаклей. Названные публикации в «Вядомостях литерацких» не были ни первыми, ни единственными, посвященными творчеству русского режиссера. Как в предшествующие, так и в последующие годы здесь появлялись корреспонденции и статьи, позволявшие польскому читателю ближе познакомиться с фигурой Мейерхольда, а также рецензии на его спектакли^[6].

Одним из пропагандистов творчества Мейерхольда на страницах «Литературных известий» был Ян Гемпель — известный публицист, критик и коммунистический деятель, жертва чисток 1937 г. (после того как в 1932 г. он наряду со многими другими коммунистами, членами коммунистической партии Польши, эмигрировал в Москву)^[7]. Авторы публикаций иногда прибегали к помощи советских источников, как это сделал Зыгмунт Тонецкий, который в обширном тексте под названием «Театр Мейерхольда», занимающем всю первую страницу в номере того же еженедельника от 13 марта 1932 г., обращался к работам Евгения Зноско-Боровского и Александра Февральского. Тональность всех этих статей без исключения была положительной;

Мейерхольда в них представляли как художника крупного формата; подчеркивался его вклад в мировую театральную культуру, а также животворность и вдохновляющая сила его театра, мерило которых (...) «непрерывная борьба, происходящая вокруг него, диспуты, нападки и восторженные апологии»^[8]. Следовательно, авторы этих публикаций отдавали себе отчет в тех спорах и разногласиях, которые вызывал театр Мейерхольда в Советском Союзе, следили за его судьбой и оперативно, без проволочек информировали читателей о новостях.

Второй из обнаруженных переводов Мейерхольда на польский язык — это статья «Идеология и технология театра», опубликованная в краковском журнале «Тыгодник артистув» («Еженедельник художников») от 26 января 1935 года^[9]. Этот текст носил характер популярного, доступно написанного и наполовину лекционного изложения основополагающих эстетических принципов Мейерхольда. Существенное значение имел тот факт, что появился он в Кракове, причем в издании, которое читали художественно-артистические круги. С этим текстом мог познакомиться Тадеуш Кантор, который в то время интересовался Мейерхольдом, о чем свидетельствует многократно привлекаемая им книга Йозефа Грегора и Рене Фюллопа-Миллера «Русский театр»^[10], где содержатся обсуждения и разборы спектаклей русского режиссера, а также сделанные на них фотографии.

К высказываниям самого Мейерхольда следует добавить два интервью, или, скорее, пересказа бесед, которые провели с этим художником театра польский поэт Ян Бженковский, а также актер и режиссер Бронислав Домбровский. Бженковский разговаривал с русским режиссером во время выступлений ТиМа в Париже в 1930 г., когда мейерхольдовская инсценировка «Ревизора» вызвала протесты тамошней русской колонии, взбудораженной изменениями, которые режиссер внес в текст. В ответ на въедливые расспросы Бженковского о современном русском театре Мейерхольд отвечал скупой и очень общо, говоря о двух течениях — реалистическом и реформаторско-экспериментальном. В то же время он откровенно провозгласил, что предпочитает французский театр немецкому, добавляя, какое восхищение вызвали у него представления, увиденные у Гастона Бати и Луи Жуве, а также упомянул, что совершенно не знает польского театра^[11].

Домбровский беседовал с Мейерхольдом в мае 1934 г., во время Международного театрального фестиваля в Москве, в антракте «Ревизора». В своем отчете об этой встрече он привел ряд

высказываний Мейерхольда, в частности о биомеханике^[12]. И дополнил эти рассуждения собственным описанием увиденного представления, которое произвело на него «потрясающее» впечатление:

«Мы присутствуем на представлении «Ревизора» Гоголя. Скромный зал рабочего клуба, в котором пока размещается театр Мейерхольда, своей убогой простотой сразу, с самого входа удивляет участника фестиваля, уже привыкшего в Москве к прекрасно обустроенным современным театральным интерьерам. Мейерхольд совсем не употребляет занавеса, поэтому наш взгляд разочарованно останавливается на мертвых, неосвещенных декорациях. Сцена окружена, словно ширмой, красным обрамлением, в котором выделяются восемь двустворчатых дверей. Но вот звучит удар гонга, и свет прожекторов придает новый смысл этому сценическому оформлению. Открываются широкие центральные двери, откуда на сцену въезжает платформа с актерами. Преобладающая часть действия «Ревизора» будет происходить на этой ограниченной, но как бы выставленной на публичное обозрение подвижной плоскости. Рабочие меняют декорации при мерцающем свете канделябров со свечами. Создающиеся при этом фантастические подвижные тени еще сильнее поднимают настроение спектакля. Но еще больше, чем декорация и световые эффекты, удивляет нас и приковывает внимание игра актеров. Всё, что мы до сих пор называли театром, кажется теперь словно бы перевернутым и преломленным в каком-то невероятном зеркале. Не внутреннее содержание слова подчеркивает актер Мейерхольда. Не духовный источник речи важен. Движение и внешняя жизнь сцены и людей становятся той силой, которая разжигает эмоции и интерес публики. Вот среди совещающихся чиновников ни с того ни с сего кружит яблоко. Они перекалывают фрукт из рук в руки, обезьяньими жестами вырывая его друг у друга. Яблоко становится самым тяжелым весом и акцентом действия. Среди неважных слов, которые лениво цедят полуидиотические чиновники, движение яблока так изоощренно и тревожно, что прямо захватывает и приковывает внимание зрителя, доводя его до какого-то каталептического состояния. Или опять-таки переливающиеся в бесконечном ритме перегруппировки действующих лиц, игра глаз, рук, ног, переносимых с места на место предметов и пятен света. Вначале зритель дезориентирован. Как это? Ведь во всём этом растворится существенное содержание пьесы... Но вскоре, ослепленный гениальностью и точностью механической жизни, он начинает постепенно привыкать к дисциплине мейерхольдовской биомеханики»^[13].

В польской прессе того периода печатались и другие сообщения о «Ревизоре». Однако это и другие свидетельства Домбровского принадлежали к числу самых пространных. Похоже, что «Ревизор» стал для него одним из ключевых театральных переживаний. К описанию этого спектакля Домбровский возвращался многократно, чаще всего повторяя уже опубликованные фрагменты, но и всякий раз добавляя новые фразы или объяснения отдельных сцен (особенно «немой сцены»), которые явно не давали ему покоя. Одну из таких статей он поместил в «Газете артистув» («Газета художников»), где, кроме того, писал о постановках «Леса» и «Дамы с камелиями»^[14], а также, год спустя, — во львовском еженедельнике «Нове часы» («Новые времена»), в статье «Сто лет «Ревизора» в России». Тогда он признал, что ключевой для истолкования «Ревизора» стала как раз постановка Мейерхольда:

«Возможно, наиболее глубоко сердце и нутро этого шедевра вскрыл своим холодным, ярким прожектором Всеволод Мейерхольд (...).

(...) о спектакле Мейерхольда написаны тысячи статей и велись гомерические битвы, еще более ожесточенные, нежели те, что сопутствовали рождению «Ревизора». Кто-то злобствующий называл этот спектакль пьесой Гогольхольда. Зло, но метко, так как постановка была гениальным сплавом двух талантов — автора и режиссера. «Ревизор» в России знают наизусть; его облачали в тысячи нарядов, а теперь смотрят на него как на кошмарный кабинет восковых фигур, которые, кстати говоря, в театре Мейерхольда воспроизводят — вместо живых актеров — заключительную немую сцену. С их искривленных, перекошенных физиономий, уставившихся в даль стеклянными глазами, глядит смерть. Так кончается спектакль. Зажигается свет. Приходят обыкновенные рабочие сцены и снимают с манекенов парики и парадные костюмы»^[15].

В 1970-х Домбровский включил свои московские воспоминания в значительно расширенном варианте в книгу мемуаров. Высоко оценивая новаторство «Леса», о «Даме с камелиями» он писал, что этот спектакль разочаровал и не захватил зрителей, и выразил предположение, что он был результатом компромисса Мейерхольда, уставшего от нападков прессы, обвинявшей его в формализме. Больше всего внимания Домбровский уделил постановке «Ревизора». Однако вошедший в книгу переработанный рассказ о ней хотя и был дополнен описанием еще одной сцены, где Мейерхольд тоже

применил игру с предметом (разрезание Хлестаковым жесткой курицы в трактире), но утратил свежесть первого впечатления^[16].

Другой важный аспект беседы с Мейерхольдом, проведенной Домбровским в 1934 г., был связан с архитектурными планами нового театра:

«Мы меняем тему разговора, и гениальный режиссер с плохо скрываемым волнением и даже растроганностью показывает нам планы своего нового, гигантского театра. «В нем сочетаются элементы и принципы греческого театра с японским, а также с шекспировской сценой в театре “Глобус”», — говорит Мейерхольд и указывает на рисунке большущий круг сцены, окаймленный оригинально устроенным амфитеатром огромного зрительного зала. Этот амфитеатр совершенно напоминает словно бы расходящиеся круги слабеющих, растекающихся волн. Уже вскоре они расколышутся многотысячной массой зрителей»^[17].

Смелость такой картины наверняка возбуждала воображение польских читателей «Львовской сцены». Отнюдь не меньшее впечатление производил, видимо, тот факт, что такие смелые идеи действительно претворялись в жизнь, — никто тогда еще не предполагал, что их создатель, по мнению всего мира, один из самых крупных советских художников, будет уничтожен, а начатое сооружение останется неосуществленным.

Это было не единственное сообщение с московского фестиваля. Сам Домбровский опубликовал репортажи об этом событии еще и в львовской газете «Хвиля» («Минута»). В статьях Домбровского дает о себе знать его увлеченность интенсивностью театральной жизни в Советском Союзе. В первой части своего репортажа он описывает торжественное открытие фестиваля:

«Две тысячи человек, в том числе двести приезжих из-за рубежа, среди которых можно было увидеть даже смуглые лица индусов и раскосые глаза японцев, поднялись с мест. В просторном многоярусном зале Большого театра, до краев заполненном серо и бедно одетой толпой, странно выделялись элегантная дамская одежда и изысканно скроенные пиджаки иностранцев.

Наверху, над занавесом, навязчиво блестит герб СССР — серп и молот. В бывшей царской ложе мы видим нескольких тщательно одетых пролетариев.

Свет затухает — занавесы поднимаются. II театральный фестиваль открыт»^[18].

Репортаж Домбровского с фестиваля печатался в девяти номерах газеты. В большинстве из них Мейерхольд по меньшей мере упоминался, а три части были почти целиком посвящены его творческому портрету^[19]. Домбровский побывал тогда и в других широко известных московских театрах, в том числе, разумеется, во МХАТе, театре Вахтангова, Государственном еврейском театре (ГОСЕТ) и Московском детском театре Наталии Сац. Его статьи обладали прежде всего информационной ценностью. Польские читатели узнавали из них о самом основном, но в этом-то они и нуждались. Так в Польшу проникали знания о том, что большинству было недоступно узнать непосредственно.

Ежегодные московские театральные фестивали были для поляков, заинтересованных тем, что происходит за советской границей, удобным случаем сопоставить свои воображаемые представления с реальной действительностью. В 1934 г. в Москву направилась целая группа польских наблюдателей, куда, кроме Домбровского, входили режиссер, актер и будущий историк театра Генрик Шлетынский, актрисы Зофья Малынич и Зофья Тымовская, литературный критик Зыгмунт Новаковский^[20]. Все они выехали в рамках экскурсии, организованной «Интуристом».

Подробные сведения об этом событии оставил Генрик Шлетынский в цикле статей, опубликованных в октябре 1934 г. в лодзинской газете «Глос поранный» («Утренний голос») в форме бесед, проведенных с ним одним из журналистов этой газеты^[21]. В них Шлетынский представил живой отчет о своих посещениях московских театров. Обширные фрагменты он посвятил при этом таким театрам, как Большой, Малый, МХАТ, Второй МХАТ (о котором он пишет: «самый лучший театр в Москве»), Камерный, ГОСЕТ, Детский театр Наталии Сац, театр им. Вахтангова, а один из репортажей полностью отвел под театр им. Мейерхольда, сосредоточившись прежде всего на инсценировке «Ревизора» («Даму с камелиями» он, как и Домбровский, признал спектаклем неудачным). Текст был иллюстрирован фотографией, где представлен Мейерхольд, живо общающийся с Эрнстом Толлером, а также — на втором плане — сам Шлетынский^[22].

Складывается впечатление, что Шлетынскому в то время искусство Мейерхольда не было близким и что он его не

понимал. В одной из частей своих московских очерков он констатировал:

«Москва всегда располагала очень хорошим и интересным театром. В этой сфере ничего после войны не изменилось, а если и изменилось, то, пожалуй, даже к лучшему. В советской России существовал довольно длительный период формализма в театре. Сегодня он уже в преобладающей степени принадлежит прошлому. Мы наблюдаем явное возвращение к реализму — как в актерской игре, так и в режиссуре, постановке и оформлении спектаклей»^[23].

Шлетьинский принимает за чистую монету советские высказывания и мнения, предвещающие ту травлю, в которой главным боевым кличем станет «формализм». Одновременно с этим он хвалит разнообразие русского театра (рассматривая, однако, театр — что знаменательно — как «воспроизводящее искусство»):

«Сегодня в Москве уровень театра как храма воспроизводящего искусства выглядит самым высоким в мире. Этот уровень поднимается благодаря тому, что каждый театр обладает своим собственным лицом, у каждого театра есть нечто такое оригинальное, о чем он может сказать обществу. Театр, который бы сегодня в Москве шел проторенными путями посредственности и ни в какой области не был оригинальным и ценным, не смог бы удержаться. У него может даже быть худшее исполнение или более слабая режиссура, но какая-то ведущая, путеводная мысль непременно должна присутствовать (...)»^[24].

О ходе следующего фестиваля, который состоялся в 1935 г., сообщалось в «Нашем пшеглёнде» («Нашем обозрении») — ежедневной еврейской газете, выходившей в Варшаве на польском языке. Это был смелый печатный орган с обширным культурным разделом. Михал Брандт, автор ряда публикаций, посвященных не только самому фестивалю, но и многим другим явлениям советского театра, отметил — как факт, достойный сожаления, — что в фестивальную программу не включили ни одного из спектаклей Мейерхольда, а его театр вообще находился в это время на гастролях в Ленинграде. Эту информацию Брандт снабдил следующим знаменательным комментарием о творчестве Мейерхольда:

«Было бы весьма любопытно установить, каким образом отнесся он [Мейерхольд] к лозунгу последних лет — так называемому «социалистическому реализму». Не могло ли

отсутствие Мейерхольда на фестивале означать, кроме причин технического характера, еще и то, что он не занял решительной позиции в этом вопросе?»^[25].

При известии о ликвидации театра им. Мейерхольда «Наш пшеглэнд» занял решительную и недвусмысленную позицию^[26]. Автор текста, Тадеуш Геллер, не питал сомнений в значении творчества русского режиссера как для европейского искусства («Для западноевропейского театра Мейерхольд был первым решительным революционером формы, наивысшей целью которого стало извлечь как можно более сильную выразительность автономными театральными средствами»), так и для русского и особенно советского искусства — благодаря созданию в первые годы после революции агитационного театра, характеризовавшегося большой силой воздействия. Поэтому, считает автор, выступление Керженцева надо считать обыкновенным цинизмом, а доносы других врагов художника — просто подлостью. Причем упреки в «буржуазной настроенности» и формализме Мейерхольда Геллер полностью высмеивает, трезво отмечая, что вся травля основана на пасквилях и оговорах и приводит рядовых читателей в полное замешательство, навязывая им фальшиво унифицированный образ Мейерхольда.

Геллер защищает последний период в творчестве Мейерхольда (в том числе постановку «Дамы с камелиями»), вписывая его в более широкий контекст намечающегося в советском искусстве поворота к традиции или даже прямого «неоконсерватизма». Для сегодняшнего читателя очевидно, что польский комментатор не ориентировался по-настоящему глубоко в положении, воцарившемся в советском искусстве к 1938 году. Геллер питает иллюзию, будто искусство — невзирая на политическое давление — руководствуется собственными, особыми правилами. Вместе с тем он обращает внимание на то, что в «Даме с камелиями» Мейерхольд вернулся к реализму. Любопытно, что в этой убежденности Геллера утвердило мнение Пискатора:

«Помню разговор, который состоялся у меня (...) с Пискатором, когда он четыре года назад, возвращаясь из Москвы, проездом побывал в Варшаве. Помню энтузиазм, с которым этот великолепный продолжатель и подражатель Мейерхольда говорил мне о его реалистической постановке «Дамы с камелиями» Дюма. С особым интересом я расспрашивал о впечатлении, которое этот неоконсерватизм произвел на прессу и на осведомленные советские круги. Пискатор со свойственной ему энергией отбивался от содержащейся в этом

вопросе скептической подозрительности. Он говорил о хвалебных голосах критики, перечислял театры, культивирующие «буржуазный» традиционализм, указывал на повсеместное в России мнение, что нельзя ради новинок пренебрегать несомненным вкладом прошлого»^[27].

Вместе с тем Геллер отдает себе отчет в том, что в Советском Союзе продолжается ведущаяся не на жизнь, а на смерть идеологическая борьба, что проводятся чистки, что буквально ликвидируют людей; упоминает он и о методах ликвидации, о доносах и клеветнических кампаниях. И вместе с тем наивно возмущается уровнем травли:

«Известный летчик Чкалов, который блестяще летает, но об искусстве имеет, надо полагать, такое же понятие, как Мейерхольд — о двигателях внутреннего сгорания, заявляет с необыкновенным апломбом, что «театр Мейерхольда никогда ему не нравился». Какой-нибудь другой угодливый подхалим спешит поделиться с товарищами по партии наблюдением, что Сталин никогда не посещал театра Мейерхольда, как будто это может иметь какое-то существенное значение»^[28].

«Наш пшеглёнд» и раньше при подходящих случаях уделял внимание этому видному российскому артисту, например печатая корреспонденцию из Берлина о «Ревизоре», который показывали в Германии^[29]. Наконец, в газете появился и текст самого Мейерхольда «Театр в России». К сожалению, нет никакого комментария о том, откуда взят этот текст. Из его содержания вытекает, что это может быть запись какого-то выступления Мейерхольда на Западе, потому что режиссер говорит, в частности, о причинах кризиса в советском театре, усматривая их в отсутствии хорошей современной отечественной драматургии, и не скрывает при этом, что «по социальным причинам» в СССР нельзя ставить многие из выдающихся иностранных произведений^[30].

На следующий театральный фестиваль, в 1936 г., в Москву выехала маленькая группа польских наблюдателей, в том числе супружеская чета режиссеров, Ирена и Тадеуш Бырские. Ирена Бырская почти 60 лет спустя вспоминала, что в Москву должна была тогда отправиться группа из 24 человек, но почти все передумали. Она помнила, что, кроме них двоих, поехал кинорежиссер-документалист Антоний Богдзевич. В 1994 г. я спросила у пани Ирены, почему не поехали остальные^[31]:

«Со страху: нас же с мужем за это выкурили из Вильно. Большевиков из нас сделали. Мы, мол, с энтузиазмом говорили

о достижениях русского театра (...). Все отказались, Ярач отказался^[32], буквально все, остались только мы трое...

— Оказывался ли нажим, чтобы не ехать?

— Нет, нажима мы не слышали, но что-то было, и лучшее доказательство — то, что нас потом турнули из Вильно».

Тадеуш Бырский описал свои наблюдения от посещения театра Мейерхольда во время пребывания на фестивале^[33]. Он подробно обрисовал здание театра, в тот момент строившееся, по которому зарубежных гостей водил сам Мейерхольд:

«Здание еще не завершено; вероятно, его сдадут в эксплуатацию не раньше, чем через год. (...) Сейчас оно производит впечатление руин греческого амфитеатра. Достаточно, однако, повернуться, чтобы заметить, что мы стоим перед сооружением, в чём-то напоминающим шекспировское. Действительно, там, где зрители, — греческий амфитеатр, где актеры — парафраз шекспировской сцены. В сочетании — ультрасовременный театр маэстро Мейерхольда. Надо признать, что такая современность, вросшая корнями в традицию, обладает великим очарованием. (...)

Сценическое пространство имеет форму, близкую к кругу. На три четверти оно прилегает к зрительному залу, на четверть опирается на ту часть здания, которая будет предназначена для актеров, оркестра, осветительных лесов. Непосредственно с места сценического действия можно будет через большие двери выбраться на улицу.

(...) Говорит Мейерхольд необычайно ясно, просто, убедительно. Сопровождающие переводят его на западные языки, так что есть время задуматься над каждой фразой. Он не употребляет высоких слов, не прибегает к патетическому арсеналу. Не говорит он и о конструкции своего театра как о каком-то открытии. Напротив — истолковывает всё как нечто ясное, само собой разумеющееся. «Иначе это делать просто нельзя!» — ощущается невысказанная мысль человека театра.

«Актерские уборные, — говорит Мейерхольд, — будут размещены рядом с тем местом, где будет происходить сценическое действие. Во всех современных театрах уборные находятся далеко позади, за кулисами, на этажах. Мне важно, чтобы у актера, когда он располагает свободной минутой или переодевается, звучало в ушах зрелище. Чтобы он не выпал из ритма» [здесь и далее — подчеркнуто Т.Бырским]. Эти слова он подчеркнул с нажимом. А мы констатировали потом на

репетиции и на спектакле, насколько важную роль играет у Мейерхольда ритм»^[34].

Бырский подробно описал также ход репетиции чеховского «Юбилея», обращая особое внимание на способ работы Мейерхольда с актерами, а также на ту тщательность, с какой режиссер компоновал отдельные сцены:

«Композиция — элементарное понятие работы у Мейерхольда. Тем самым нет места никакой произвольности. Всё должно быть заранее предусмотрено, разложено. Каждый жест, каждое ударение, мельчайшая интонация (...) Ритм и мелодия в зрелище — вот самые важные составные части, которыми в первую очередь оперируют в этом театре»^[35].

Бырские, по словам их друга Чеслава Милоша, относились к довоенным «левым безумствам» терпимо, но довольно скептически^[36]. Рассматривая советскую действительность, Бырский не скрывает своей отчужденности и вместе с тем — что поразительно — он видит в Мейерхольде независимого художника:

«Сегодня до полудня ни разу не прозвучало слово «Сталин», — пишет он в своем отчете. — Не говорилось ни о советской правде, ни о величии октябрьской революции. Быть может, такое «умалчивание» могут себе позволить только немногие, к которым принадлежит и Мейерхольд. Не знаю. В любом случае нынешний день начался хорошо — как-то “независимо”»^[37].

Какой образ Мейерхольда можно для себя составить на основании вышеприведенных сообщений польской прессы? Из них вырисовывается фигура великого художника и реформатора театра, режиссера, противостоящего пониманию спектакля как произведения служебного по отношению к литературе, постановщика, создающего авторский театр, что для поляков было тогда открытием. Польские свидетели недвусмысленно оценивали его творчество как новаторское и хотели видеть в нем прежде всего художественного новатора, а потому с одобрением писали о таких его спектаклях, как «Мистерия-буфф», «Лес», «Ревизор», «Мандат», «Клоп», «Последний решительный», тогда как «Даму с камелиями» оценили преимущественно как возвращение к прошлому и результат компромисса. Любопытно, что Мейерхольда не критиковали как художника, отождествляемого с большевицкой властью, — причем независимо от политической ориентации авторов той или иной публикации. Надо, однако, помнить, что это были мнения сравнительно

немногочисленных свидетелей, людей, открытых к России; трудно сказать, какие отклики возбудили бы спектакли Мейерхольда, будь они показаны в Варшаве, но с большой долей вероятности можно предположить, что их восприняли бы уже не так доброжелательно.

Фигура Мейерхольда как разрушителя старых форм и революционера в искусстве претерпела в некотором смысле мифологизацию. На полях можно вспомнить об удивлении, которое он возбуждал при непосредственном личном контакте. Поражала «обыкновенность» его облика и поведения.

«В антракте мы посещаем кабинет Мейерхольда, — писал Бронислав Домбровский, — и, еще взволнованные глубиной его сценического творчества, с удивлением встречаем милую, простую улыбку пожилого господина. (...) Величие, к которому мы приблизились, явилось нам в самом простом, обыденном обличье»^[38].

Да и Бырский писал о том, насколько неожиданным оказывался вид этого пожилого человека. Удивление возникало из-за того, что Мейерхольд начал функционировать в сознании поляков лишь в 1920-е годы. Поэтому им казалось, что он должен быть человеком относительно молодым, как и пристало авангардному художнику. Мейерхольд — необходимо это подчеркнуть — ассоциировался в межвоенной Польше прежде всего со своим послереволюционным творчеством.

Мейерхольд увлекал в равной мере как своим творчеством, так и личной харизмой. К кругу тех художников, которые признавались в прямом и непосредственном воздействии Мейерхольда на их собственное творчество, принадлежали Витольд Вандурский и Вацлав Радульский.

В 1925 г. Витольд Вандурский опубликовал первое и самое обширное в польской литературе межвоенного периода исследование, посвященное Мейерхольду. В нем он описал весь творческий путь Мейерхольда — от его начальных этапов в Московском Художественном театре через символизм и театрализацию вплоть до конструктивизма и биомеханики. Эта работа была опубликована в пяти частях в самом лучшем (наряду со «Сценой польской») польском театральном журнале — «Жиче театру» («Жизнь театра»)^[39]. Вандурский не скрывал, что пользовался книгой Зноско-Боровского^[40] и другими, менее крупными публикациями. Монография Вандурского носила компилятивный характер, хотя он не уклонялся от собственных комментариев и дополнений. Статья

выполняла не только информационную задачу — она была и портретом художника. Вандурский воспринимал Мейерхольда как романтика, натуру беспокойную, ненасытную, ищущую. Он относил режиссера к категории беспокойных душ, искателей приключений, называл конквистадором, покоряющим новые, дотоле неизвестные территории искусства. В его индивидуальности и художественной деятельности Вандурский усматривал прежде всего анархический элемент. Будучи коммунистом, а с 1925 г. членом Коммунистической партии Польши (КПП), он не мог обойти роль революции в творчестве Мейерхольда, однако был далек от того, чтобы видеть в нем художника на службе идеи:

«Революция дала выход темпераменту Мейерхольда-художника — «идеология» была прицеплена потом. Вообще любая «идеология» всегда была чужда этой стихийной натуре. Мейерхольд — тут он диаметрально противоположен Евреינוву и Таирову — никогда не создавал себе систему: он творил непосредственно, вне теории, — теория приходила потом. (...) Что же касается «коммунизма» Мейерхольда, то, кажется, сами коммунисты не очень-то доверяют ему в этой материи»^[41].

Пророческие слова! Написал их коммунист, но, подчеркнем еще раз, в Польше не только Вандурский воспринимал Мейерхольда как художника независимого, преданного исключительно искусству, причем такой образ режиссера сложился задолго до трагического финала его жизни.

Автор монографии — публицист, переводчик (он первым переводил на польский Маяковского), поэт и драматург, режиссер, первопроходец и создатель рабочих театров в межвоенной Польше — семь лет жизни провел в России^[42]. В 1913 г. он выехал из родной Лодзи на учебу в Москву изучать правоведение. Он быстро завязал контакты с артистическими кругами, а самой большой его страстью стал театр. До революции Вандурский, вероятно, не видел ни одного из петербургских спектаклей Мейерхольда, но интересовался его деятельностью, слушал рассказы очевидцев, жадно читал его журнал «Любовь к трем апельсинам»^[43]. Он принимал деятельное участие в работе студенческой театральной студии на Девичьем Поле. Вдохновленный исканиями Мейерхольда, Вандурский начал самостоятельно изучать старинный театр, особенно комедию дель арте.

Во время революции он активно вовлекся в культурно-просветительскую работу; от имени и по поручению

Наркомпроса стал деятелем любительского театрального движения. В 1919 г. выехал в Харьков, где участвовал в организации экспериментальных театральных курсов, а затем стал заведовать художественным клубом медицинских работников, где вел любительскую театральную труппу. Сведения о своей деятельности в Харькове он позже сообщил Александру Февральскому, который много лет спустя написал об этом статью, опубликованную в польском театральном журнале «Диалог»^[44]. В 1921 г. был арестован, а затем возвратился в Польшу.

Вернувшись на родину, он связал свою судьбу с Лодзью, где с 1923 г. сотрудничал с любительским коллективом «Рабочей сцены», а в 1925–1927 гг. руководил им. Поставил здесь, в частности, свои драмы «Смерть на груше» и «Игра об Ироде», а также монтажи текстов, в том числе пролог к «Мистерии-буфф» и фрагменты из «Слова о Якубе Шеле» Бруно Ясенского; сотрудничал, в частности, в постановке «Ткачей» Гауптмана и «Надежды» Хейерманса. В 1928 г. был арестован за коммунистическую деятельность. После освобождения из тюрьмы он эмигрировал сначала в Берлин, а затем в СССР, где был арестован в 1933 г. и в 1934–м расстрелян.

Как театральный критик и публицист Вандурский анализировал причины, по которым театр не мог установить контакты с новой, демократической аудиторией. Он подчеркивал необходимость реформирования театра во имя потребностей рабочих зрителей. Его взгляды сформировались под воздействием различного опыта, вывезенного из России, — в них звучат отголоски как пролеткультовских идей, так и мейерхольдовской программы «театрального Октября». Вандурский предлагал обратиться к давним традициям народного театра, к тем временам, когда литературный текст не связывал исполнителя, а служил наброском, который наполнялся содержанием лишь через творчество актера (как, к примеру, в средневековом ярмарочном театре или в комедии дель арте). Вандурский считал, что на сцене нужно отбросить психологические сложности, «стремиться к живому действию», к «занимательной интриге»^[45]. Театральное зрелище он считал автономной областью искусства, игрой, которую характеризует движение, внешне выраженное в телодвижениях актера.

В своих постановках Вандурский непосредственно обращался к опыту и открытиям Мейерхольда как создателя театрального конструктивизма и биомеханики^[46]. Он призывал «расправиться с переживаниями» на сцене. Большое значение

придавал он голосовой «инструментовке» театрального зрелища и сценическому движению — «пластически организованному» и «ритмизованному»^[47]. Предлагал максимально упрощать сценографию. Конструктивизм, писал Вандурский, стал в театре «Рабочая сцена» господствующим стилем, а потому вместо прежних декораций были внедрены простые, строгие архитектурные конструкции. Стоит добавить, что проекты Вандурского совпадали с исканиями польских конструктивистов и абстракционистов, действовавших как раз в Лодзи и сосредоточившихся в группе «Блок» (Катажина Кобро, Владислав Стшеминский, Генрик Стажевский, Мечислав Щука и др.). Вандурский разделял с ними также убежденность в «нераздельности искусства и социальных вопросов»^[48].

В контексте достижений советского театра предложения Вандурского не выделялись оригинальностью, однако на польской почве они были самой серьезной в те времена попыткой создать модель нового театра, вдохновленную творчеством Мейерхольда. Вандурский пытался реализовать эту модель в любительском рабочем театре, что заранее было обречено на поражение ввиду несовместимости авангардных идей с возможностями любительской труппы. Социально-политический радикализм рабочих театров не сопровождался эстетическим новаторством. Вандурский отдавал себе отчет в этой коллизии и поэтому планировал на много лет работу, рассчитанную на повышение уровня как создателей, так и потребителей рабочего театра, — работу, завершить которую ему не было дано.

Творческим человеком, не скрывавшим своей увлеченности личностью и достижениями Мейерхольда, был и Вацлав Радульский. Родился и вырос он в Петербурге, где окончил гимназию и в 1922 г. поступил в театральное учебное заведение. Это был Институт сценических искусств, обучение в котором сочеталось с обязательной практикой в Александринском театре под руководством Юрия Юрьева^[49]. Напомним, что Институт сценических искусств был призван к жизни как раз в 1922 г., а на его программу наложил свой отпечаток Мейерхольд: «В программу занятий института была включена биомеханика на правах актерского тренинга»^[50]. В своих письмах Радульский вспоминал, что один или два раза слушал лекции Мейерхольда (вероятно, во время коротких пребываний режиссера в Петрограде).

В июне 1923 г. Радульский приехал в Варшаву, где продолжал обучение актерскому мастерству в Театральной школе. Учился

он у Александра Зельверовича. Среди его педагогов были Стефан Ярач, Вилиам Хожица и, наконец, Леон Шиллер, с которым он мог беседовать о том, что его тогда более всего интересовало. Спустя многие годы Радульский вспоминал:

«Я был на так называемом седьмом небе. Наконец-то нашелся человек, который говорил о прославленных русских спектаклях так, будто сам их видел, человек, глубоко «сидящий» в самой сердцевине современного театра»^[51].

Пользу от этих разговоров получал не только ученик, но и учитель. До этого момента знакомство Шиллера с Мейерхольдом ограничивалось только прочитанными материалами, теперь он мог узнать кое-что от очевидца. Радульский несколько раз вспоминал о виденных им спектаклях Мейерхольда, не приводя названий^[52]; имелся у него и разнообразный опыт, вынесенный из Института сценических искусств. После приезда в Польшу он некоторое время внимательно следил, что пишут о Мейерхольде, и оставался под большим впечатлением от театра, виденного им в России. Выразил он это в своих статьях о русском театре, опубликованных в таких журналах, как «Сцена польска», «Жиче театру», «Век XX».

Сразу после возвращения из России Радульский весьма критически отнесся к спектаклям варшавских театров, обвиняя их в старосветских декорациях и анахроничной режиссуре^[53]. Зато его поразили спектакли Леона Шиллера (1887–1954) со сценографией братьев Анджея и Збигнева Пронашко. В 1924 г. Шиллер возглавил варшавский театр им. Богуславского и пригласил к сотрудничеству многих людей искусства, ищущих новые средства высказывания: Вилиама Хожицу, Анджея Пронашко, Винцента Драбика, Зофью Стрыенскую, Тадеуша Гроновского, Татьяну Высоцкую, Кароля Шимановского. По замыслу Шиллера, этот театр должен был стать популярным, массовым, предназначенным для рабочих и ремесленников, которые тем самым получат возможность познакомиться с дерзновенным репертуаром, главным образом польским, поставленным на высоком художественном уровне. Вместе с тем Шиллер реализовал на сцене театра им. Богуславского идеи польского монументального театра^[54].

«Русский театр» — очень широкое понятие. Однако Радульский по разным случаям подчеркивал особое значение Мейерхольда. «Станиславскому я предпочитал динамичного Мейерхольда», — недвусмысленно характеризовал он свою художническую позицию в одном частном письме^[55].

Наиболее убедительно он выразил свое отношение к Мейерхольду и его творчеству в статье «Театр Мейерхольда закрыт»^[56], опубликованной через три недели после закрытия ГосТиМа. Радульский очень хорошо ориентировался в ситуации, господствовавшей в тогдашнем Советском Союзе, который он, кстати говоря, посетил в 1935 г. как гость Международного театрального фестиваля в Москве. В этой статье Радульский не только разъяснял польским читателям важность достижений Мейерхольда, а также последствия ликвидации его театра для будущего развития советского искусства, но и косвенно выражал свои собственные художественные пристрастия.

«Ликвидация театра Мейерхольда — заключительный акт изгнания из Советской России нереалистического искусства», — этими словами открывалась его статья. Он добавлял: «Мейерхольд был, пожалуй, первым, кто в своих постановках претворял в жизнь лозунг возвращения к реализму», — объясняя при этом, что мейерхольдовский реализм никоим образом не находился в рамках академического, классического истолкования. Радульский пишет о конфликте театра героического, трагического, массового с современным советским театром мелких житейских дел серых обывателей и о проистекающих отсюда выводах, соответствующих государственной идеологии. Он пишет также, что если советский театр показывает прошлое, то исключительно «в виде псевдонародных поделок анекдотического характера под красно-патриотическим соусом, ради ободрения духа и пробуждения советско-национального шовинизма». Следовательно, нет никаких сомнений в том, что:

«На фоне этих [указанных выше] требований мейерхольдовские постановки выглядели чуждо, даже враждебно. Мейерхольд ощущает зыбкую почву реализма в искусстве. (...) Его постановки тревожат. На его спектаклях злободневные вопросы утрачивают вес, «здоровый» оптимизм выглядит подозрительным, официальные истины не выглядят столь уж бесспорными. (...) Сквозь наглядный «здоровый» реализм начинает проступать вечность, трагизм человека-личности, критическое отношение к преходящему».

И далее:

«Для настоящего времени Мейерхольд становится вредителем, вырывающимся из-под общевоспитательных тенденций СССР. Единообразный социально-идейный лагерь, которому должно

служить искусство, с этим не может смириться. Мейерхольд (...) должен подвергнуться ликвидации»^[57].

Когда Радульский пишет о Мейерхольде, он не только солидаризируется с ним как человеком и художником, но становится на сторону того театра, который представлен этим художником, — театра трагического, затрагивающего вечные вопросы, не соглашающегося на служебную роль по отношению к каким угодно сиюминутным задачам. Радульскому была близка левизна Мейерхольда. Однако левизна означает для Радульского прежде всего отбрасывание мещанского искусства и вместе с тем увлеченность всем, что в искусстве революционно и авангардно: выходом за пределы традиционной коробки сцены, ликвидацией занавеса, конструктивизмом в сценографии, применением в театре приемов киномонтажа и т.п. Его интересовал театр, обращающийся к коллективным мифам и архетипам, но не намеренный воспитывать зрителя во имя какой-то конкретной политической или национальной идеи, даже если он ставил польскую романтическую драму.

Радульскому было близко понимание театра как искусства, высказывающегося собственными средствами, а не через один только авторский текст. Мейерхольд был для него ключевой фигурой современного театра, так как своим творчеством доказал, что театр — это прежде всего продукт мысли и воображения постановщика:

«Постановщик (...) должен обладать собственным отношением к произведению, найти в его словах собственную правду, должен уметь показать эту правду зрителям и завоевать их на ее сторону. Вот сегодня роль постановщика — того человека, который волей судьбы вознесен на должность не только руководящую, но и решающую, что такое сегодняшний театр»^[58].

В глазах Радульского Мейерхольд олицетворял силу и величие современного театра, облик которого формирует постановщик — словно демиург и вместе с тем организатор усилий всей труппы: «Постановщик — это творец, господствующий в театре, организующий и объединяющий отдельные индивидуальные усилия (...)»^[59].

Следовательно, Мейерхольд для Радульского — это прежде всего создатель современного постановочного театра, вдохновляющий размахом и смелостью в сфере интерпретации текста, формирования театрального пространства и, наконец,

создания основ нового, освобожденного от психологизации актерства.

Всё вышесказанное показывает, что восприятие Мейерхольда в Польше в 1923–1939 гг. было явлением живым и плодотворным. Необходимо, однако, подчеркнуть, что знания упомянутых здесь польских артистов и критиков о Мейерхольде не были знаниями ученых, детально ориентирующихся во всех аспектах советской театральной теории и практики. Мейерхольда они воспринимали через призму собственных интересов, собственного представления о театре, сформированного в другом культурном контексте. Поэтому не следует изумляться тому, что в межвоенной Польше большинство художников не особо отличало Мейерхольда от Таирова или Вахтангова, соединяя их под одной вывеской антипсихологического театра, причем имя Мейерхольда почти всегда стояло на первом месте, так как он функционировал как символ театрального авангарда.

Примечания

1. Оттуда он отправил письмо Вере Комиссаржевской, датированное 31.03.1907.
2. Rozstański B. Petersburg w grudniu // Scena i Sztuka. 4.01.1908, s.15–16.
3. См. Taborski R. Walka o nowy repertuar w teatrach młodopolskiej Warszawy. Warszawa: Semper, 1999, s.122.
4. Хожица перевел следующую статью: Guilbeaux H. Der «Cocu magnifique» der Regisseur Meyerhold und die neue Dramaturgie in der RSFSR // Das Literarische Echo (Berlin). 1922. №24 — см. Horzyca W. Z praktyki inscenizacyjnej. «Rogacz wspaniały» — sztuka Crommelyncka w teatrze Meyerholda // Scena Polska. 1923. Z.1–3, s.14–15.
5. Весь номер, посвященный советскому искусству, был подготовлен в тесном сотрудничестве с советскими авторами; в частности, в нем напечатаны статьи Луначарского, Андрея Белого, Алексея Толстого, Всеволода Иванова, Александра Таирова, Анатолия Глебова («Пятнадцать лет советского театра»), Сергея Динамова («О современной советской драматургии»); все тексты были написаны специально для польского еженедельника. Есть смысл добавить, что в соответствии с договоренностью между польской и советской сторонами в СССР должен был выйти номер «Литературной газеты», целиком

посвященный польской литературе и искусству. Советская сторона не выполнила своих обещаний.

6. В «Вядомостях литерацких» были, в частности, опубликованы материалы о «Мистерии-буфф» (Majakowski i Meyerhold // WL. 1929. №26) и о «Даме с камелиями» (Dama kameliowa u Meyerholda // WL. 1934. №3).
7. Teatr i kino w Rosji Sowieckiej // WL. 1926. №18; Rewizor u Meyerholda // WL. 1927. №7; W obronie Meyerholda // WL. 1928. №4.
8. Tonecki Z. Teatr Meyerholda // WL. 13.03.1932, s.1.
9. Оригинал этого текста был первоначально опубликован в газете «Советское искусство» за 20.12.1933 — как отчет о встрече Мейерхольда 12.12.1933 с руководителями любительских коллективов, который подготовил к печати А.Февральский; стенографическая запись: Идеология и технология в театре // Мейерхольд В. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968. Т.2, с.268–283.
10. Информация об издании книги Йозефа Грегора и Рене Фюллопа-Миллера появилась в виде неподписанной заметки в варшавском еженедельнике: Ze sceny rosyjskiej // Wiek XX. 6.05.1928, s.4–5.
11. Brzękowski J. Kilka chwil z Meyerholdem // Kurier Literacko-Naukowy. 29.09.1930 (приложение к газете «Иллюстрированный курьер цодзенный»).
12. Dąbrowski B. Rozmowa z Meyerholdem // Scena Lwowska. 1934/35. Z.3, s.45–48.
13. Там же, с.45–46; фрагменты этого текста вошли в другие публикации, напечатанные Домбровским в различных журналах, а также в его изданную в 1977 г. книгу — см. прим.16.
14. Dąbrowski B. Stanisławski, Meyerhold, Tairow, Wachtangow. Wrażenia z Festiwalu Teatralnego w Moskwie // Gazeta Artystów. 1935. №9. В «Газете артистув» от 13.10.1934 появилась также его статья «Биомеханика Мейерхольда», значительную часть которой занимает описание «Ревизора», представляющее собой почти целиком повторение аналогичного описания из «Львовской сцены».
15. Sto lat «Rewizora» w Rosji // Nowe Czasy (Lwów). 15.11.1935, s. 4.
16. Dąbrowski B. Na deskach świat oznaczających. 1. Wędrówka wśród kulis. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977, s.112–113. Есть смысл упомянуть, что в послевоенный период, но до выхода этой книги он вернулся к своему пребыванию в Москве в статье: Dwa spotkania // Teatr. 1–15.11.1953, s.5–6.

17. Dąbrowski B. Rozmowa z Meyerholdem, цит. соч., с.48.
18. Dąbrowski B. Prawdziwe oblicze teatru sowieckiego. Obrazki z Festiwalu w Moskwie // Chwila. 27.09.1934, s.3.
19. Репортажи Домбровского из Москвы появились в номерах газеты «Хвиля» от 27.09.1934, 28.09.1934, 29.09.1934, 1.10.1934, 2.10.1934 (Meyerholdowska «biomechanika» i rewolucyjny «Rewizor»), 3.10.1934 (Martwe panopticum carskiej Rosji w rewolucyjnym «Rewizorze» Meyerholda), 4.10.1934 (Mezaljans Meyerholda i — spotkanie ze Stanisławskim), 5.10.1934, 6.10.1934 и 8.10.1934.
20. Зыгмунт Новаковский отнесся к своему пребыванию на театральном фестивале как к удобному случаю для знакомства с Москвой в более широком контексте, чем только театальный, и после возвращения издал свой репортаж: *W pogoni za formą*. Lwów, 1934. Книга иногда носит критический характер при описании проявлений повседневной жизни, но в целом полна энтузиазма при изложении событий театральной жизни, за исключением театра Мейерхольда, спектакль которого «Лес» произвел на автора наихудшее возможное впечатление — как «цирковое шутовство». Новаковский признавался, что остался глухим и нечувствительным к мейерхольдовской биомеханике или к конструктивистским декорациям, — см. с.107–110. Это была, пожалуй, единственная столь прямо критическая оценка достижений Мейерхольда в польской театральной публицистике того периода.
21. Сообщения Шлетьинского были напечатаны в номерах «Глоса поранного» от 5.10.1934, 6.10.1934, 7.10.1934, 11.10.1934 и 14.10.1934.
22. Tragedia Gogola... «Rewizor». Wrażenia łódzkiego reżysera z teatrów moskiewskich // *Głos Poranny*. 11.10.1934, s.6.
23. Szletyński H. Wątpła treść w przepięknej formie. Wrażenia reżysera łódzkiego z teatrów moskiewskich // *Głos Poranny*. 14.10.1934, s.6.
24. Там же.
25. Brandt M. Mejerhold i Tairow // *Nasz Przegląd*. 1.12.1935, s.21
26. Heller T. Likwidacja Meyerholda // *Nasz Przegląd*. 23.01.1938, s.14.
27. Там же.
28. Там же.
29. Schwam H. «Rewizor» Gogola w inscenizacji Meyerholda // *Nasz Przegląd*. 12.04.1930, s.8.
30. Meyerhold A.[sic!]. Teatr w Rosji // *Nasz Przegląd*. 29.11.1931, s.12.

31. Короткий разговор с Иреной Бырской по поводу ее визита в Москву в 1936 г. я записала 10 апреля 1994 г. в Сколимо́ве. Моя собеседница так и не авторизовала приводимые здесь высказывания. Мне не удалось установить, действительно ли в 1936 г. в Москву поехали только три человека.
32. Выдающийся актер Стефан Ярач действительно собирался в 1936 г. на фестиваль в Москву, но отказался, по словам Эдварда Красинского, по совершенно другой причине: «В 1996 г. [Ярач] живо откликнулся на арест Радека и, будучи официально приглашенным в Советский Союз на театральный фестиваль, отказался от поездки». Добавим, что с Карлом Радеком польского актера связывали узы давней дружбы, начало которой было положено еще в молодости. См. Krasinśki E. Stefan Jaracz. Warszawa: PIW, 1983, s.427.
33. Byrski T. U Meyerholda w Moskwie // Środy Literackie (Wilno). 1936. №5, s.7-10.
34. Там же, с.7-8.
35. Там же, с.10.
36. Miłosz Cz. O Tadeuszu i Irenie Byrskich // Teatr Byrskich. Kielce, 1992, s.6.
37. Byrski T., цит. соч., с.10.
38. Dąbrowski B. Rozmowa z Meyerholdem, цит. соч., с 46.
39. Wandurski W. Ewolucja twórczości Meyerholda // Życie Teatru. 1925. №№38-39, 40, 41, 42, 43.
40. Зноско-Боровский Е. Русский театр начала XX века. Прага: Пламя, 1925.
41. Wandurski W. цит. соч., №43, s.337.
42. Сведения о жизни и деятельности Вандурского я почерпнула из монографии: Karwacka Helena. Witold Wandurski. Łódź, 1968. См также: Wodnarowie E. i M. Polskie sceny robotnicze. 1918-1939. Warszawa, 1974, s.180-224.
43. См. там же, с.49.
44. Fiewralski A. Majakowski, Wandurski, Jasieński // Dialog. 1962. №9.
45. Teatr Ludowy. 1921. №2, s.8; приводится по: Karwacka H., цит. соч., s.83.
46. О связи между конструктивизмом и биомеханикой в сценической практике Мейерхольда Вандурский высказался также в полемической статье: Wandurski W. Nieistotne argumenty // Życie Teatru. 1924. №31-35.
47. См. Karwacka H., цит. соч., с.143.

48. Там же, с.175.
49. См. Osiński Z. Wacław Radulski (1904–1983) // Pamiętnik Teatralny. 1984. Z.1–2 (129–130), s.16.
50. Красовский Ю. М. Октябрь и проблемы театральной педагогики. (Анализ методических разработок Курмасцепа и ШАМа) // Из истории сценической педагогики Ленинграда (ЛГИТМиК). Сб. статей и материалов. Л.: ЛГИТМиК, 1991, с.31 (вся статья: с.11–32).
51. Radulski W. Schiller — reżyser // Ostatni romantyk sceny polskiej. Wspomnienia o Leonie Schillerze. Portrety wielokrotne. [Ред.] J.Timoszewicz. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1990, s.172; первая публикация воспоминаний В.Радульского // Wiadomości (Londyn). 1955. №44.
52. «Должен отметить, что в памяти у меня были свежи те представления, которые режиссировали Мейерхольд, Вахтангов, Таиров, Радлов (...)» (цит. соч., с.171).
53. В «Новом Дон Кихоте» Фредро, поставленном в варшавском театре «Редута» методом коллективной режиссуры под руководством Шиллера, Радульский критиковал стилизацию как «форму, давно уже заброшенную в современном театре» (см. Osiński Z., цит. соч., с.18), наверняка принимая за точку отсчета русский театр, поскольку другого он не знал.
54. См. кратко на эту тему: Осинская К. Театральная «Картотека». Путеводитель по польской сцене XX века // Театр (Москва). 2011. №5, с.8–41.
55. Письмо З.Осинскому от 6.04.1963. См. Radulski W. Quasi-pamiętnik ułożony z listów (1) // Dialog. 1979. №2, s.130.
56. Этот текст был опубликован 30 января 1938 г. в варшавском еженедельнике «Пьён» («Вертикаль») и в тот же самый день — в газете «Курьер виленский».
57. Radulski W. Teatr Meyerholda zamknięty // Kurier Wileński. 30.01.1938, s.6.
58. Radulski W. Dialog o inscenizatorze // Życie Teatru. 1.12.1926, s.310.
59. Там же.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ПРОЧИЕ ЦВЕТОЧКИ

От редакции: Автор этих записок не был писателем, хотя и оставил после себя несколько книг. Фелициан Славой Складковский (1885–1962) получил медицинское образование и служил врачом в легионах Пилсудского. Он принадлежал к числу самых верных людей Пилсудского, прямо поклонялся ему, о чем свидетельствует его книга «Обрывки рапортов» (1936). И был готов безоговорочно выполнить любой его приказ. После майского переворота (1926) он трижды был министром внутренних дел, а в 1936–1939 гг. — главой правительства. Во время войны был интернирован в Румынии. Выразил готовность присоединиться к создаваемой во Франции польской армии, но генерал Владислав Сикорский (антипилсудчик) решительно отверг его просьбу. С 1947 г. Славой Складковский жил в Лондоне, где и умер. Печатаемые ниже отрывки взяты из книги, опубликованной там в 1959 году.

Славой Складковский был, несомненно, фигурой спорной. Некоторые из его идей, например, о принудительной установке в деревенских дворах клозетов, называющихся с тех пор «славойками», не прибавляли ему достоинства. Что его, впрочем, нисколько не волновало. Нет сомнения, что на нем лежит ответственность за разнообразные проявления административного и полицейского произвола в 1930-х. Однако по прошествии лет в нем можно оценить хорошего писателя-реалиста.

Может быть, это немало.

В погожий майский вечер я вместе со старостой Цехановского повета возвращался с объезда деревенских гмин. Полдня мы ездили по ухабистым, усеянными камнями проселочным дорогам, да так, что, когда наконец возле Гродзиска выбрались на шоссе, автомобиль начал барахлить, а свет при сотрясениях машины то гас, то снова загорался. Наконец, когда на повороте шоссе круто пошло в гору, фары вдруг совсем потухли, а мотор заглох. Надо было починить порвавшуюся где-то электропроводку, а это требовало не меньше получаса времени. Пока шофер, светя ручным фонариком, изучал тайны мотора, мы со старостой вышли на шоссе и лишь теперь, в темноте и тишине, заметили, какой красивый вечер. Совсем рядом с шоссе чернели деревья и кусты большого сада, пахла сирень, «драли глотки» соловьи, а из-за стоявшего на откосе

сооружения, которое при ближайшем рассмотрении оказалось славойкой, вылезала луна. Мы решили — впрочем, при слабой поддержке со стороны старосты — осмотреть эту «техническую» постройку, сиявшую в лунном свете белизной своих свежепоставленных стен.

Узким проходом, по мосткам, под свисающими ветвями плодовых деревьев мы добрались до большой белой хаты под адский лай, к счастью, пока еще привязанной дворняги. В ярко освещенное окно были видны пишущие за столом дети. В полосе света из внезапно открывшейся двери появился высокий, плотный мужчина, громко крикнув:

— А кто там ходит?!

Староста подошел к хозяину, и после нескольких минут приглушенного разговора до меня донеслось:

— С самое Варсявы ехол поглядеть на мой сортир.

После чего снова зашуршал любовный шепоток старосты.

После долгих переговоров хозяин вошел в хату, откуда вскоре вернулся с кухонной лампой и, поздоровавшись со мной, повел нас болотистой тропинкой к славойке. Перед дверями он отдал подержать лампу старосте, а сам вынул из кармана пиджака долото с молотком и начал поддевать большой гвоздь, которым была заколочена дверь. Когда мы выразили наше удивление по этому поводу, хозяин, открывая дверь, спокойно сказал:

— Детишкам в школе башку задурили, не хотят ходить за сарай, с... в сортире. А тут должно быть чисто — для комисьи. Так я и забил гвоздем, и таперя мне спокойно.

Мы вошли внутрь, домохозяин освещал помещение, держа лампу высоко над головой. Было чисто и укромно. На стенке даже висели на гвозде листочки бумаги, нарезанные из какой-то газеты. Хозяин показал рукой вверх и сказал: «Толем крыто!» — с такой гордостью в голосе, с какой экскурсовод обращает внимание посетителей на стрельчатые арки готического зала. Потом наполовину в шутку, наполовину всерьез спросил у меня:

— А вам часом не надо?

Я поблагодарил за приглашение, и мы вышли в темную ночь. Хозяин снова отдал лампу старосте и вытащил из кармана гвоздь, чтобы забить им дверь славойки. В ответ на протест старосты он сдержал свой запал, бормоча под нос:

— А то энти нас...ут в середку!,

Когда мы возвращались к шоссе, во тьме вдруг блеснули фары отремонтированного автомобиля, сразу уничтожая всё обаяние вечера. Умолкли спугнутые соловьи, свет луны потускнел, бензиновое зловоние от запущенного мотора заглушило упоительный запах сирени.

Расстались мы довольно сухо, при явно проявляемом безразличии домовладельца к подчеркнутым мною достоинствам его славы. Не договорились! Он был против новых распоряжений — и всё тут.

Когда шофер собрал инструменты и мы садились в автомобиль, на откосе сверкнул свет той же самой лампы, и сквозь шум запущенного мотора до нас донеслись удары молотка, снова заколачивающего гвоздем дверь славы.

*

Я прибыл в гарнизонный костел на похороны генерала Даниэля Конажевского. Перед костелом за развернутым батальоном пехоты со знаменем адели околыши фуражек сидящих на серогнедых лошадях уланов, а дальше дремали на лафетах выровненные в ряд легкие орудия дивизиона конной артиллерии. Генерал Венява с широкой траурной лентой через плечо, гарцевал перед рядами всадников, командуя похоронной процессией, а я шел в обществе начальника департамента Ставицкого в костел, где полевой епископ Гавлина уже служил заупокойную панихиду вместе с приходским священником Михальским.

Когда товарищи почившего выносили гроб и я уже снова оказался на площади перед костелом, толпа людей ринулась по направлению к лафету, на котором должны были везти тело, меня толкнули, и я почувствовал на спине какие-то нескоординированные прикосновения. Однако в ту пору я еще принадлежал к числу людей, доверяющих своей сообразительности и наблюдательности; кроме того, я был в пальто и потому даже на мгновение не подумал о карманниках. Вместе с похоронной процессией я прошел до Театральной площади, после чего за неимением времени был вынужден возвращаться к работе в министерство внутренних дел.

Сядь за письменный стол, я вдруг почувствовал себя каким-то слишком легким. Притрагиваюсь к многожды битой... отнюдь не щеке — бумажника нет, и задний карман

отстегнут! Ищу под креслом и письменным столом — нет как нет.

Ставицкий, которому я пожаловался, посмотрел на меня с укоризной старшего брата, словно хотел сказать: «Снова ты что-то напортачил!» Вместе мы вывернули все карманы мундира и пальто, как если бы я спускался в угольную шахту или шел на завод по производству боеприпасов.

— Обокрали вас не в костеле, потому что там я стоял рядом, а в той толчее перед костелом, когда вы, господин генерал, вдруг свернули в сторону и отошли от меня, — с упреком подытожил Ставицкий.

Итак, я обворован! Красивый номер — министра внутренних дел обокрали в самом сердце Варшавы на глазах комиссара правительства, а также полиции в форме и в штатском! Кругом начинается замешательство, и нормальная работа министерства резко нарушается. Из начальства я вдруг становлюсь потерпевшим! Появляются начальники отделов безопасности МВД и комиссариата правительства и подробно, по существу, профессионально и со знанием дела опрашивают, глядя на меня словно с укором, что я натворил им такого стыда. Я избавляюсь от них так быстро, как только могу, и возвращаюсь к своей работе. Бумажника мне жаль: в нем лежали фотографии и удостоверения. Больших денег там не было, но всё равно убыток. Ну и стыд — очевидный, ясный и прямой, как свечка. Как такой министр может обеспечить безопасность, если сам не в состоянии уберечься от воров?!

Печальное известие быстро просочилось во всеведущую прессу. Журналисты появились у Ставицкого и в отделе безопасности, где произошло по сей день непонятное мне чудо. Невзирая на достаточную разницу политических ориентаций, журналисты в согласии с моими чиновниками решили, что оппозиция оппозицией, критика критикой, но так осрамить польского министра они не могут и постановляют (ниспошли им жить вечно!) ни о чем не писать. И действительно писать не стали. А какой отличный случай — и упущенный добровольно!

*

— Шелкóвое, лиловое! Настоящие парижские эластичные подтяжки! Столько деньжищ, купчиха, за такие маленькие яйца?! У моего старика и то побольше! Три пары за одну злотувку! Pigeon, господин хороший! Просто циркач, а не голубь! Как начнет кувыркаться, все голуби полетят за ним! В голубятнях у соседей только кучки г...а останутся! Ты что,

шутить изволишь, холера побери, господин хороший?! На цвет, на просвет!! Что вы себе думаете? Последние три штуки по дешевке! Ниже затрат, чтоб мне такое здоровье!..

Что это, не сошел ли Славой с ума, или, может, у пана наборщика (обычно такого ловкого) литеры рассыпались после возвращения из паба?! Нет, эти бурные, страстные, многоголосые, разнополые, охрипшие выкрики, от зари до зари бьющие в небо и тучи соседних кладбищ, — они с самой оживленной и самой шумной в мире и в Варшаве площади Керцели, повсеместно называемой Керцеляком.

Парижский Marché aux Puces и лондонский Portobello вместе взятые — жалкий щенок и дутая имитация рядом с одним-единственным Керцеляком! В давке, гомоне и замешательстве Керцеляка можно продать и купить всё на свете, и свое, и краденое. Здесь рядом с продавцами и покупателями ходят толпы зевак, воришек и скрывающихся от полиции головорезов и налетчиков. На площади, в толпе, за ними не гоняются: это грозило бы кровавыми беспорядками в таком огромном сборище, обильно приправленном преступным элементом. А какой же разумной, опытной администрации хочется заполучить кровавые волнения? Поэтому преступников при необходимости забирают поодиночке, когда вечером они уходят с этой площади в свои малины либо в близлежащую ночлежку брата Альберта. Полицейские в форме на Керцеляке для безопасности ходят по двое, хотя на самой площади на них не нападают — на основании всё той же тихой неписанной взаимности. Впрочем, спокойствие, порядок и безопасность лотков и торговцев Керцеляка реально держатся на незаметных «мальчишках» папы Тасемки^[1]. В революционном 1905 году он не самым худшим образом показал себя в борьбе за свободу народа, но потом малость «пал», причем довольно-таки низко, однако после того, как уже «при Польше» отсидел несколько лет тюрьмы за кражи и драки, остепенился и живет будто бы на скромные «дары» и «подношения» перекупщиков с Керцеляка, давая им за это защиту от нападений жулья и головорезов. В сугубо феодальном устройстве преступного мира Варшавы папа Тасемка со своей штаб-квартирой на Керцеляке занимает ведущее место. И, хотя ему уже под пятьдесят, хотя он сед и краснонос, он еще умеет одним ударом — ребром ладони в челюсть — свалить человека на землю. В последнее время подобные дела улаживают вместо него «хлопцы» — несколько их незаметно дежурят на Керцеляке для поддержания «спокойствия и порядка»!

Когда энергичное следствие по делу о моем украденном бумажнике в течение двух длинных, компрометирующих дней не продвинулось вперед ни на шаг, в следственный отдел правительства был вызван, как последняя надежда на спасение, сам папа Тасемка. И там он по ходу разговора произнес приблизительно следующие слова:

— Ваш слуга покорный, господин комиссар. Да ничего страшного, для нашей польской власти у меня всегда есть время... Слыхал, слыхал, такое несчастье, кто ж не слыхал, вся Варшава аж трясется. У польского министра бумажник увести, да перед самым костелом. Разве ж ради этого мы в царских жандармов стреляли, чтоб теперь какой-то подонок, глупый фраер грабил власть в нашей столице?.. Заверяю вас, господин комиссар, что это никто из наших, из профессионалов. Кто ж бы был таким глупым, чтоб ради ничтожных денег всех на себя натравить?! Знаю, что вам очень неприятно, а мне разве приятно получать к вам сюда приглашение?! Еще стукача из человека сделают и честного гражданина шпиком объявят... Вы, господин комиссар, говорите, что речь идет, главное дело, о бумажнике с фотографиями и документами, а деньги небольшие, они могут остаться у того, кто нашел. Ладно, тогда уже легче будет такому дурню объяснить, чтобы вернул... Ладно, постараюсь ради блага и нашего, и власти... Попробую его образумить, хотя это наверняка не варшавянин, а какой-нибудь фраер из провинции, который не знал, кого обижает и что его за это ждет, если попадется; сумасшедший, наверно!... Ничего мне, господин комиссар, за труды не причитается, и никаких расходов я не понес и не понесу. Всегда готов бескорыстно помочь власти, а уж по такому делу! Боже мой, мы же в первый раз такую штуку переживаем, да еще и с министром от полиции... Одно маленькое условие, господин комиссар. Снимите с меня, пожалуйста, вашего хвоста. Ежели я должен найти этот бумажник, мне надо передвигаться свободно. А тут из-за этого несчастья шпики человеку даже выс...ться спокойно не дают... Да, понимаю, срочно, постараюсь чем побыстрее... Мое вам почтение, уже иду делать, что только можно.

На следующий день почтальон принес в министерство извлеченный из почтового ящика бумажник с фотографиями и документами, но на месте денег в нем лежал только смятый листок бумаги, на котором твердым карандашом было печатными буквами нацарапано: «пан минисцер нада лутше берецца от воров».

Парафировав листок, я передал его для исполнения начальнику отдела безопасности — «по принадлежности».

*

Мы едва успели до захода солнца осмотреть весь комплекс новостроек. Резко прозвонил звонок конца работы, строители собирали инструменты и расходились по баракам да окрестным деревушкам, когда из дверей неоконченного здания будущей дирекции металлургического завода до меня донесся хриплый голос:

— Это что, комиссия из Варшавы?!

Оглянувшись, я увидел молодого человека, худого и почернелого, как призрак, державшегося руками за косяки будущей двери. Волосы у него были взъерошены, глаза невероятно блестели. Одет он был только в толстую домотканую рубаху, выпущенную на брюки и перепоясанную ремнем. Рядом разгорался небольшой костер из обрезков досок, а на песке лежал большой черный тулуп. Когда я подошел поближе и остановился, он помахал мне рукой, говоря:

— Для кого вы всё это строите?! Я смотрю здесь и надивиться не могу, что Польша вдруг может себе позволить такие вещи. Да, вы тут даете работу широким массам, время от времени крутите кино. Видать, вы где-то выучились, как и меня учили в Тарнове, что народу надо давать «*panem et circenses*». И все, кто тут вокруг работает на вас, довольны, они теперь на вашей стороне и вам кланяются.

— А какая у вас здесь работа? — прервал я.

— Сторожу.

— Если вы человек с образованием, то могли бы работать в конторе, там, возможно, было бы легче для вашего здоровья, — добавил я.

— О, господин золотой, вы меня должностью не заманите, не мне такую болтовню слушать! Я и так скажу вам всё, что думаю и что из этого получится. Потому что после захода солнца эти массы трудового народа расходятся по домам. Здесь никого не остается, только я один. Ни человеческого голоса, ближайшая деревня — в двух с лишним километрах. Тишина настает такая, что слышно, как стены сохнут. Я это знаю, потому как глаз всю ночь не сомкну. Надо мною звезды, а во мне — моя страшная хворь с холодным потом и ознобом, который бьет меня под утро, хоть я сижу в этом тулупе. Тогда мне кажется,

будто на эту стройку смотрит Гитлер, и в самых темных углах я вижу его сверкающие глаза. Я тоже смотрю на него и не боюсь, потому что караюлю эти новые стены, возведенные кровавым крестьянским трудом, и не сплю. Этому моему надзору быть уже недолго, но до самого моего конца, который близится. Но вы-то, господа, в Варшаве — тоже не спите ночью и охраняете эту Польшу?! А то ведь тот, кто не спал ночами и охранял Польшу, уже отошел, я его уже не чую. А потому нет мне покою, потому что думаю, что вы это всё для Гитлера строите и не видите его глаз так, как я их вижу. Так как же это, господа из Варшавы?! Не бойтесь говорить правду, как я не боюсь говорить ее вам!

Здесь он прервался и, тяжело дыша, вглядывался в меня своими запавшими, лихорадочно горящими, покрасневшими глазами.

Я ответил, что мы осознаём опасность со стороны Гитлера, бдительно наблюдаем за серьезностью положения, а ЦПО [Центральный промышленный округ], хотя он и дорого обходится, строить необходимо, так как за границей оружие нам продавать не хотят.

Не успел я закончить, как больной вдруг зашелся страшным сухим кашлем чахоточника, выкрикивая:

— Ступайте уже, нам с вами не договориться, да я и говорить-то уже не могу!

Я огляделся. Мы с ним остались одни. Рабочие разошлись. Опускались густые сумерки. Стало холодно, и больной потянулся за своим тулупом. Со стороны Лежайска вставала полная луна.

*

Труднее всего шла борьба с закоренелым обычаем ставить триумфальные арки. Видимо, возводить их повелевал инстинкт самосохранения местных властей и хорошие результаты от общения с сановниками. Несмотря на четкий запрет применительно к моей скромной особе, направленный воеводам и старостам в письменном виде, отдельные бургомистры и войты всё равно продолжали ставить триумфальные арки другим министрами, чего я, будучи министром внутренних дел, запретить им не мог. Особенно это относится к консервативным министрам сельского хозяйства: располагая пособиями, они любили «патриархальное»

отношение к населению — с помощью, предоставляемой на месте, благодарностями и триумфальными арками.

Эти расхождения в приеме министров позволили мне узнать, что, к сожалению, в действительности думает население о триумфальных арках.

Поздним и ветреным зимним вечером я ехал на ночь из Ковеля в близлежащий город. Мы уже миновали Мацеев, но при медленной езде по скользкой дороге темный лес всё тянулся и тянулся. Наконец деревья начали расступаться, а из-за кустарника и стволов сосен приглашающе замигали отдельные огоньки. Еще минута — и на выезде из леса целая вереница далеких огоньков в домах, тянувшаяся вплоть до железнодорожной водонапорной башни, возвещала сладостную надежду на ужин и отдых.

Вдруг на повороте дороги я увидел в свете автомобильных фар нескольких человек, которые работали около установленной триумфальной арки. Заинтересовавшись, я остановил машину, вышел и спросил одного из них, копавшего землю рядом с елью, что они здесь делают в поле в такую позднюю пору.

— Что мы делаем?! — рассерженно воскликнул тот, опираясь на лопату. — Не спим — из-за каких-то там из Варшавы.

— Как это?! — спросил я, признаюсь, довольно неприятно удивленный.

— Да вот ведь, пусть бы они там в этой Варшаве хотя бы договорились между собой, чего им хочется! Сегодня утром приезжал в нашу деревню министр по сельскому хозяйству. И мы всю прошлую ночь ставили ему арку из этих стволов и не спали. А завтра утром должен приехать какой-то другой, да такой, что не желает, чтоб ему арку ставили, и староста велел немедля арку разобрать, чтобы тот ее не увидал, потому как, говорят, страшно кричит. Так мы опять на них неизвестно зачем работаем и не спим уже вторую ночь! Холера их побери — каждого и всех вместе! — закончил он компромиссно, со злостью выдергивая из земли триумфальную хвоину.

В этих условиях я решил не затевать принципиальную дискуссию с таким красноречивым представителем населения, которому приезд министров «оказал честь и доставил радость». Вежливо попрощался с моим жизнерадостным собеседником и предусмотрительно не выдав, кто я такой, поехал в город.

*

У кого хорошая машина, тот сразу за Ломянками сворачивает с главного шоссе на запад, к обширной и мало известной варшавянам Кампиносской пуще, которую разнообразят высокие, покрытые рошицами песчаные дюны и зеленеющие болотистые торфяники. А еще в Ломянках, на большой незамощенной площади, — несколько приличных постоянных дворов, где ежедневно под утро и под вечер устраивают привал и пасут лошадей многочисленные вместительные пароконные повозки «грядочников», которые возят в Варшаву овощи, молочные продукты и кабанчиков. Однако дальше, в направлении деревни Казунь, дома богатых пригородных огородников стоят совершенно покинутыми, несмотря на расположенные возле них дорогие, поблескивающие на солнце большие теплицы, и нет у них даже изгородей со стороны оживленного, запыленного шоссе. По этому вопросу у меня состоялся следующий дружелюбный телефонный разговор:

Я: «Господин староста, когда же вы наконец приведете в порядок участки подваршавских огородников к северу от Белян?»

Варшавский староста: «Господин министр, я не в состоянии навести порядок в поселках в окрестностях Казуни, так как их богатые владельцы смеются над налагаемыми штрафами, считая, что это их не разорит, а обойдется дешевле, чем привести в порядок дома вместе с участками. Такой грядочник говорит полицейскому: «Ты начальствуешь над шоссе перед моим домом. А здесь я сам себе хозяин и либо приведу свой дом в порядок, либо заплачу штраф, а это я еще могу себе позволить. До свиданья, господин начальство!» И что же мне с таким поделать, господин министр?»

Понадобилось употребить другие средства ради чистоты и улучшения внешнего вида пригородов Варшавы, куда ездят ее жители. Прежде всего мне удалось выпросить у министра Ульриха прокладку ровного шоссе до Казуни. При этом помогло военное значение дороги между Модлином и Варшавой.

Когда грядочники начали возить свои продукты не медленно, как раньше, по замусоренной, ухабистой, пыльной дороге, а рысью по гладкому, мощеному камнем шоссе, им уже не надо было останавливаться на привал в гостеприимных Ломянках. Однако несмотря на все эти удобства, предоставленные им властями, они по-прежнему оставались непримиримыми в вопросе о наведении и поддержании порядка вокруг свои богатых, обширных владений.

Наконец нам с варшавским старостой пришла в голову мысль для примера привести один из домов в порядок за счет правительства. Мол, этот дом будет мозолить грядочникам глаза своей чистотой и внешним обликом!

С целью вызвать как можно больший психологический эффект мы выбрали деревянную избушку какого-то полуннищего сапожника, чинившего обувь. Его крытый соломой домишко стоял в стороне от дороги, ведущей из Варшавы в Казунь, близ соснового перелеска, раскинувшегося неподалеку от берегов Вислы. Домик этот хорошо просматривался с каменного шоссе прямо перед поворотом на Кампиносскую пущу.

После тянувшихся целую неделю конфиденциальных тягостных переговоров староста оповестил меня, что удалось склонить бедного сапожника согласиться на то, чтобы ему обновили и покрасили домик, обнесли палисадник и двор проволочной сеткой, высадили плодовые деревья и кусты и, наконец, соорудили калитку, ведущую во двор. Сам мастер был уступчив и доволен, но его мастерица выразила опасение, что за обновленный дом им повысят налоги, и лишь заверения старосты, что вместо старой прохудившейся соломенной кровли он даст им новую жестяную крышу, позволили получить от решительной сапожничихи согласие навести столь желаемый нами и утвержденный ею порядок.

Где-то после Пасхи староста сказал мне, что домик сапожника, уже полностью обновленный, возбуждает всеобщий интерес как у жителей Ломянков, так и у соседей из окрестностей Казуни и проезжих на шоссе. Ввиду этого и я решил осмотреть плоды своего замысла и в один погожий день пополудни вместе со старостой выбрался на усадьбу сапожника.

Дом был выкрашен по вкусу мастерицы голубым, крыша — розовым, а в окруженном зеленой сеткой садике уже цвели белым и розовым груши, сливы и яблони. Обновленный таким образом домик выглядел издали, словно детская игрушка, и бросался в глаза своим порядком и чистотой. Остановив машину на шоссе, мы шли к домику, радостно удивляясь случившейся с ним перемене, куда выше наших ожиданий! Грязный прежде двор был выровнен и подметен. Небольшой свинарник сохранил достойный естественный серый цвет, зато славойка предстала в биологически-традиционной светло-желтой окрасочке, напоминающей о беззаботных проделках детства. Из темных сенец мы вошли в залитую заходящим солнцем бедную горницу, где высокий, худой, бледный сапожник приколачивал к старому сапогу новую подметку. Рядом на полу сидел с жестяной ложкой в руке замурзанный

годовалый ребенок. Милая, полнотелая, румяная мастерица стояла в цветастом платье и голубом головном платке у кухонной плиты, видимо, готовя ужин. На мое «Благословен Господь...» она глянула на меня большими голубыми глазами и небрежно ответила: «Во веки...», — после чего громко и по-деловому спросила:

— А цевай-то?!

Когда в ответ я, опираясь на авторитет сопровождавшего меня старосты, вежливо спросил: «Мы пришли узнать, по душе ли вам с мужем наведенный возле дома порядок?» — мастерица уперлась руками в пышные бока, подчеркнутые мощными бедрами, и с явной целью выиграть время крикнула мужу:

— А дык перестань, лупишь да лупишь, видишь, господа пришли про порядки спрашивать, что понаделали, дак скажи, каково нам ща.

— Каково? Таково, каково и было, старая бяда как была, токо покрашена, — медленно сказал муж, держа в руке поднятый молоток и глядя на нас испытующе.

— Чаво мелешь, бяда ща еще хуже как была! — воскликнула сапожничиха, смело подходя к нам. — А всё через энти затурханные порядки. Прежде-то нам везде давали на мелок — и в магазине в Ломянках, и в кабаке напротив, потому как знали, что мы бядоки затурханные, а ща сразу хочут денег! Говорят: есть на штакетины и покраску, дак платье ща, потому как через вас и нам надобно порядки наводить. А вся эта бяда — она через ваше господское баловство и энту покраску. Все кругом глядят на нас как на паршивых овец. Хотела было купить какую ни на есть коровенку, молочка дитёнку надобно. И уже бы купила, потому как соседи соглашались выпасать ее по межам, а ща говорят: «Мастеруха во дворце живет, пуцай и корову в хлеву кормит, как барыня». Дитенок молочка жалуется, черный весь, как та святая земля, а откуда я ему молочка возьму, кады денег хочут, а денег нету. Такое вы нам, господа, устроили с энтими порядками и... — прокричала она, пряча лицо в руки и поднося фартук к глазам. — Говорила не соглашаться, но пан староста закрутил голову старику, что красиво будет, завидки всех брать будут — вот, видать, и берут завидки! И за что ж такая бяда аккурат на нас!» — кричала она, всхлипывая всё громче и громче.

(1876–1944) — в 1905 член Боевой организации Польской социалистической партии. После восстановления независимости стал гангстером высокого ранга, который заправлял значительной частью уголовного подполья Варшавы.

БЛАГОРОДНАЯ ИДЕАЛИСТКА И ПОДЛЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Биографии Веры Засулич и Сергея Дегаева, которым посвящена книга Ричарда Пайпса, читаются как сенсационный роман. Засулич, возмущенная телесным наказанием — поркой политзаключенного и полным отсутствием реакции властей на это событие, — выстрелила из револьвера в губернатора Петербурга Федора Трепова, тяжело его ранив. В соответствии с распространенным мнением, процесс над ней переродился в гражданский протест против злоупотреблений властью царскими чиновниками, а сама обвиняемая, несмотря на признание ею своей вины, была оправдана коллегией присяжных, что стало беспрецедентным в судебной истории. Второй герой книги Пайпса, Сергей Дегаев, — это циничный провокатор, полицейский осведомитель. Именно его деятельностью была уничтожена «Народная воля» — революционная организация, которая посредством террора в 1879–1884 гг. стремилась вынудить власть к уступкам в пользу расширения гражданских свобод в России. Отверженный товарищами и отслеживаемый полицейскими агентами, Дегаев под именем Александра Пеля в конце концов поселился в Северо-Американских Соединенных Штатах, где стал уважаемым и любимым студентами профессором математики. Сравнивая две эти фигуры, автор представил необычайно ценные наблюдения, касающиеся терроризма в целом. Он показал его эволюцию от благородных побуждений, которыми руководствовалась Засулич, до полного морального краха, постигшего Дегаева. Террор как средство достижения возвышенных целей оказался совершенно неэффективным — таково, по-моему, послание этой книги.

Имеет ли право человек, испытавший несправедливость, на осуществление индивидуальной мести? Следует ли отвечать злом на зло, хотя это противоречит духу Евангелия? Эти моральные проблемы всегда разделяли человечество и становились темами литературных произведений, например романа «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. Фигура героя, мстящего за зло в обход предназначенных для этого механизмов закона, — это постоянный элемент современной массовой культуры: как пример можно назвать фильм «Убить Билла». Ответ, который дала Вера Засулич, означал нарушение

табу, светской и религиозной традиции, а ее позицию можно считать символической для нынешних времен: «Когда нельзя противостоять низости, происходящей на наших глазах, желание мщения становится совершенно законным общественным чувством». Автор рисует психологический портрет Засулич. У нее было несчастливое, одинокое детство. Воспитанная гувернанткой, она не хотела согласиться на ожидавшую ее роль приживалки, на скитание по чужим домам, поэтому в среде революционеров искала общения и реализации своих мечтаний о великих делах. Эта книга значительно отличается от других трудов, посвященных Засулич, например Вольфганга Гироза или Джея Бергмана, у которых она представлена прежде всего на фоне русского революционного движения. Говорить о ней как о лице, осуществляющем политические цели, — вообще недоразумение, заявляет Пайпс. Она отрицала террор как инструмент борьбы и насмеялась над коммунистической утопией. И вообще не испытывала ненависти к самодержавию — ее возмущало лишь слишком частое нарушение прав человека в России. Она была ужасно огорчена, что ее покушение на Трепова и последующее оправдание судом послужили возникновению революционного движения, основанного на культе насилия. Пайпс очень интересно представляет ход процесса Засулич и его закулисы. Он подчеркивает, что, поручив вынесение приговора присяжным, а не специальной сенатской комиссии, власти России хотели доказать, что по-прежнему пользуются поддержкой общества. На суд, который состоялся 31 марта (по старому стилю) 1878 г., собрались сливки петербургского общества, например Достоевский, царские министры Горчаков и Милютин, а также иностранные журналисты. Когда обвиняемую оправдали, это вызвало настоящий шок в правящих кругах. Борцы за свободу сразу же расценили этот приговор как стимул для продолжения политики террора и годом позже создали «Народную волю», на что правительство ответило ужесточением репрессий. Мирная трансформация России в либеральное демократическое государство стала почти невозможной.

Сергей Дегаев был личностью бесцветной и заурядной, но был одержим манией величия, а в жизни руководствовался, прежде всего, стремлением удовлетворить собственные амбиции, — так характеризует его Ричард Пайпс. Автор полагает, что в «Народную волю» Дегаев вступил из карьерных соображений. Он болезненно пережил то, что не был допущен в узкое руководство организации. Фигура Дегаева неразрывно связана с Георгием Судейкиным, шефом тайной полиции. Пайпс пишет, что революционера-террориста и главного

жандарма империи соединяло нечто вроде дружбы. У Судейкина тоже была неудовлетворенная жажда величия. Чтобы уничтожить «Народную волю», которой власти панически боялись, он создал целую сеть агентов. У них была задача, распространяя дезинформацию, разрушить организацию изнутри, рассорить ее вождей. По отношению к арестованным Судейкин с успехом использовал методы шантажа. Не останавливался ни перед чем, стремясь к своей главной цели — вынудить их к сотрудничеству с полицией. Несомненно, методы Судейкина потом в полной мере приняли большевистские и советские службы безопасности, а их влияние заметно в том, как работает политика в сегодняшней России, где существует понятие «системной» оппозиции. Этот по-своему гениальный и способный человек, хотя и заботился о безопасности царя и всей империи, относился лишь к пятому классу по «Табели о рангах», что было главной причиной душевных терзаний Судейкина. Когда Дегаев попался в 1882 г. при попытке организовать тайную типографию в Одессе, Судейкин предложил ему договор. Дегаев должен помочь в уничтожении «Народной воли», а взамен тайная полиция поможет ему стать руководителем этой организации. Пайпс детально описывает деятельность тандема Дегаева и Судейкина. Революционер в конце концов обратился против своего работодателя. Он признался руководству организации, что он доносчик, и вызвался убить шефа тайной полиции. Описание убийства Судейкина, которое произошло в квартире на Невском проспекте, — самый захватывающий фрагмент в книге Пайпса.

Сегодня мы читаем «Террористов и предателей» прежде всего сквозь призму угрозы исламского терроризма. Но в интервью для польского «Таймса» автор книги подчеркивает, что эти явления значительно различаются между собой. Более близкую аналогию он видит между царской и современной Россией. В обоих случаях мы имеем дело с громадной диспропорцией между высоким уровнем, которого достигло общество в сфере экономики и культуры, и архаичной, авторитарной системой власти.

Richard Pipes. *Zamachowcy i zdrajcy. Z dziejów terroru w carskiej Rosji*. Tłum. Władysław Jeżewski. Warszawa: Magnum, 2011.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Евро-2012 уже позади. Было да прошло. Однако скажем определенно: футбольные баталии на стадионах Польши и Украины были, без сомнения, самым крупным медиа-событием этого лета. Они отодвинули культурную жизнь на второй план, затмили концерты, выставки, театральные и кинопремьеры. В такой ситуации реакция артистических кругов могла быть двоякой: или сознательно «прогнуться» под «Евро», или обороняться. Первый вариант избрал Польский театр танца в Познани, который уже с весны показывал спектакль «Football@...». Как и Люблинский театр танца: накануне открытия чемпионата он показал премьеру «Честь футболу» Йо Стромгрена. В Плоцке Драматический театр имени Ежи Шанявского добрался до спектакля Радослава Пачоха «Быть как Казимеж Дейна».

Еще интенсивнее отмечали Евро-2012 представители визуальных искусств: спортивная тематика составила доминирующий сюжет в культурном предложении многих музеев и галерей. Дюжины выставок! В Варшаве уже в аэропорту туристов поджидала выставка спортивного плаката 1920–1970 гг. из собрания Музея Плаката в Вилянуве. А в самом центре — в Зоне болельщика на шестом этаже Дворца культуры и науки — специальная Большая футбольная выставка. В свою очередь варшавский Музей современного искусства подготовил проект «Нечто большее, чем шарф». Во Вроцлаве в «Саду барокко» можно было посмотреть «Спорт в графике» из богатого собрания «Оссолинеума». Во Вроцлаве же, в Музее современного искусства, показывали «Only a Game?», единственную официальную выставку УЕФА, сопровождавшую чемпионат. Фанаты футбола могли там увидеть, в частности, оригинальные предметы, принадлежащие таким легендам, как Лео Месси или Криштиану Роналду. Краков тоже постарался. Музей современного искусства представил «Спорт в искусстве» с произведениями создателей фильмов и объектов, классиков живописи. Международных и польских, например Кубы Бонковского, Здислава Сосновского, Катажины Козыры, Збигнева Либеры, Леона Тарасевича.

8 июня над варшавской площадью Спасителя появилась радуга, которая не исчезла. Это, однако, не чудо и не чудо природы, а художественное явление: инсталляция Юлиты Вуйцик,

художницы, специализирующейся на несколько сюрреалистических городских акциях. Несколько лет назад возле памятника Силезским повстанцам в Катовице она выложила из угля надпись «Богатство», а также чистила картошку в варшавской галерее «Захента». Сейчас преподнесла столице радугу из искусственных цветов. Это уже третья «Радуга» в ее творчестве. Первую она построила в августе 2010 г. в Виграх под Сувалками возле стен старинного монастыря камальдулов, разрушающегося после неудачных археологических работ. Вторая «Радуга» гостила осенью 2011 г. в Брюсселе, на площади перед Европейским парламентом, во время польского председательства в Евросоюзе, и была 9 метров в высоту и 26 — в ширину; на нее пошло 8 тонн стали и более 16 тыс. разноцветных искусственных цветов. Сейчас инсталляция из Брюсселя доставлена в Варшаву, где и останется на все лето. Этот чуждый городскому пространству элемент излучает красоту и радость. Но несет и определенное послание. В течение трех месяцев в любую погоду радуга будет напоминать варшавянам, а также прибывшим на Евро-2012 туристам, что Варшава должна быть городом без социальных, этнических или конфессиональных барьеров. Должна напоминать о терпимости, которой подчас недостает на польских улицах.

Во время церемонии в Современном («Вспулчесном») театре мы узнали лауреатов вроцлавской поэтической награды «Силезиус» нынешнего года. Лауреатом «Силезиуса» за совокупность творчества стал Мартин Светлицкий. Поэт, принимая премию, шутливо комментировал решение жюри: «Ужасная ошибка награждать меня за совокупность. Эта премия — за полукупность. Обещаю, что приду через пятьдесят лет и тогда приму премию за совокупность».

Книгой года признано «Имя и знамя» Эугениуша Ткачишина-Дыцкого. Премия за дебют присуждена 21 летнему Томашу Бонку, автору книги «Канада». О нем на страницах «Тыгодника повшехного» писала Анна Калужая: «Бонк словно языковая торпеда ворвался в польскую поэзию. Его книга отмечена просто невероятным языковым зарядом. Она написана самым модным в последнее время образом: стих напоминает миксер, в котором перемешиваются фразы, *bon mot*, фрагменты реклам, вывески и просто услышанные на улице слова». «Силезиус» присуждался в пятый раз.

Краковское издательство «Знак» выпустило в июне книгу, которую можно назвать первой биографией Виславы Шимборской: новое, расширенное издание «Рухляди на

память» Анны Биконт и Иоанны Щенской. «Из разговоров с поэтессой, ее друзьями, но прежде всего благодаря необычайно тщательному прочтению авторы создали биографию личности одновременно публичной и ценящей приватность. Известной и полной тайн», — написал в «Жечпосполитой» Яцек Томчук. Задача была непростой: Вислава Шимборская редко давала интервью, не терпела комплиментов, не желала разговаривать о своей поэзии, выдавать тайны ремесла. До присуждения Нобелевской премии, до 73 лет, она дала едва ли десяток интервью. «Она была поэтессой сокровенности и такова же ее биография, — утверждает Томчук. — Авторы не нарушают приватности своей героини, а в одном из интервью на вопрос, для кого они написали «Рухлядь на память», простодушно ответили: “Для Виславы Шимборской”».

Издательство «Муза» выпустило в тщательном графическом оформлении «Избранные произведения» Исаака Бабеля со вступлением профессора Ежи Помяновского. Он знает произведения Бабеля как никто другой в Польше, и он же переводчик абсолютного большинства представленных в «Избранном» произведений. «Избранные произведения» — это самое полное на сегодняшний день польское издание Бабеля. Здесь можно найти, в частности, «Дневник 1920 года», «Конармию», знаменитые «Одесские рассказы», а также истинную жемчужину — никогда ранее у нас не публиковавшуюся пьесу «Мария» 1935 года.

Презентация издания прошла 13 июня в библиотеке Варшавского университета. О книге говорил Михал Комар, а рассказы Бабеля читал Даниэль Ольбрыхский. Восхищенная публика могла вновь убедиться в справедливости слов Ежи Помяновского, который так охарактеризовал Бабеля-писателя в предисловии: «У него было две особенных, удивительных черты. Первая — редкая способность находить особые приметы, отличающие одного человека от других. Кто не владеет искусством видеть истинные черты человека, повторяет пустые слова: толпа, плебс, навоз. Наш герой таких слов избегал, находя во встреченном незнакомце черты, достойные интереса. Другой его особенностью был невероятный, очень экономный, но полный скрытых смыслов язык».

Звание Человека года «Газеты выборчей» получил выдающийся писатель и режиссер Тадуеш Конвицкий.

— Его книги помогали нам жить с достоинством, хранить нашу внутреннюю свободу, помогали нам пробить потолок нашего предназначения, — сказал Адам Михник, главный редактор газеты. — Какой была бы польская литература без смелого и

бескомпромиссного творчества Тадеуша Конвицкого, какой была бы наша кинематография без его сценариев и снятых им фильмов? Мы отмечаем художника, в польской литературе исключительного. Он научил нас смотреть на мир своим мудрым и скептическим взглядом. Мы благодарны за то, что этот «неторопливый прохожий» задержался над Вислой и поддерживает нас своим богатейшим творчеством уже столько лет.

Звание Человека года «Газеты wyborчей» ранее получали Вацлав Гавел, Джордж Сорос, Сергей Ковалев, Йошка Фишер, Гюнтер Ферхойген, Бронислав Геремек, Хавьер Солана, Збигнев Бжезинский, архиепископ Юзеф Жицинский, Анджей Вайда, Тадеуш Мазовецкий (2009, Человек двадцатилетия), а также Владислав Бартошевский.

Наконец мы дождались литературных премий только для женщин! Их присуждает «Курьер Щецинский», а также правительство города Щецин, маршальское управление Западно-Поморского воеводства и Щецинский университет. Лауреатом первого Всепольского конкурса на литературную премию для автора-женщины «Грифия» 2012 года стала Магдалена Тулли за «Итальянские шпильки» — сборник коротких рассказов, в которых мы знакомимся с польско-итальянской семьей писательницы: мать пережила Освенцим, отец был итальянцем.

— Мы присуждаем «Грифию» Магдалене Тулли, поскольку «Итальянские шпильки» пронизаны болью. Боль, которую испытывает их героиня, 10 летняя девочка, вызывает что-то в нас, читательницах и читателях. Пятна забытых, затолканных на дно памяти, минут из детства, когда нам не удавалось легко выполнить задачи, поставленные миром. Сначала почувствовать это, а затем приблизить может эта отличная литература, — сказала Инга Ивасюв, председатель жюри.

4 июня в посольстве США в Варшаве Агнешка Холланд получила Премию Свободы имени Яна Карского — награду, присуждаемую полякам, которые своей деятельностью способствуют расширению демократии и прав человека. В предыдущие годы лауреатами были Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Марек Эдельман и Барбара Скарга. Выступая на церемонии, посол США в Польше Ли А. Фейнштейн так обосновал присуждение премии: «Фильмы Агнешки Холланд обращены к сложной тематике Катастрофы. В этих произведениях воздается честь жертвам, но также и простым людям, которые подвергали себя огромному риску, пытаясь спасти своих соседей. Знакомя с этой правдивой историей миллионы людей,

Агнешка Холланд продолжает идеи Яна Карского, имевшего смелость говорить правду в те времена, когда лишь немногие хотели ее слышать».

Ян Карский (собственно Ян Козелевский, псевдоним Витольд, 1914–2000) — юрист и дипломат, историк, с 1939 г. в подполье, был курьером и эмиссаром властей Польского государства в подполье. Он добрался до варшавского гетто, где представители Бунда передали ему доклад об уничтожении евреев в Польше. Это был драматический призыв к главам стран-союзников остановить гитлеровские убийства. Материалы, касающиеся судьбы евреев в оккупированной Польше, Карский доставил не только польскому правительству в эмиграции, но и правительствам Великобритании и США, политикам, литераторам и журналистам. Увы, без последствий. За свою деятельность Карский был отмечен высшими государственными отличиями: польским Орденом Белого Орла (1995), а также, посмертно, в апреле 2012 г., американской Медалью Свободы.

Агнешка Холланд, трижды выдвигавшаяся на «Оскар» за фильмы, поднимающие тематику Катастрофы (в 1985 г. — за «Горькую жатву», в 1991 м — за фильм «Европа, Европа», в 2011 м — за картину «В темноте»), призналась, что уже много лет вынашивает намерение снять фильм о Яне Карском.

В конкурсной программе 52-го Краковского кинофестиваля, проходившего с 28 мая по 3 июня, было показано 104 фильма. Известный режиссер-документалист Лидия Дуда получила «Золотого Лайконика» за картину «Замешанные» в польском конкурсе. В международном конкурсе награды получили Петер Гердехаг за фильм «Молочные сестры» и Алекс Лора за «Гамбит Одиссея».

Документальный фильм Лидии Дуды жюри наградило «за обращение к трудной теме и адекватную форму ее воплощения». «Замешанные» — это история педофила и его жертвы, девятилетнего мальчика. Через несколько лет совращенный мальчик приходит к выводу, что справедливость не восторжествовала, и решает сам ее восстановить. Роли изменяются: жертва превращается в мстителя, а мучитель становится жертвой.

На вопрос, что более всего ее заинтриговало в истории 17-летнего молодого человека, попавшего в тюрьму за попытку убийства педофила, режиссер ответила:

— Неоднозначность. Как у моего любимого писателя Достоевского. Я очень люблю истории, в которых нет белого и черного, — они вынуждают мыслить. Сначала я назвала этот проект «Смятение чувств», поскольку здесь был вал эмоций, между сочувствием и отвержением, негодованием и пониманием. Я не могла осудить одного героя и полностью поддержать другого. Для меня оба героя — жертвы системы. Ни один из них никогда не был подвергнут медицинской или социальной терапии...

Варшавский Современный театр представил в июне «Гамлета» в постановке Мацея Энглерта. Вопрос «Быть или не быть?» задал Борис Шиц, популярный актер молодого поколения, связанный с этим театром более десяти лет, известный также по ролям в кино и в телевизионных сериалах.

— Гамлета хочет сыграть каждый актер, — сказал Шиц в интервью «Газете выборчей». — Вроде бы. Есть такое общее мнение, что каждый. Что каждый актер должен когда-то через этого Гамлета пробраться. Чтобы приобрести актерский лоск. Я знал, что будет нелегко. Сажу на этих репетициях, как школьник, — с блокнотом, с ручкой в руке. Чувствую себя так, словно бы оказался на театральном курсе в Оксфорде. Безусловно, важно, в каком возрасте играешь Гамлета, или, скорее, в какой момент твоей жизни. Что тебя волнует, против чего бунтуешь. К несчастью или к счастью, я до Гамлета сыграл Платонова. Платонов — это, как написал Чехов, такой деревенский Гамлет, но более циничный.

После премьеры рецензент «Газеты выборчей» Иоанна Деркачева не была в восторге. По ее мнению, последний польский «Гамлет» оказался морской повестью по Шекспиру с одним занимательным сюжетом — борьбы за мужское начало. Разве этот один ход, задается вопросом критик, стоил того, чтобы сделать из трагедии музыкальный ужастик со спецэффектами, а из большинства труппы — движущийся фон?

800 художников из 50 стран прислали свои работы на Международное Биеннале плаката, организованное Музеем Плаката в варшавском Вилануве. Времена наивысшей славы «польской школы плаката» миновали, да и сам плакат вытесняется из публичного пространства более современными формами коммуникации, но всё же Биеннале плаката по-прежнему пользуется высоким реноме. Конкурс проводится по четырем категориям: плакат культурный, рекламный, идейный, а также «Золотой дебют». В этом году были присланы 2200 работ. В категории культурного плаката золотой медалью

отмечен Яньпинь Хэ, график китайского происхождения, живущий в Германии. В категории идейного плаката золотая медаль досталась японцу Тецуро Минорикави за работу «Цунами», изображающую ладонь, заливаемую волнами. В категории рекламного плаката — слабина: первую премию никому не присудили. Победительницей «Золотого дебюта» стала полька Зофья Кляйс за плакат «Пусти меня». В нынешнем году была введена специальная категория — «Евро-2012». Здесь лауреат главной награды Ян Крышкевич показал футболистов, танцующих вокруг мяча на зеленой траве, — парафраз знаменитой картины Анри Матисса.

Работы-победительницы можно посмотреть в Вилянуде до 16 сентября.

Прощания

22 мая в возрасте 83 лет умер Болеслав Сулик, бывший председатель Всепольского совета по радиовещанию и телевидению, критик, публицист и кинематографист. Он был соавтором сценария фильма Анджея Вайды «Теневая черта» по прозе Конрада, участвовал в работе над сценариями «Халтуры» и «На самом дне» Ежи Сколимовского. Был также режиссером документального фильма «В солидарности», снятого для Би-Би-Си.

Болеслав Сулик, сын генерала Никодема Сулика, оборонявшего в сентябрьской кампании восточные границы Польши, большую часть своей жизни провел в эмиграции в Великобритании. В пятидесятые годы стал журналистом. Сотрудничал тогда с литературным ежемесячником «Континенты», еженедельником «Трибьюн», ежеквартальником «Дефенишнз». Затем сотрудничал также с радиостанцией «Свободная Европа» и парижской «Культурой». В Польшу вернулся лишь в 1991 году.

КОСТЮШКОВСКАЯ ДИВИЗИЯ

Армию я не любил. Говорили: армия делает из тебя мужчину. Или: в армии надо слушать, а не думать. В армии тебе выбили бы из головы эти твои философствования. В общем, армия должна была стать чем-то вроде школы жизни или исправительной колонии.

Направляясь в армию, я не мог избавиться от сомнений, каково же оно, это войско «польское». Польское или не польское. С какой целью созданное. Опасения меня не покидали, но я знал, что для меня, для десятков тысяч людей в Союзе армия — единственная возможность возвращения на родину. Ворота в Польшу.

Присматриваясь к работе вербовочной комиссии, я заметил, что главную роль в ней играл офицер в советской форме. Устроив свое назначение (в полк легкой артиллерии), я наблюдал за перипетиями молодых людей в лохмотьях, которые, как и я, приехали с далеких окраин Союза. Евреев отвергали, им приходилось возвращаться. Один очень нервничал, наконец, разделся до кальсон и, держа свернутую одежду над головой, вошел в реку. Я с тревогой смотрел, как он плывет. На другом берегу его приветствовали несколько военнослужащих. Кажется, сердечно. Я спросил у кого-то из вербовщиков, в чем тут дело. Объяснение оказалось простым. Это еврей. Неважно, что он чувствует, но в паспорте у него записано: национальность — еврей. А евреев в дивизии уже много. И командир распорядился сказать тому, кто станет сильно упираться: хочется — так переплыви реку. А, как известно из песенки, Ока была, «как Висла, широка и, как Висла, глубока».

Позднее я разобрался, что в дивизию брали главным образом евреев-коммунистов, однако заботились и о том, чтобы евреев в ней числилось не слишком много: дивизию посещали иностранные корреспонденты, и было важно, как они ее опишут.

Беспокоило меня большое количество бело-красных флагов в сельцовском лагере. Это правда, что некоторые новобранцы, ехавшие со мной на пароме, вытирали слезы растроганности. После нескольких лет страданий, невзгод и уверений, что *Польша никогда не будет*^[1], они здесь ее видели. В этих флагах,

мундирах. Я писал Рене: «Страшно хотят нас убедить, что это польская армия. Столько этих флагов... Зачем так много? Чтобы каждый знал, что он в польской армии».

Поразительно, что люди, которым было так важно выставить напоказ польский дух дивизии, одновременно сами пребывали во власти символов. Встал вопрос об орле. Пытались понять: какую традицию он выражает? Куда повернут его клюв — влево или вправо? Если влево — значит, против Германии, если вправо — против России (причем отождествляли Советский Союз с Россией). Довоенный орел был ягеллонским, то есть державным, а этот, растрепанный, брал истоком почти никому не известное изображение пястовского орла. Этого орла выбрала Ванда Василевская. Одно могу сказать — он успешно сводил на нет чувства, которые должны были возбуждать флаги, песни и мундиры.

Историю творили два типа. Они всегда ходили вместе, работали вместе, жили вместе. Неразлучная парочка, словно Дон Кихот и Санчо Панса. Один — повыше, суровый, темный, аскетичный; второй — низкий, jovialный, светловолосый, сердечный. Я видел их в разных деревнях и местах стоянки. В окне их халупы до поздней ночи горела керосиновая лампа. Обособившись от других, они работали, могло показаться, без передышки. Тяжело, очень тяжело было им наново творить историю Польши, предназначенную для солдатского употребления.

Идеологом был капитан Мечислав Вонгровский — тот, что придумал и разрекламировал лозунг «Армия Крайова — оплеванный карлик реакции». Позже он стал генералом и возглавлял Общество польско-советской дружбы. Но в дивизии ему не удалось бы сделать ничего, если бы не светловолосый и прямодушный, как все деревенские подручные-оруженосцы, Адам Корта.

Вонгровский историю знал плохо, не говоря уже о фактах и датах. К книгам обратиться не мог, не имея таковых, и даже из Москвы ему не удалось доставить ни одной, так что он был вынужден вести свой труд самостоятельно, доверяя только знаниям и памяти Адася Корты. Был на него обречен. А Корта помнил, пожалуй, всё, чему выучился на историческом факультете. Знал факты и даты, да только как искренний католик сопоставлял их и понимал иначе, чем того желал бы себе его шеф. Однако Вонгровскому это не мешало, «гениальность» марксистского ключа заключалась в том, что с его помощью удавалось открыть всё.

Вернемся, однако, к тому дню, самому первому. Едва мы успели получить со склада мундиры и одеяла, как перед всей нашей группой появился на белом коне статный майор. Он приветствовал нас в польской армии, после чего заверил, что мы отомстим за немецкие преступления и, сражаясь бок о бок с Красной армией, освободим нашу многострадальную родину. Андерс предал своих союзников, выбрал далекий, окольный путь в родную страну, а мы пойдем самым простым и прямым.

Я получил назначение в штабную батарею 1-го полка легкой артиллерии. Наши палатки были вкопаны на полметра в землю. И мы сразу же взялись за украшение территории, чтобы кругом стало красиво. Из камешков выложили орла, разные надписи, цветочные грядки. Орел был в короне. Приходит капрал. «Ну, нет, господа, таким вы можете орла изображать дома, но тот, что здесь, должен быть лысым», — и разбросал камушки.

Самым важным событием дня был обед. Войско строится в четырехугольники и марширует, — как говорится, с песнями на устах. Песни эти — сплошь грустные, такие, где улана еще и лошадью растопчут, не говоря о руках и ногах, а мозги вообще окажутся на стене. Тоскливо, даже плаксиво заводят ее солдаты. Но вот пение уже умолкает, и по котелкам раскладывают непонятную кашу либо рис с куском мяса. Суп густой, наваристый. Добавку можно брать любое количество раз. Все едят, сколько влезет, и так происходит по меньшей мере в течение шести недель. Уже не могут, но едят. Потому что эту еду дают, она есть.

После обеда войско возвращается с лихой, фривольной песней на устах. Всегда одно и то же: идут голодные — пение грустное, возвращаются — веселое.

Вскоре я начинаю разбираться, что в дивизии преобладают две группы людей. Неграмотные крестьяне и образованные интеллигенты. Как бы дно и верхушка, без всякой середины. При этом «низ» — это солдатская масса, «верх» — офицеры, в том числе ведающие культурно-просветительской и воспитательной работой.

Из батареи меня командируют в штаб дивизии. Большой барак, за столами уже корпят несколько новобранцев, что-то пишут и чертят. Командует майор, говорящий на ломаном польском языке; после октябрьской революции он пошел к Буденному и дослужился в Первой конной до офицерских погон.

На протяжении недели я разлиновываю и графлю листы бумаги. И ничего больше — так, словно если бы тут не армия, а

деревенская лавка. Я не умею даже прилично отдавать честь, не знаю основ строевой подготовки, вообще ничего — а здесь огромные перспективы, я себе разлиновываю и разлиновываю, а поскольку бумагу мы получаем чистую, тогда как пишущие умеют ставить свои каракули только на линиях, то существует шанс, что в этой области я сделаюсь незаменимым специалистом. Я возмущаюсь, пытаюсь бунтовать, но майор призывает меня к порядку. Здесь мало людей *сильно грамотных*, иначе говоря, образованных, а другие не сумеют линеовать ровно. Он показывает мою толстую стопку наливованных листов и то, что сумели выполнить другие. Мне необходимо понять, что образование к чему-то обязывает.

Проходит еще день, ничего не меняется, и в результате я обращаюсь к майору, что не для этого я шел в армию, и т.п. Он повышает голос. Я тоже. Он удивлен, не привык. В своем подразделении он огрел бы меня кулаком, а может быть, отправил под арест, на фронте наверно воспользовался бы пистолетом — и паф! Но здесь, в бараке, в этой странной армии он не очень-то знает, как должен поступить. И орет. Я огрызаюсь своими аргументами. Самый настоящий скандал.

В этот момент вдруг открываются двери и входит майор, тот самый красавец, с белой лошади. Мундир на нем сидит, как влитой. Лишь теперь я вижу, что он высокий. А, кроме того, еще и важный — это очевидно, потому что мой барачный майор становится по стойке «смирно» и замолкает. Вроде бы звание то же самое, а разница есть. Я фиксирую это, учусь. Прибывший спрашивает, в чем дело. Решение он принимает немедленно, забирает меня с собой, а барачному майору обещает потом прислать подтверждение случившегося в письменном виде.

Смотрит он на меня с явным одобрением. А я иду следом за ним, еще скованный произошедшей сценой, ну и тем, что у него высокое звание либо ранг. К счастью, майор снимает китель, остается в бриджах и рубашке. Сразу другой, нормальный человек. До вечера мы разговариваем, я рассказываю ему о себе, он — тоже о себе. Теперь я уже знаю, это майор Виктор Грош, журналист, до войны — «Дзенник популярный» («Популярная газета»), коммунист, здесь он в кругу Ванды Василевской, был в Куйбышеве. Я смотрю на него с симпатией, а на его висящий китель — со страхом и надлежащим уважением. Теперь мне понятно, зачем придуманы мундиры, эти всякие эполеты, звездочки и полосы.

Спрашиваю у него, почему здесь нет польских офицеров. «Ведь не все же выехали вместе с Андерсом?» Грош несколько мгновений молчит. Наконец, отвечает: «Никто не знает, что сейчас происходит с теми, кто не уехал. Василевская обращалась к Сталину, тот пообещал, что отыщет их, они могут быть где-нибудь на Соловецких островах, на Колыме. Многие погибли в Катыни».

«Но кто их убил?» Грош поддерживает советскую версию. А как было в действительности? С одинаковым успехом это могли сделать и те и другие. Так я тогда думал.

Командиром у меня был майор Леон Букоемский, изысканный немолодой господин с безупречными манерами. Мы с ходу пришли друг другу по душе. Полагаю, что в полку у него имелось не так много тех, с кем ему хотелось разговаривать, а я, опуская всё прочее, не был ни коммунистом, ни — хуже того — марксистом. Поскольку с этими людьми любой разговор оказывался невозможным, они всё знали лучше. Как если бы только они обладали неким единственным верным компасом. Букоемский обрадовался, когда я спросил у него о Чапском. Не знаю, ценил ли его майор, но сам факт графского происхождения Чапского что-то для него значил. Разговор перешел на армию Андерса, но, когда я неосмотрительно спросил, по каким мотивам и Берлинг, и он сам он остались в Бузулуке в тот момент, когда армия эвакуировалась в Ирак, майор быстро сменил тему.

Из того, что я узнал от Гроша, Замбровского и Бермана, Жуков делал ставку на Берлинга — наверно, ценил его огромное честолюбие и знал также, что фамилия Берлинга была известна в Польской армии на Западе. Берия как будто предпочитал Букоемского — мог предполагать, что тот не причинит хлопот, а его помыслы и амбиции будет не так уж трудно удовлетворить (в противоположность Берлингу); к тому же он обладал козырями, которыми не следовало пренебрегать: аристократическими манерами, хорошим происхождением (Леон Наленч-Букоемский) и тем, что когда-то был адъютантом маршала Пилсудского.

Сталин выбрал Берлинга. Я бы не удивился, если бы на это решение повлияло неприязненное отношение к Берлингу польских коммунистов, а особенно Ванды Василевской. Сталин же, о чем мы сегодня знаем, не питал доверия к польским коммунистам, особенно евреям. В то же время создавать напряженность между людьми и группировками принадлежало к основным принципам его политики.

Букоемский стал командиром 1 го полка артиллерии. Я полюбил его, это был настоящий джентльмен, без особых интересов и увлечений, кроме лошадей, конных заводов или светских приемов. Полагаю, что он хотел продемонстрировать мне свое доверие, потому что уже в первый день послал меня, неоперившегося новобранца, к полковнику Берлингу с документами в большом конверте.

Наконец пришла минута испытания. Грош поручил мне провести занятие с солдатами. Я должен был доложить ситуацию на фронтах, а также прочесть лекцию о дисциплине в армии и затем организовать беседу на ту же тему. Причем он назвал это нужным делом. Ну, что ж, после обеда я беру батарею, ребята рассаживаются, физиономии добродушные, любопытные, — интересно, что им этот щенок скажет. Я встаю, докладываю общую ситуацию, ну и приступаю к лекции-беседе. Длинной она не была, я сказал только: «Ребята, в армии дисциплина необходима...» Ну и чувствую, что этого мало, а потому заставляю себя произнести еще одну фразу: «Поскольку без дисциплины ничего не получится... то она просто необходима».

Конец. Они смотрят, ждут, а мне уже просто ничего больше сказать. Катастрофа! К счастью, за деревом стоял Грош, статный, красноречивый. Он трепался об этой самой дисциплине ровно сорок пять минут. Причем как! А по сути дела сказал ровно столько же, что и я. Профессионал. Тогда он произвел на меня впечатление, впоследствии эта его велеречивость, умение вышивать словесные узоры перестали мне импонировать. Я убедился, что легче лить воду и чесать языком, чем говорить кратко.

Спустя какое-то время дело пошло лучше, и солдаты, далеко не один из которых годился мне в отцы, благосклонно слушали то, о чем я говорил. Мало кто из них умел читать и писать, поэтому они не завидовали мне из-за того, что я стал заместителем командира. Особенно, если учесть, что я вместе с ними учился разбирать и собирать пистолет или винтовку, обращаться с ППШ (пистолетом-пулеметом системы Шпагина), стрелять по мишени. В этих упражнениях все мы признавали авторитет и умелость нашего довоенного польского капрала. Хуже обстояло дело с пушками. Здесь уже всё мог показать только наш командир, поручик, пришедший лейтенантом из Красной Армии. Получалось это у него плохо, не хватало слов, мне приходилось переводить на польский совсем не известные мне ранее термины. Вскоре я понял, что должен заранее

разбираться по его черновикам и записям в том, что нам предстоит прорабатывать на следующий день.

Мы с ним жили вдвоем в палатке. Всё было бы хорошо, если бы не его отчаяние. А что делает отчаявшийся человек? Пьет. Поначалу он стеснялся, особенно по утрам, когда у нас проходили занятия. Но через недельку тормоза у него перестали действовать, и он пил до потери пульса, с утра до вечера. А если не пил, то либо рыдал, либо спал.

Пили, пожалуй, все офицеры-«поляки», прибывшие из Красной армии. А если не все, то очень многие. От огорчения. Что они находятся в этой Польской армии! Не понимаю, почему это было для них таким несчастьем, ведь война же везде одинакова. Но быстро начинаю понимать. Мой командир ругается: вот несчастье, война закончится, вы, поляки, останетесь у себя на родине, а нас заберут! Не дадут остаться у вас. Заберут и отправят, но не по домам, а в лагеря, на перевоспитание. Один Бог знает, сколько лет придется там страдать ему, а хуже того — семье. Только за то, что он служил в польской армии, что узнал то, чего знать не надо.

Они были уверены, что их ждет промывка мозгов — за сам факт контакта с другой действительностью, с нами. «Тебя, дорогой Александр Александрович, — говорил мой командир, — за два-три месяца выучат, сделают артиллеристом, ты станешь командиром батареи, а меня с семьей сошлют. Увидишь!» И пьет. А когда пьет — плачет.

Странной была эта наша дивизия. Офицерские кадры в ней составляли русские с польскими фамилиями, почти совсем уже обрусевшие. Мало кто из них мечтал о Польше, советская пропаганда умело внушала отвращение к ней. Немногие из них по собственной воле приехали бы в эту армию. У них была своя жизнь, проблемы, забота о семье, а тут пришел приказ откомандировать офицеров польского происхождения в распоряжение командования 1 й пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко. В итоге они оказались здесь. Многие не помнили родной речи.

А теперь мы стояли одни напротив других: ссыльные из лагерей — и они, назначенные на короткое время поляками. Одни с неприязнью смотрели на других, взаимно не понимая друг дружку.

Для старших командиров, которые должны были оставаться здесь дольше, назначили учителей. Им предстояло учить бывших поляков их языку, объяснять странные обычаи, как,

например, хотя бы то, что солдаты молятся, каждое утро поют легионерскую «Роту», а то и католическую «Когда встают поутру зори»...

В дивизии отчетливо ощущалась напряженность между командованием и московским центром, откуда управляли польскими коммунистами. Берлинг не собирался быть статистом. Вскоре представился случай для пробы сил. Солдаты жаловались, что им дают хлеб низкого качества. Пекарь утверждал, что в этом виновата мука. Берлинг прислал контролеров и вообще сделал из этого хлеба крупное дело — пусть солдат знает, как командир заботится о нем. Контролеры, разумеется, заметили, что где-то там грязно, мука рассыпана, что отсутствует удовлетворительный надзор за складом. Никакие махинации или мошенничество пекаря не были доказаны, контроль констатировал лишь такие вещи, которые всегда можно обнаружить, когда хочется кому-либо досадить. Берлинг вызвал к себе прокурора дивизии, а им был майор Хиларий Минц, один из самых влиятельных коммунистов, принадлежавший к московскому «штабу». Берлинг потребовал от Минца, чтобы тот добивался для пекаря смертной казни. Виноват, не виноват, но такой пример дает хороший эффект, — утверждал Берлинг. Минц на судебном процессе не подчинился этому приказу и потребовал довольно мягкого наказания — за недостаточно добросовестное выполнение служебных обязанностей. Берлинг отреагировал на такое неповиновение жестко. Разжаловал Минца из майоров в хорунжие.

За спиной у Берлинга был козырь власти, но президиум Союза польских патриотов (СПП) в Москве получил аргумент против его амбиций и надежд, что армия сыграет в освобожденной стране такую же роль, как Первая бригада Пилсудского.

Действительно, Берлинг умел создать вокруг себя такую атмосферу, что в нем видели кого-то несравненно более важного, чем командир дивизии. Считалось, что именно он будет стоять во главе будущего Войска Польского.

Как-то Грош сообщил мне, что я должен в составе группы офицеров поехать в Москву на съезд делегатов СПП. Я представлял там молодые кадры, к тому же носил собственную, потомственную фамилию и не принадлежал ни к какой партии.

В Колонном зале (это было, кажется, помещение, где заседал Верховный Совет СССР) собрались делегаты и гости. Выступал, среди прочих, Анджей Витос, которого называли только

Витосом, чтобы создать впечатление, будто речь здесь идет о легендарном лидере польских крестьян. Тем временем Анджей был всего лишь его братом, причем лишенным тех качеств, которые характеризовали Винцентия. Наивным, легко идущим на компромисс, лишенным политического инстинкта и, разумеется, харизмы. Никаким не лидером. Разве что он носил фамилию, использованную позже во время провозглашения Июльского манифеста и при проведении аграрной реформы. После его пустой и занудной речи выступали еще какие-то люди, но в памяти у меня сохранилась только художественная часть, в частности, великолепное пение еврейского кантора Кнушевицкого. Особенно взволновала и тронула меня ария из «Паяцев» Леонкавалло. В этой интерпретации слышалось рыдание двух тысячелетий скитаний и мытарств народа.

В перерыве мы восхищались шедевром оптической и пропагандистской иллюзии — большой картиной, которая изображала Сталина, окруженного толпой полных энтузиазма людей. Картина висела высоко над лестничной площадкой, и каждый, кто поднимался по лестнице с левой либо с правой стороны, испытывал такое впечатление, что Сталин смотрит ему прямо в глаза. Я ходил с места на место, но око вождя неустанно поглядывало на меня.

Мероприятие завершилось, гости разошлись. Им было куда идти. О нас двоих, офицерах без больших звездочек, никто не подумал. В результате мы уселись на ступеньках какого-то здания, чтобы съесть принесенные с собой бутерброды. Был светлый, красивый вечер. «Что вы здесь делаете?» — спросил нас по-польски генерал в советском мундире. Мы ответили. Он забрал нас к себе. «У меня, — заверил он, — вы сможете поесть куда лучше, к тому же мы поболтаем». Действительно, ужин был хороший, грузинский коньяк, хозяин расспрашивал о Польше, о том, какие у нас теперь есть выдающиеся писатели, после чего, к нашему крайнему удивлению, стал читать наизусть большие фрагменты из «Пана Тадеуша». Спать мы пошли поздно. Утром, выходя, я прочитал на табличке, прибитой к двери, фамилию — Кароль Сверчевский.

15 июля, в годовщину победы под Грюнвальдом, прошла торжественная присяга нашей дивизии. В Сельцы приехали иностранные и советские корреспонденты, делегация СПП во главе с Вандой Василевской, коммунистические деятели из Москвы.

Полки стояли в сомкнутом строю, перед трибуной на высоких мачтах висели флаги — СССР, Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Чехословакии. На здании штаба

разместили портрет Ванды Василевской, на ветру развевались бело-красные флаги. На центральном месте трибуны выделялся белый пястовский орел.

Выглядело всё это красиво — плотный четырехугольник из 13 тысяч солдат с оружием в руках, а к этому еще и гаубицы, пушки, танки. Дивизия с виду вроде бы готова к бою. Было важно, чтобы она достойно и с честью выполнила свои фронтовые задачи и способствовала достижению других, более значительных целей. Но на самом деле в этот момент, к сожалению, была пройдена едва ли половина пути в обучении и подготовке дивизии.

Торжество началось с мессы, которую отслужил капеллан дивизии, ксендз Вильгельм Кубш. Его персона играла ту же самую роль, что и бело-красные флаги, — свидетельствовала о польскости этой армии. Беднягу буквально похитили и привезли из-под Гливице после того, как было принято решение, чтобы в корпусе находились ксендзы. Ветер усиливался, на трибуну поднялась польская Пассионария — Ванда Василевская. Некрасивая, с длинным, темным, угрюмым лицом, а голос у нее был громкий, зычный, напряженный экспрессией, хриплый. Говорила она превосходно, не даром же была в Красной армии комиссаром политуправления Юго-Западного фронта. Не столько, впрочем, говорила, сколько «пламенно» кричала. После нее приносил присягу Берлинг, а потом он уже сам принимал присягу у дивизии.

Начался парад. Первыми шли офицеры штаба. Вел их хорошо мне известный майор — тот, который отвечал за линевание бумаги. Поскольку в годы октябрьской революции он был кавалеристом, то отдал команду: «Офицеры, за мной тихим шагом — марш». Солдаты давились от смеха.

Мы мало чего умели, но я считал, что такова судьба дивизий, которые спешно формируются и готовятся во время войны. Однако нашу опекал (о чем я узнал по прошествии лет) лично товарищ Сталин. Думаю, никто из ее командиров не отдавал себе в полной мере отчета о той игре, в которую оказалась впутанной наша дивизия. Для Москвы считался недостаточным сам факт борьбы «бок о бок», пропагандистское звучание должны были иметь даже даты: присяги — в день Грюнвальдской битвы, выступления на фронт — 1 сентября. Эта дата устанавливала срок окончания учебы и завершающих ее маневров.

После контактов с Грошем и с офицерами-политработниками на меня хорошо действовали разговоры с ксендзами. Прежде

всего потому, что позволяли лучше взглянуть на факты, которые для поверхностного взгляда казались известными и понятными. Они тоже, пожалуй, любили со мной дискутировать. По этой причине нередко случалось так, что, попивая литургическое вино, мы беседовали до самого утра. Здесь я добавлю, что по указанию Сталина каждый капеллан ежемесячно получал положенную порцию финикового вина. Его специально доставляли из Ирака.

В полку зенитной артиллерии мне встретился очень симпатичный ксендз. Мы как начали беседу за вином, так закончили ее лишь в тот момент, когда весь месячный запас (31 бутылка по 330 грамм) исчерпался. На третий день мой благодетель предложил поехать вместе с ним на присягу в авиационный полк. Я имел возможность поехать и охотно согласился с его предложением. Только оповестил своих начальников, куда направляюсь.

В авиаполку я познакомился с его командиром, полковником Тавдыкиным. Этот русский летчик из-под Сталинграда произвел на меня самое благоприятное впечатление своим отношением к людям и прямо-таки настоящей харизмой.

Ксендз свою задачу выполнил, освятил полковое знамя, после чего мы уже с чувством исполненного долга сели к накрытому столу и стали есть, а особенно пить разнообразные спиртные напитки. Тавдыкина терзало предчувствие смерти. Летчик на фронте подвергает себя такому риску постоянно, а у него имелось на счету чуть ли не полтора десятка сбитых немецких машин.

Он спросил, не душно ли мне. Душно, — подтвердил я. «Так, может, проветримся?» «Охотно!» — я еще не понимал подтекста его вопроса. Мы подошли к самолетам, мне подали парашют. Стыдно было признаться, что в случае чего я даже не знал бы, как им воспользоваться. И мы полетели — как он говорил, чтобы оказаться поближе к небесам. Этот человек ощущал потребность в вере, в раздумьях над жизнью. Я немножко побаивался таких раздумий за штурвалом истребителя, утешало меня только совершенно естественное поведение всего обслуживающего персонала аэродрома, а ведь они видели неуверенную (деликатно выражаясь) походку своего командира. Приземлился он в сумерках, абсолютно безошибочно, я бы сказал, не только мягко, но и тонко. Подбежали солдаты, помогли ему выбраться из кабины. Он с трудом держался на ногах.

1. Здесь и далее курсивом — по-русски в тексте.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В разгоряченной чемпионате Европы по футболу Варшаве, после разных более или менее идиотических медийных и политических маневров, дело дошло до нескольких хулиганских инцидентов между польскими и российскими болельщиками, что вызвало реакцию президента Владимира Путина, который по телефону выразил премьеру Дональду Туску заботу о судьбе граждан своей страны, которых хозяева должны были окружить надлежащей заботой. Тем временем до нас дошли известия о том, что два польских молодых человека, найдя на улице российский бумажник с немалыми деньгами (около 5 тысяч евро), отыскали владельца и вернули ему утерянное. И наконец, чтобы примирить русских с поляками, их соперники, чехи и греки, устранили обе команды из дальнейшего розыгрыша, что обеспечит спокойствие на варшавских улицах. Как бы то ни было, СМИ старались перед матчем разбудить самые крайние эмоции — говорилось даже о новой «Варшавской битве», а тренера польских футболистов представляли как Юзефа Пилсудского. В своем комментарии «Стадион — это современное поле битвы» Агатон Козинский на страницах «Польша — The Times» (2012, №48) даже написал:

«Если у голландцев и немцев было несколько приятных десятилетий, чтобы выяснить взаимоотношения, то у поляков и русских не было такого шанса. За 50 с лишним лет коммунизма польско-русские схватки были изъяты из политического контекста. В девяностые же годы и в XXI веке вообще не было официальных поединков, а именно они возбуждают большие эмоции. Матч на Евро стал той самой первой возможностью для обеих сторон в полной мере продемонстрировать взаимоотношения. Да, ранее в официальных чемпионатах играли команды волейболистов и гандболистов, но это менее популярные виды, чем футбол; кроме того, встречи происходили на нейтральной территории, т.е. за границами Польши и России (впрочем, в сражениях гандболистов тоже кости трещали). Так что трудно было трактовать те встречи как катализаторы взаимных расчетов с историей. Зато таким катализатором стал матч вторника — поэтому, принимая также во внимание уровень задолженности во взаимных отношениях, следует

порадоваться, что расчеты увенчались довольно скромным результатом. И следует привыкнуть к тому, что подобные ситуации будут иметь место также и в будущем, при других важных матчах Польши с Россией. Впрочем, не только с Россией — подобное напряжение будет сопутствовать и матчам поляков с немцами».

В день, когда я пишу эти слова, в Польшу прибыл министр спорта Российской Федерации, чтобы похлопотать о депортации арестованных болельщиков своей страны. Тем временем Януш Гловацкий, выдающийся драматург, живущий между Нью-Йорком и Варшавой, в интервью «Газете wyborчей» (2012, №138) комментирует ситуацию со свойственной ему иронией:

«Может быть, благодаря беспорядкам после матча с Россией мы решим в Польше проблему футбольных фанатов. Ведь клубы их лелеют, а власти к ним терпимы. (...) Ибо часть польских политиков все еще культивирует миф, что надо всыпать русским за разделы, Катынь, да и за Смоленск. Немцам сумели простить, потому что у них есть «Мерседесы». Русских же простить мы не умеем, хотя у них литература в десять раз лучше, чем наша».

Именно с этого я бы и должен был начать. Последний номер либерального ежеквартальника «Пшеглэнд политичный» (2012, №112) содержит обширный блок материалов, посвященных России и русским, в котором мое внимание привлекла дискуссия переводчиков с участием Юрия Чайникова, Ежи Чеха, Славомира Дембского и Натальи Ворошильской. Материал был озаглавлен «Дебаты: что говорят нам книги о современной Польше и России?» Дембский во вступлении к беседе обращается к деятельности созданной в 2008 г. польско-российской Группы по трудным вопросам под руководством Адама Даниэля Ротфельда и Анатолия Торкунова:

«В ходе работ группы быстро выяснилось (...) что многие вопросы, негативно отражающиеся на польско-российских отношениях, требуют долгосрочного и системного исследования. Группа, проводящая свои встречи два раза в год, не была в состоянии эффективно противодействовать негативным тенденциям. Поэтому возникла идея создать в обеих странах специализированные учреждения, задачей которых было бы осуществлять совместные польско-российские исследовательские проекты, распространять знания о двух странах, вести издательскую и образовательную деятельность, поддерживать молодежный обмен, а также

инициировать деятельность в пользу диалога и взаимопонимания».

И далее, развивая рассуждение о необходимости взаимопонимания между двумя обществами, Дембский говорит:

«Непременное условие понимания — это квалифицированное общение между обоими народами, понимание идей, терминов, символов и мифов, наличествующих в языке, которым пользуются два общества. Именно это объяснение языка польско-русского общения — задача переводчиков, в том числе переводчиков польской литературы в России и русской в Польше. Без переводчиков нам не обойтись».

В свою очередь, отвечая на вопрос о его заинтересованности русской литературой, Ежи Чех (переводчик, например, Татьяны Толстой, Светланы Алексеевич, Людмилы Петрушевской и, главное, романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба») обращает внимание на особенности того момента, когда он обратился к этой работе:

«Я начинал свою работу исполненным надежд, потому что это было время надежды. Конец восьмидесятых годов, Перестройка, девяностые годы... В течение как минимум десяти лет, я был энтузиастом того, что происходит в России, поскольку думал, что мы движемся в одном направлении. Теперь вижу, что не в одном, что где-то между нами барьер. Другие советские республики идут своим путем, а Россия всё кружится на месте. Не случайно все метафоры, которые касаются политической ситуации, такие как «оттепель», — метеорологической природы, поскольку после оттепели наступают весна и лето, но приходит осень и снова зима, и Россия словно повторяет и повторяет этот цикл. Сейчас мое отношение к России как таковой амбивалентно. То есть я не энтузиаст российского государства, поскольку у меня к нему немало претензий, а вот к людям испытываю самые лучшие чувства, и у меня там больше друзей, чем в Польше».

И далее: «В свое время я занимался взаимностью стереотипов — польских на тему России и наоборот. Конечно, борьбу со стереотипами не выиграть. Но есть смысл иногда говорить о том, чего недостает в польском мышлении о России и в российском о Польше, чтобы это осознать. Мое поколение было замучено военной литературой, но сегодня молодые немного знают военном подвиге народов СССР. И, между прочим, благодаря книгам (...) Светланы Алексеевич или Василия Гроссмана узнают о совершенно невообразимом масштабе

сражений на восточном фронте. Так что это знание, это понимание восстанавливается. Но нам всё еще не хватает взгляда на русских не только как народ жертв. У нас вообще нет осознания огромной роли, которую сыграли в мировом развитии русская музыка и изобразительные искусства, — даже большей, чем у литературы. Здесь ведь главными были русские, и они давали импульс».

И в завершение: «Но я бы еще кое-что сказал и о другой стороне. В России, в российском государстве, которое таково, каково оно есть, главная, пожалуй, проблема состоит в том, что оно такое громадное. Все несчастья исходят от этой величины, потому что государство должно быть для человека, а не наоборот, а там человек слишком мал, он трактуется обезличенно, как общность. И в связи с тем, что государство столь велико, что масштаб событий так огромен, там есть тенденция пренебрежения ко всему, что происходит в меньших государствах. Поэтому журналисты пишут глупости о Второй Мировой войне, не слишком, в общем-то, интересуясь тем, что было до 1941 года. Если дело доходит до дискуссии (а я иногда веду такие дискуссии в своем блоге), то даже от людей, очень доброжелательных к Польше, часто слышу: «Ну да, был пакт Риббентропа — Молотова, но ведь и поляки заключили с Гитлером пакт о ненападении». И вот воскресает вся сталинская пропаганда».

Не подлежит сомнению, что всё еще откликается кое-где эхо этой пропаганды, поскольку, как я сам помню из молодости, напор был столь велик, что ее никак нельзя было игнорировать. И эффективность ее видна, между прочим, в переводных книгах, хотя бы в масштабной фреске Гроссмана. Мое внимание привлекло замечание Ежи Чеха о роли огромного пространственного формата России. Когда я ехал через эту страну, то почти физически ощущал (впрочем, как и в США) громадность пространства, в котором оказался. На это, кстати, обращает внимание и Мариуш Вильк в опубликованном в том же номере обширном фрагменте своего «Дневника Севера»:

«...в прекрасном эссе «Писатель и пространство» Владислав Отрошенко рассказывал, как он однажды принимал у себя профессора Токийского университета и в ходе беседы о поэзии Басё и картинах Утамаро ни с того ни с сего японец спросил о его отношении к Курильским островам. Русский писатель не особенно знал, что же сказать, ибо как политический феномен пространство его никогда не интересовало, тем более он не имел никакого отношения к спорным территориям Курильских островов, а поскольку давно занимался влиянием

пространства на творческий процесс, ответил вопросом, как, по мнению профессора, формировалось бы японское воображение, которое дало миру поэзию хайку и миниатюрную скульптуру нэцке, если бы история так разложила карты, что Восточная Сибирь принадлежала бы Японии, а не России. Страшно подумать, взволновался профессор, об этом необъятном пространстве. Оно убило бы японскую душу (...). Я привел этот анекдот, потому что сам, после нескольких лет жизни на Севере, освоился с его пространством. Этот горизонт с его нечеловеческим размахом, хочешь не хочешь, заставляет раскрыть поначалу теснины своего европейского Я и выкарабкаться из них, чтобы поселиться в другом размахе и ощутить себя в нем как дома. В Европе пространство не замечается...»

Признаюсь, что я читаю эти слова со смешанными чувствами, в том числе и из-за стилистических особенностей текста. В нем, разумеется, есть восхищение громадностью «тела России», но одновременно внушается, что, в отличие от японской или европейской души, русская душа должна составлять для других какую-то недоступную и непостижимую тайну, а чтобы к ней приблизиться, необходимо «выкарабкаться» из своего «европейского Я». И еще один момент: рефрен из Тютчева, что «в Россию можно только верить». Это тоже меня раздражает, как и повторяющиеся время от времени отсылки наших мыслителей к необходимости вернуться «к истокам польской души», которая якобы должна иметь какой-то особенный характер. Душу имеют люди, а не народы, и отбрасывание собственного Я — это то же, что принесение в жертву собственной души, то есть какой-то договор с дьяволом. Но это все не противоречит тому, что Россия для кого-то составляет познавательную задачу. Об этом пишет в том же самом номере Михал Бохун, который в пространном очерке «Топография духа. О России Чеслава Милоша», рассматривая два тома посвященных России произведений польского нобелевского лауреата — «Россия. Трансокеанские видения», составленных Барбарой Торунчик и Моникой Вуйцак:

«В обеих книгах Милош отважно вторгается в таинственное пространство России. В его случае такая экспедиция — это путешествие вглубь себя и в просторы философии, культуры, политики, а также — *last but not least* — внутреннее переживание, которое всегда несет за собою угроза поглощения восточными стихиями. (...) Россия — это прежде всего пространство, что имеет много существенных следствий. На одно из них Милош обращает внимание неоднократно, ибо оно

коснулось его отца, да и, пожалуй, его самого. Быть может, это даже какая-то психологическая постоянная, рождающаяся под влиянием жизни в стране, территориально бесконечной и безграничной и, если говорить о возможностях, непредсказуемой. Поляки, возвращающиеся с этих необъятных просторов континента в собственное тесное захолустье, которое ограничивает поле зрения и в котором постоянно спотыкаешься о других, чувствуют себя не в своей тарелке и страдают, некоторые настолько, что кончают самоубийством (...). Все польское в сравнении с Россией кажется маленьким, ограниченным и тоскливым, словно вечность, которую придется провести в закопченной деревенской бане, как пугает Раскольников Свидригайлов (земляк как Милоша, так и пращуров Достоевского). Эта драматическая несоразмерность касается в равной мере и пространства, и духа».

И вновь: прочтение Бохуном России Милоша не обходится без таких категорий, как «таинственный простор» или «восточные стихии», — недостает только скифов из поэмы Блока. Милош, однако, как кажется, был в своей картине России более материалистичен и рационален. К счастью, не он один, доказательством чему служат новые книги о России, среди которых следует отметить «Мысли о России» Адама Даниэля Ротфельда, «“Понять Россию”. О русской загадке-тайне» Мариана Броды, «Дорога в Россию» Петра Мицнера или содержащий посвященные России интересные эссе сборник Ирены Грудзинской-Гросс «Честь, ужас и классики», где автор, говоря об Иосифе Бродском, точно подмечает:

«Неприятие советской империи со всей ее грязью и серостью не означало для Бродского отвержения российской империи, а прежде всего — ее культуры. Противостояние советской империи основывалось как раз на возрождении дореволюционной русской культуры, и эта подпитка была необходима, ибо советское государство не имело подлинной культуры. Это убеждение было общим для всей той среды, которую представлял Бродский, молодой российской интеллигенции, часто еврейского происхождения. Отсюда восхищение Анной Ахматовой как живой связью с дореволюционной традицией».

Я, пожалуй, добавил бы еще восхищение Надеждой Мандельштам, «Воспоминания» которой, изуродованные в переводных фрагментах и появившиеся на польском языке в 80-е годы, — это одно из тех великих произведений русской литературы, что требуют безотлагательного перевода. И в самом деле: без переводчиков нам не обойтись.

И СМЕШНО, И СТРАШНО

Януш Андерман (1949) с первых шагов в литературе был и остается летописцем польской общественной жизни. Его дебют — повесть «Игра в испорченный телефон» (1976) привлекла внимание критики тем, насколько точно в ней были воспроизведены реалии того времени. Эта же черта отличает и следующие его книги, изданные — после того как он стал редактором независимого журнала «Пульс», представлявшего неподцензурную литературу, — нелегально или за границей. Выпущенный парижским «Институтом литерацким» сборник рассказов Андермана «Край света» демонстрирует гротескный, не лишенный элементов абсурда взгляд автора на последние годы ПНР, показывая карикатурность позиции как власти, так и оппозиции. Такой взгляд характерен и для других его произведений, основанных на впечатлениях от заката эпохи коммунизма и перехода к новому общественному строю — речь прежде всего о трех сборниках рассказов из цикла «Фотографии» и романе «Это всё» (2008), где вновь в полной мере явлен насмешливый дар автора.

Главный герой повести до начала перемен был известным писателем — он даже удостоился упоминания в энциклопедии (теперь статья о нем удалена), когда-то он имел положение и авторитет, а теперь оказался на обочине, лишился внимания публики, а его книги, о ужас, попали в корзину на распродаже. Остается только покончить с собой, это он и готовится сделать, довольно тщательно, в надежде, что акт самоубийства даст новую жизнь его творениям. А пока сетует: «Моя книга в Кошиках?^[1] В ящике? Как, б..., какая-то морковка? Как картошка?» И напрасно объясняет ему издатель, что он «отстал от времени». Очень смешно.

Ну и вправду же смешно. Хотя бы потому, что «новое время» принципиально изменило соотношение между такими двумя ценностями, как свобода и чувство безопасности. Больше свободы значит меньше безопасности, как это ни парадоксально. То же самое с общественным положением и самочувствием творческого человека, писателя. В «прежние времена» сама принадлежность к цеху гарантировала «положение». Сейчас творческая деятельность сопряжена с риском — одной «принадлежности» недостаточно, теперь другая иерархия. Этот переворот — одно из самых сильных,

часто самых болезненных ощущений, связанных с переменой общественного строя, оно – то и есть главная тема этого и других произведений Андермана, опубликованных после 1989 го (сборники рассказов «Фотографии», повесть «Всё время»). Рискну предположить, что мы имеем дело со своеобразным шоком преобразований: многим, испытавшим его, трудно прийти в себя, вновь обрести свое место в мире, ставшем полем постоянных динамичных перемен, в отличие от «развитого социализма», застывшего в своеобразной нише, лишенной временного измерения, а следовательно, и движения жизни.

Наш герой, Марек Торн, не только не понимает этих процессов, но и делает попытку взбунтоваться, готовясь к самоубийству, призванному выразить протест против нового мира, в котором «высокие ценности» не выдерживают конкуренции с тем, что раньше называлось «мещанским существованием», «культом денег» и «торжеством жлобства». Проблема в том, что этот мещанский стиль жизни самые свои карикатурные, даже уродливые формы приобрел в коммунистическую эпоху, вроде бы ему враждебную, — и именно тогда жесткий иерархический уклад давал ложное ощущение безопасности, гарантируя неизменность и прочность «положения». Торн отдает себе отчет в иллюзорности этой «безопасности», о чем мы узнаем из его многочисленных воспоминаний, связанных с алкогольными виражами на пути к самовольной смерти. Однако прошлое и подстерегавшая там опасность быть втянутым в систему стали ловушкой, из которой герой оказался не в состоянии выбраться. Не случайно структура повести напоминает кольцо, постоянно приводящее к одному и тому же рассказу, из которого нет выхода в новый, — писатель словно попадает в заколдованный круг. Не случайно он замечает: «Итак, у меня осталось еще почти семь бутылок, точнее шесть с лишком. (...) Что будет, когда кончится запас? Я ведь здесь заперт, мне уже не выбраться. Да я и не хочу».

Шок преобразований приводит к творческой несостоятельности: «А много таких, как я? Несколько лет я просидел над чистым листом бумаги. Как встарь — по шесть часов ежедневно, систематически. Только теперь я не мог их заполнить. Не знал, о чем писать. Это было время не литературы, а публицистики, сиюминутного газетного отклика». Но вопрос, почему «раньше» было «о чем писать», так и не прозвучит. «Раньше» — значит тогда, когда литература подменяла собой публицистику, которой, однако же, не было, поскольку она сводилась к политграмоте. Чем, в связи со сказанным, является (или должна быть) литература сегодня? Повесть Андермана, само собой, не дает ответа на так

поставленный вопрос, но фокусирует на нем внимание. Несчастный же Марек Торн не ищет решения, героя интересует прежде всего успех: именно с этой точки зрения он оценивает сюжеты не написанных, но рассчитанных на гарантированную популярность книг — они должны помочь ему вернуть утраченные позиции. Тут возникает и другая тема — именно что преобразования, превращения: «Описывать все это? С литературной точки зрения самым интересным было бы показать, что стало с людьми в свободной стране. Когда-то они имели общие основополагающие цели. А теперь? (...) Трудно на эту тему говорить, еще труднее заинтересовать ею читателей. Для нового прагматичного поколения это рассказ о доме с привидениями. Приложение к годовщине 13 декабря 1981 года. На вопрос, что это за дата, многие затруднятся ответить. Некоторые вспомнят, но большинство — нет».

И это правда. Но у них уже свои даты, связанные с ходом их жизни. Для них введение военного положения не значит уже ничего.

-
1. Торговый центр на ул. Кошиковой в Варшаве, где можно было купить разнообразные дешевые товары, в том числе книги. — Прим. пер.

ЭТО ВСЁ

Всё-таки я уселся за большой стол. Снизу, с улицы, доносились звуки трамваев, здесь рядом остановка, самих трамваев отсюда не видно — чтобы посмотреть на их черные спины, нужно сильно высунуться из окна. У меня страх высоты, так что это не особенно выполнимо. Впрочем, потому я сразу и отбросил мысль выброситься из окна. Данный шаг показался мне отвратительным; я, лежащий где-то там внизу, в поблескивающей луже крови. Вокруг возбужденные зеваки:

— Не, ну, ...нулся мне чуть ли не под ноги, идет себе человек спокойно, а этот как ...нется как не знамо что среди ясного неба, — начнется нервный обмен впечатлениями.

— Не выдерживает народ этой беды! Этих измышательства! Вот и прыгает народ без удержу. Тут уже совершенно невозможно жить! Абсолютно!

А если бы я так упал на какого-нибудь прохожего? Этого же нельзя исключить. Тем более, значит, выход в окно отпадает. А сообщения в газетах? Я в сочетании с какой-то случайной жертвой? Необычность такой ситуации, частично отвлекающая внимание от меня?

Я неподвижно сижу за столом, откинувшись на спинку стула. Слышу звонки трамваев, а когда они трогаются с места, по толстенным стенам башни пробегает дрожь. Напротив видны голые кроны деревьев на Бульварах и перспектива Славковской улицы. Над крышами торчит ратуша на невидимой отсюда Рыночной площади, а слева от нее одна из башен костела Девы Марии. Дыхание ветра просеивает обрывки сигнала времени, который подает трубач с колокольни.

Я устал и меня раздражает шелуха бессмысленных подробностей, шелестящих в сбитой с толку памяти. И так все эти годы, пока я пытался писать. Незаметно у меня выработался навык записывать всё, что происходит вокруг или что вспоминалось. Сначала я делал заметки, думая, что они могут мне пригодиться, что я использую их в своей прозе. Потом записывал уже по привычке. Сотни тетрадей. Перед тем, как приехать сюда, я сжег их в парке, на бетонном дне небольшого пруда, из которого спустили на зиму воду. Сжег я и многое другое. Письма, фотографии. Долго занимался

сортировкой. Оставил то, что пригодится будущим биографам. Письма значительных особ, снимки, на которых я удачно получился. Многие я подписал на обороте, чтобы в будущем облегчить кому-то работу и исключить ошибки. Узнают ли через десять-пятнадцать лет популярного два десятилетия назад писателя, с которым я позирую перед объективом? Смогут ли распознать физиономию модного когда-то кинорежиссера? А вот театральная актриса, имевшая огромный успех, но мало снимавшаяся в кино, потому что была разборчива и не на каждую роль соглашалась. Кто через двадцать лет доищется, кто она? И почему исследователь должен тратить на это время? И я усердно записывал на обороте фотографий фамилии с датами, иногда приблизительными, когда те были сделаны. Всё это я сложил по порядку и оставил в моей варшавской квартире. В моей квартире? Громко сказано.

Я всматриваюсь в перспективу Славковской улицы. Знакомые места — когда-то я учился в этом городе. Но зачем мне стружка лишних воспоминаний, которыми я уже никогда не воспользуюсь?

Помню, тридцать лет назад на стене дома по левой стороне Славковской висели большие часы с фамилией владельца часовой мастерской на циферблате — Цианкевич. Однажды улица единодушно решила, что фамилия Цианкевич выдумана для отвода глаз; это лишь хитрая маскировка, говорили, на самом деле мастерская принадлежит Циранкевичу. У него целая сеть таких мастерских, разбросанных по Польше. Вдоль и поперек, и это еще так, в числе прочего, потому что всяких разных предприятий у него пропасть. Такой всегда выйдет сухим из воды, уж свои-то его не обидят. Ни за что в жизни! Взять лисьи фермы, у многих они, ох, у многих...

Кто помнит эти часы с фамилией Цианкевича? Знают ли теперь, что Циранкевич, которому молва приписывала эту часовую мастерскую, в течение двадцати одного года был главой правительства? Что в 1956 году во время кровавых июньских столкновений в Познани он угрожал отрубить руки рабочим? «Пусть каждый провокатор или безумец, посмевающий поднять руку на народную власть, даже не сомневается, что народная власть ему эту руку отрубит», — гудел он зловещим басом. Что известно о приказе 1970 года, на котором красуется его подпись, — стрелять в вышедших на демонстрации рабочих на Гданьском Побережье и везде, где потребуется? А через двадцать лет, отсчет которым уже пошел? Даже те историки, которые сейчас молоды, начнут сомневаться и уточнять детали

в источниках. Ну да, сегодня это имя неожиданно всплыло в газетах, но дело темное, к тому же газеты живут один день. В учреждении, ведающем архивами прежних спецслужб, откопали информацию, что забытый премьер, будучи узником Освенцима, приторговывал драгоценностями, остававшимися после евреев, и золотыми зубами жертв. Кто-то обратил внимание, что эти сведения получены в годы сталинизма от коммуниста, который сказал об этом коллегам под пытками, а он признавался во всём, в чем им было угодно. А тем, возможно, нужен был на действующего премьера компромат. Вспомнили и о знаменитом ротмистре Пилецком, который добровольно согласился заключить себя в Освенцим, чтобы организовать там движение сопротивления. В 1948 году коммунисты его убили — Циранкевич знал о смертном приговоре, но не вмешался, ведь именно премьеру пропаганда приписывала руководство лагерной организацией. В очередной газете написали, что Сопротивление Сопротивлением, а зубы зубами, Пилецкий о Циранкевиче и о зубах знал, а Циранкевич знал, что Пилецкий знает. И поэтому его убили. Еврейскими зубами перебивался в том Освенциме премьер. Сдюжил, значит.

И что мне теперь с памятью о часовом мастере Цианкевиче делать? А с впавшей в забвение памятью о Циранкевиче, которая на краткий миг очнулась? Вдобавок я помню рассказ знаменитого профессора, историка искусств Эстрайхера, который говорил нам, своим студентам, о годах оккупации. Многие состоятельные семьи, жившие в городе, имели своего избранного узника, которому регулярно отправляли посылки с едой. Циранкевич до войны был уважаемым социалистом, и это ему семья Эстрайхера посылала сало и лук, благодаря чему он выжил. Профессор, в знак благодарности, в течение многих лет получал разрешение на покупку недоступных тогда в Польше западных автомобилей из особого резерва премьера. Историк искусств сеял панику на улицах, потому что не признавал никаких правил движения. Милиция никогда его не останавливала, ибо происхождение машины и связи водителя были ей известны.

Вот, значит, помню и такую версию спасения страшного премьера, поборника отрубания рук и стрельбы по рабочим судостроительных верфей. Но зачем мне такая память? Как от нее освободиться?

Зачем мне помнить, как двадцать семь лет назад, поздним сентябрьским вечером я шел по Славковской на вокзал, к поезду в Бещады? Из подворотни вылезло двое милиционеров,

велели показать документы. Посветили мутным фонариком, вернули удостоверение и ушли. Один даже по привычке взял под козырек. Но на вокзале выяснилось, что они украли у меня все деньги, которые лежали в этом удостоверении; мне бы хватило их на месяц. Видимо, сочли их взяткой, которую сунул им разыскиваемый преступник, и за нее они пренебрегли своими служебными обязанностями.

Почему эти подробности меня сейчас гнетут? Может, этих ментов давно нет, а если они и живы, то им легче, чем мне, потому что они, пенсионеры, давно забыли о своих кражах. Не будет никакого толку от описания этого эпизода, однако он не выходит у меня из головы. Зачем он нужен? Чтобы показать реалии прошедшей эпохи, которую уже никто не помнит? Она сегодня никого не интересует, значит, ее образ для литературы непригоден, излишен.

Вдобавок я даже не заметил, как механически записал эти сцены на бумагу. Не знаю, когда я достал капиллярную ручку и откуда вытащил листок. Смотрю в недоумении: вот Цианкевич, вот Циранкевич, вот менты. Я снова всё записал, хотя непонятно, зачем. Эти наброски должны бы отражать жизнь, но они — мертвое зеркало. Из них не создашь ничего литературного, а свою легендарную креативность я утратил безвозвратно, когда почти два десятка лет назад настали новые времена.

Перевод Марины Курганской

ПОДАЙ ЖЕ РУКУ КАЗАКУ

Мы перепечатываем сегодня очень важную статью, опубликованную в «Вядомостях літэрацкіх» в 1936 году (№4). Ее автор, Зигмунт Новаковский (1891–1963), был публицистом, прозаиком, а также актером, режиссером и драматургом. Свою писательскую и журналистскую деятельность он продолжал и после 1939 г., когда оказался в эмиграции. Огромной популярностью пользовались его очерки, статьи и фельетоны, читавшиеся на радиостанции «Свободная Европа».

Дело, которое затрагивается в публикуемой ниже статье, слушалось в польском суде, а обвиняемыми были украинцы, организаторы и участники убийства министра внутренних дел Бронислава Перацкого (1895–1934). Ярослав Карпынец, активист Организации украинских националистов, был конструктором бомбы, которую должны были тогда использовать. (Бомба не сработала, и террористы застрелили министра.)

Редакция

По странному и случайному совпадению мне пришло в голову приведенное в заголовке статьи историческое стихотворение Шевченко «Поддай же руку казаку...»^[1] Гм, суд критиковать нельзя, и, вероятно, поэтому о варшавском процессе пишется так мало. Тем не менее попробую добавить к этому несколько слов, отталкиваясь от эпизода, который произошел после того, как слушание дела завершилось. Надеюсь, что денежный штраф меня минует.

Хочу обратить внимание на разыгравшуюся недавно характерную сцену: прокурор подал руку обвиняемому, г ну Карпынцу, — тому самому обвиняемому, для которого он требовал смертной казни, мотивируя свое требование следующим образом: «В трактовке Уголовного кодекса вина Карпынца по ст.225 доказана». Именно Карпынец изготовил бомбу, о которой знал, что она должна послужить убийству. Молодой, необычайно способный прокурор начал обвинительную речь со слов: «Невозможно обойтись без достаточно сильных и острых акцентов». И действительно, таких акцентов в его интересной, хорошо сконструированной речи присутствовало изрядное количество — и вот перед Сочельником он подал руку обвиняемому.

Shake-hands прокурора и г на Карпынца предварялся наилучшими пожеланиями, которые высказал обвиняемым великолепный артист г н Зельверович. Этот превосходный актер желал им «спокойствия и утешения». Жест г на Зельверовича представляет собой реакцию благородную, а также человеческую в самом лучшем смысле, но при этом весьма индивидуальную и, к счастью, изолированную. Мне припоминается здесь история, о которой я услышал от одного педагога: он дал темой домашнего задания: «Написать и обосновать, кто из действующих лиц в романе «Огнем и мечом» симпатичнее всех». И в женской гимназии, и в мужской ответ прозвучал почти в унисон: «Богун».

Да и жест прокурора тоже человеческий, и в высшем роде. Но вместе с тем это рефлекс несколько рискованный, я бы даже сказал — опасный. Не говорю о том, что при использовании каких-либо более тонких реагентов удалось бы обнаружить в этом эпизоде некоторую долю мелодраматического элемента. Конечно, такие «*scènes aux mouchoirs*» случались, особенно в парижском бульварном репертуаре. Однако главный упор мне бы хотелось сделать на риск. Сам я не присутствовал при этой сцене, так что не знаю, снял ли прокурор, приближаясь к обвиняемому после завершения заседания, свою мантию, цепь, берет и т.д. Но пусть бы даже он снял костюм и разгримировался, однако он, хотя бы до известной степени, не «штатский» на все сто процентов. Как мы понимаем, прокурору необычайно трудно изменить свое отношение к подсудимому: даже в пиджаке он остается прокурором. Еще и поэтому, читая заметку, я отчасти разнервничался при мысли о том, какотреагирует обвиняемый, человек умный и сознающий свое положение. Он же с легкостью мог отступить на шаг, мог сунуть руку в карман, мог сказать какое-нибудь крепкое словцо. Мог дажеотреагировать без слов. И что тогда? Остается ли прокурор в подобном случае под защитой суда? Мог бы председательствующий приговорить г на Карпынца к карцеру, посту или, как адвоката Шлапака, к штрафу в 300 злотых? Пожалуй, нет. И как же тогда выглядел бы сам прокурор, как выглядел бы суд, как выглядело бы государство? Поэтому, прежде чем я добрался до конца заметки, какой-то внутренний голос во мне напевал предостережение прокурору: «Ой, нэ ходы, Грыцію!..»

Слава Богу, всё закончилось благополучно; сам же эпизод — мелочь, и им не было бы смысла заниматься, если бы это раздвоение личности на прокурора и штатского не было таким весьма характерным для взаимных польско-украинских отношений и для нашей хронической непоследовательности.

Обычно польские и украинские руки довольно редко встречаются в пожатии, тогда как чаще — возможно, и из опасения перед афронтом — они покоятся в карманах брюк. Сверх того случается и так, что в одной из этих пар брюк подчас находится нож, револьвер или же бомба.

Хуже всего, что мы о них ничего не знаем. Кто-нибудь злорадный скажет, что они и сами знают о себе немного, коль скоро еще пять лет назад гипотеза проф. [Мирона] Кордубы^[2], переносящая возникновение украинской нации на XIV–XV века, вызвала столь страстную дискуссию в их собственном лагере. Но это мимоходом. Важнее наше невежество, наше абсолютное незнание людей, с которыми мы живем и будем жить на одной земле. Что, к примеру, средний польский интеллигент знает об их развитии, культуре, литературе, о наших взаимных отношениях? Ничего. Знает ли, скажем, первый попавшийся краковянин, что именно в Кракове живет и пишет самый выдающийся украинский прозаик, Богдан Лепкий^[3]? Еще до недавнего времени, желая хотя бы кое-как ориентироваться в польско-украинских отношениях, мы могли руководствоваться по существу только Фельдманом^[4], и лишь в последнее время, когда в Варшаве был создан Украинский научный институт, дело сдвинулось с мертвой точки — главным образом, благодаря работам Леона Василевского^[5]. К украинцам мы относимся почти таким же образом, как святой памяти пан Заглоба. Говорим «Дмытро, Грыць, Мыкола». В самом лучшем случае трактуем их как полуинтеллигентов-поповичей. Мне это представляется принципиальной ошибкой. Мы не замечаем происходящую эволюцию. Я думаю, например, об интеллектуальном химике, г н Карпынце, поскольку не в первый раз встречаюсь на почве польско-украинских отношений именно с этой фамилией. Мне неизвестно, из какой семьи родом г н Карпынец, однако я полагаю, что из землепашцев. Возможно, его предком в прямой линии был некий Карпынец, первый русинский депутат, избранный в 1861 г. в венский Государственный совет. Депутат сей вместе с другими неграмотными пытался всяческими способами отказаться от мандата, мотивируя свою просьбу следующим образом: «Я тыж до Вены нэ могу иты, я дома на господарстви, мого сына клычут (призывают) до регименту (полка); прошу мэнэ також увильныты вид тохо обовязку...»

Это происходило в 1861 году. Сегодня у нас 1936 год. Молодой, образованный студент университета, возможно, внук или правнук упомянутого Карпынца семидесятипятилетней давности, сидит на скамье подсудимых. В этом процессе фигурировал также сын одного львовского судьи. Отец —

польский судья, сын находится во враждебных отношениях к польскому государству. Сколько же здесь контрастов! И на сей раз это уже не мелодрама, а конфликт по-настоящему драматический, даже трагический!

Могут ли эти руки встретиться? Я читаю необыкновенно интересный том Хлендовского^[6] «Из прошлого — нашего и чужого» (глава «Борьба с централизмом») и, читая, не могу надивиться развитию этих отношений. Возьмем для примера такой вопрос, как Львовский университет. В лето Господне 1861 е неутомимый и благородный поборник согласия обоих народов, князь Ежи Любомирский требует выбросить из львовской альма-матер немецкий язык и заменить его польским и русинским языками «в надлежащем соотношении». Что он имел в виду, употребляя прилагательное «надлежащее»?

Знаменательное явление: одновременно и единодушно принято предложение других аристократов, князя. Леона Сапеги и графа Людвика Водзицкого, а также Миколая Зыбликевича, чтобы в школах, административных органах и в судебной системе вместо немецкого употреблялся польский и русинский языки. Сегодняшнее судебное разбирательство проходит — принимая во внимание место его проведения — по-польски. И это правильно. Обвиняемые в совершенстве владеют польским языком, но не хотят говорить на нем, а прокурор Рудницкий заявляет, что понимает этот демонстративный акт. И это опять же правильно. Однако же в процессе выступает свидетель, шофер из Бельска, и дает показания на... немецком. Вынужден прийти переводчик. Критиковать суд нельзя, но, думается, можно пожать плечами.

При чтении Хлендовского нас на каждом шагу охватывает удивление, иногда даже взволнованность и растроганность. Вот проходит первый галицийский сейм! Встает русин, свящ. Могильницкий, и, обращаясь к своим, восклицает: «Покажит, що вы братия, що вы щерэ (искренние) другы, покажит, що в року 1848 мылость, едность та вольность нэ булы слова, но чины (действия), а тогда всих обыватэлей облобезаемо, чи то лях, чи русын!»

Воистину, престранные времена! И, как представляется, безвозвратно минувшие. Близ краковского магистрата стоит памятник президенту города Зыбликевичу, который был греко-католиком. Разве кому-нибудь пришло бы в голову оспаривать польскость Зыбликевича? А соредактором краковского журнала «Час» («Время») был Зигмунт

Савчинский, тоже «русин». Впрочем, для чего же затрагивать столь отдаленную эпоху? Разве один из самых великолепных польских публицистов последнего периода, святой памяти г н Константы Сроковский не был «gente Ruthenus, natione Polonus»^[7]? Да у меня самого в восьмом классе гимназии был товарищ, который перед уроком Закона Божьего выходил прогуляться в коридор, будучи греко-католиком. Потом он вступил в легионы, а сегодня это выдающийся генерал, состоящий на действительной службе. А разве, помимо сказанного, контрасты в семействе Шептицких не иллюстрируют этих возможностей лучше всего?

Как мне представляется, препятствием к тому, чтобы наши взаимные отношения складывались более или менее подобным образом, было отсутствие всякой последовательности с нашей стороны. Потому что вторая сторона ведет себя даже слишком последовательно. Вот довольно близкий к правительству печатный орган пишет несколько дней назад: «Участие самой крупной организации украинского общества в парламентских выборах было... первой пробой начавшейся политики доверия». Сколько же оптимизма в этом голосе! А еще больше — легкомыслия. Поскольку одновременно с этим вице-маршал Мудрый^[8] подает совсем иную реплику, заявляя, что это ни к чему не обязывает и «носит чисто дискуссионный характер»... Даже не сильно тонкое и чуткое ухо заметит в этом диалоге некоторый диссонанс.

В то время как украинское общество уже на протяжении целого ряда лет начинает консолидироваться, создавая прекрасно организованные и руководимые интеллигентами кооперативы, в восточной Малопольше величина, уровень и состояние наших владений изо дня в день сокращаются. Потому что о какой-либо налоговой политике, о реальной помощи, о предоставлении льгот и послаблений для польских землевладельцев и крестьян в той части страны никто не подумал. Мы читаем только об аукционах, о переходе всевозможных латифундий в украинские руки.

Когда я просматриваю два огромных и бесконечно интересных тома «Оборона Львова, 1–22 ноября 1919 года», то вижу, что даже в такой героический момент мы не сумели консолидироваться, ибо наши силы ослабляла борьба за власть, за командование, а также разнообразные политические игры. И так продолжается по сей день. Мне кажется, что на востоке страны каждый воевода применяет свою тактику. Был даже такой, кто за счет польского театра отдавал предпочтение

театру украинскому. И взамен за это фигурировал в списке кандидатов на тот свет.

Более того, после всего того зла, которое натворило усмирение восточной Малопольши, в скором времени последовательно и решительно взялись за усмирение... Львова, стараясь оголить этот великолепный город и лишить его самых важных бастионов и центров польскости.

Подобную работу мы привыкли характеризовать таким заимствованным из русинского языка термином, как «бэзголове»...

А тем людям, которых при виде гидры шовинизма охватывает сомнение, рекомендую в качестве успокоительного чтение прекрасной книги Стефана Цвейга о первом сознательном европейце — об Эразме Роттердамском. Этот великий гуманист и вместе с тем неизлечимый романтик верил, что все столкновения между личностями и народами «можно уладить добром, путем взаимной уступчивости, ибо всё это в пределах человеческого разумения»...

Эразм Роттердамский был оптимистом. Но в этом оптимизме состоит также источник его непреходящей славы...

1936

«Вядомости литерацке» (1924–1939, гл. редактор Мечислав Грыдзевский) были самым популярным культурным еженедельником в Польше. Журнал пропагандировал современное либеральное мировоззрение, боролся с национализмом и ограничением свободы личности, поддерживал Юзефа Пилсудского.

-
1. Это стихотворение называется «Полякам» и известно на русском в переводе А.Н.Плещеева. — Пер.
 2. Мирон Михайлович Кордуба (1876–1947) — украинский ученый, публицист, историк, писатель. Учился в Вене, работал в Черновцах и Львове, а в 1929–1939 гг. — в Варшавском университете.
 3. Богдан Лепкий (1872–1941) — украинский писатель, сенатор Второй Речи Посполитой, профессор Ягеллонского университета в Кракове.
 4. Видимо, имеется в виду Вильгельм Фельдман (1868–1919) — литературный критик, публицист и писатель, связанный с галицийскими социалистами и борцами за независимость,

автор, в частности, монографии «Партии и политические программы в Галиции 1846—1906» (тт.1-2, 1907).

5. Леон Василевский (1870-1936) — деятель Польской социалистической партии, политик, историк.
6. Казимеж Хлендовский (1843-1920) — писатель, историк и публицист. До 1880 х во Львове, где был связан с лагерем галицийских демократов; с 1881 в Вене как высокий чиновник Австро-Венгрии (в частности, в 1899-1900 гг. — уполномоченный по делам Галиции). Указанный сборник был выпущен посмертно в 1935 году.
7. «Родом — русин, гражданством — поляк». Впервые эту латинскую формулу провозгласил политический и религиозный писатель, ксендз Станислав Ожеховский (1513-1566).
8. Василь Мудрый (1893-1966) — журналист, депутат Сейма, одно время вице-маршал Сейма.